

Russian-Armenian (Slavonic) University

*Printed by the decision of the
Academic Council of RAU*

V E S T N I K

**OF RUSSIAN-ARMENIAN (SLAVONIC) UNIVERSITY
(SERIES: HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES)**

**(52)
RAU University Press
No. 1/2025**

Российско-Армянский (Славянский) университет

*Печатается по решению
Ученого Совета РАУ*

В Е С Т Н И К

**РОССИЙСКО-АРМЯНСКОГО (СЛАВЯНСКОГО)
УНИВЕРСИТЕТА**

**(СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ)**

(52)

Издательство РАУ

№ 1/2025

Вестник РАУ, № 1(52). – Ер.: Изд-во РАУ, 2025. – 184 с.

Главный редактор: д.эконом.н., профессор **Сандоян Э.М.**

Заместитель главного редактора: д.филос.н., проф., к.ф.-м.н. **Аветисян П.С.**

Ответственные секретари: к.филос.н., доц. **Саркисян О.Л.**, к.филол.н., доц. **Авакян М.Э.**

Редакционная коллегия

Юридические науки

Т.В. Епифанова – д.э.н., к.ю.н., проф. Кафедры гражданского права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (Россия).

В.Л. Толстых – д.ю.н., проф. Кафедры международного права МГИМО МИД России, главный научный сотрудник Лаборатории международно-правовых исследований МГИМО (Россия).

В.М. Баранов – д.ю.н., проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, Президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника» (Россия).

В.В. Ярков – д.ю.н., проф., заведующий Кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева.

С.С. Аветисян – д.ю.н., проф., Заслуженный юрист РА, проф. Кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права Российско-Армянского (Славянского) университета, судья уголовной палаты Кассационного суда РА.

А.С. Гамбарян – д.ю.н., проф., Заслуженный юрист РА, заведующий Кафедрой теории права и конституционного права Российско-Армянского (Славянского) университета.

Политические науки

М.М. Лебедева – д.п.н., к.псих.н., проф., заведующая Кафедрой мировых политических процессов МГИМО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный работник высшей школы (Россия).

С.М. Маркедонов – к.ист.н., доц. Кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО, ведущий научный сотрудник Центра Евро-Атлантической безопасности МГИМО, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО, главный редактор журнала «Международная аналитика» (Россия).

И.С. Семененко – д.п.н., проф., член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН (Россия).

И.И. Кузнецов – д.п.н., проф., проф. Кафедры истории и теории политики МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия).

С.П. Поцелуев – д.п.н., к. филос.н., доц., проф. Кафедры теоретической и прикладной политологии Института Философии и Социально-политических наук Южного-Федерального университета (Россия).

А.П. Енгоян – д.полит.н., проф., проф. Кафедры политологии Ереванского государственного университета.

Экономические науки

А.А. Широв – чл.-корр. РАН, д.э.н., проф., директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Россия).

А.К. Моисеев – д.э.н., исследователь Междисциплинарного исследовательского центра кибербезопасности им. Блаватника Тель-Авивского университета.

М.А. Абрамова – д.э.н., проф., руководитель Департамента банковского дела и финансовых рынков Финансового университета при Правительстве РФ (Россия).

М.Ю. Головин – чл.-корр. РАН, д.э.н., проф., директор Института экономики РАН (Россия).

С.А. Кристиневиц – д.э.н., доц. Кафедры экономической теории Белорусского государственного экономического университета (БГЭУ) (Белоруссия).

А.М. Суварян – д.э.н., проф., заведующий Кафедрой управления и бизнеса Российско-Армянского (Славянского) университета.

М.А. Восканян – д.э.н., доц., заведующая Кафедрой экономики и финансов Российско-Армянского (Славянского) университета.

И.Б. Петросян – к.э.н., доц., заведующая Кафедрой экономической теории и проблем экономики переходного периода Российско-Армянского (Славянского) университета.

Филологические науки

А.К. Егиазарян – д.филол.н., проф., проф. Кафедры армянского языка и литературы Российско-Армянского (Славянского) университета.

А.А. Симонян – д.филол.н., проф., заведующая Кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации Российско-Армянского (Славянского) университета.

К.С. Акопян – к.филол.н., доц., заведующий Кафедрой русского языка и профессиональной коммуникации Российско-Армянского (Славянского) университета.

Л.С. Меликсетян – к.филол.н., проф., заведующая Кафедрой русской и мировой литературы и культуры Российско-Армянского (Славянского) университета.

С.Т. Золян – д.филол.н., проф.

Н.В. Поплавская – к.филол.н., доцент Кафедры массовых коммуникаций РУДН, заместитель декана филологического факультета по международной деятельности РУДН, руководитель образовательных программ “Multimedia journalism”, “Global and digital media” РУДН (Россия).

И.С. Леонов – д.филол.н., проф. Кафедры мировой литературы Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина (Россия).

Исторические науки

Е.Г. Маргарян – д.ист.н., проф., директор Института международных отношений и общественно-политических наук Российско-Армянского (Славянского) университета.

А.А. Мелконян – д.ист.н., проф., академик НАН РА, директор Института истории НАН РА.

Психологические науки

А.С. Берберян – д.псих.н., проф., заведующая Кафедрой психологии Российско-Армянского (Славянского) университета.

О.А. Корнилова – д.псих.н., доц., первый заместитель директора, проф. Кафедры педагогической и прикладной психологии Самарского филиала ГТАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» (Россия).

Философские науки

Г.Э. Галикян – к.филос.н., доц., заведующий Кафедрой философии Российско-Армянского (Славянского) университета.

С.Г. Оганесян – д.филос.н., проф., проф. Кафедры философии Российско-Армянского (Славянского) университета.

Р.З. Джиджян – д.филос.н., проф., проф. Кафедры философии и логики Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна.

Востоковедение

Е.И. Зеленева – д.и.н., проф., директор Института востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург (Россия).

Г.С. Асатрян – д.филол.н., проф., директор Института востоковедения Российско-Армянского (Славянского) университета.

В.А. Аракелова – к.и.н., проф. Института востоковедения Российско-Армянского (Славянского) университета.

Журнал основан в 2003 году и входит в перечень периодических изданий, зарегистрированных ВАК РА и РИНЦ

Российско-Армянский (Славянский) университет, 2025г.

Editor-in-Chief: Doctor of Economics, Professor **Sandoyan E.M.**

Deputy Chief Editor: Doctor of Philosophy, Professor, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, **Avetisyan P.S.**

Responsible Secretaries: Candidate of Philosophy, Associate Professor, **Sarkisyan O.L.**,
Candidate of Philology, Associate Professor, **Avakyan M.E.**

Editorial Team

Legal Sciences

T.V. Epifanova – Doctor of Economics, Candidate of Juridical Sciences, Professor. Chair of Civil Law, Rostov State Economic University (RINH) (Russia).

V.L. Tolstyh – Doctor of Juridical Sciences, Professor. Chair of International Law, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) Ministry of Foreign Affairs of Russia, Chief Researcher at the Laboratory of International Legal Studies, MGIMO (Russia).

V.M. Baranov – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Assistant to the Chief of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Innovative Development of Scientific Activities, President of the Nizhny Novgorod Research and Applied Center “Legal Technology” (Russia).

V.V. Yarkov – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Civil Procedure, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Russia).

S.S. Avetisyan – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Armenia, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure Law at the Russian-Armenian (Slavonic) University, Judge of the Criminal Chamber of the Cassation Court of the Republic of Armenia.

A.S. Gambaryan – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Armenia, Head of the Department of Legal Theory and Constitutional Law at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

Political sciences

M.M. Lebedeva – Doctor of Political Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of World Political Processes at MGIMO (Moscow State Institute of International Relations), Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Education (Russia).

S.M. Markedonov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of International Relations and Foreign Policy of Russia at MGIMO, Senior Researcher at the Center for Euro-Atlantic Security at MGIMO, Senior Researcher at the Institute of International Studies at MGIMO, Chief Editor of the journal “International Analytics” (Russia).

I.S. Semenenko – Doctor of Political Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director for Scientific Research at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) of the Russian Academy of Sciences (Russia).

I.I. Kuznetsov – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor at the Department of History and Theory of Politics, Lomonosov Moscow State University (Russia).

S.P. Potseluev – Doctor of Political Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Theoretical and Applied Political Science, Institute of Philosophy and Social-Political Sciences, Southern Federal University (Russia).

A.P. Engoyan – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor at the Department of Political Science, Yerevan State University.

Economic Sciences

A.A. Shirov – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (Russia).

A.K. Moiseev – Doctor of Economics, researcher in Blavatnik Interdisciplinary Cyber Research Center (ICRC), Tel Aviv University.

M.A. Abramova – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Banking and Financial Markets at the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russia).

M.Yu. Golovnin – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia).

S.A. Kristinevich – Doctor of Economics, Associate Professor, Department of Economic Theory, Belarusian State Economic University (BSEU) (Belarus).

A.M. Suvaryan – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Management and Business at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

M.A. Voskanyan – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Economics and Finance at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

I.B. Petrosyan – Candidate of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Economic Theory and Issues of the Economy in the Transitional Period at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

Philological sciences

A.K. Eghiazaryan – Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor at the Department of Armenian Language and Literature, Russian-Armenian (Slavonic) University.

A.A. Simonyan – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Language Theory and Intercultural Communication, Russian-Armenian (Slavonic) University.

K.S. Akopyan – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and Professional Communication, Russian-Armenian (Slavonic) University.

L.S. Meliksetyan – Candidate of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Russian and World Literature and Culture, Russian-Armenian (Slavonic) University.

S.T. Zolyan – Doctor of Philological Sciences, Professor.

N.V. Poplavskaya – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Mass Communications, RUDN University, Deputy Dean of the Philological Faculty for International Activities at RUDN, Head of Educational Programs “Multimedia Journalism”, “Global and Digital Media” at RUDN (Russia).

I.S. Leonov – Doctor of Philological Sciences, Professor, Chair of World Literature at the State Institute of Russian Language named after A.S. Pushkin (Russia).

Historical Sciences

E.G. Margaryan – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Humanities at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

A.A. Melkonyan – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of Armenia (NAS RA), Director of the Institute of History at NAS RA.

Psychological Sciences

A.S. Berberyan – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

O.A. Kornilova – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, First Deputy Director, Professor at the Department of Pedagogical and Applied Psychology, Samara Branch of the Moscow City Pedagogical University (Russia).

Philosophical Sciences

G.E. Galikyan – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

S.G. Oganessian – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor at the Department of Philosophy at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

R.Z. Djidjyan – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor at the Department of Philosophy and Logic at the Armenian State Pedagogical University named after Kh. Abovyan.

Oriental Studies

E.I. Zeleney – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Oriental Studies and African Studies at the National Research University Higher School of Economics (HSE), Saint Petersburg (Russia).

G.S. Asatryan – Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of the Institute of Oriental Studies at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

V.A. Arakelova – Candidate of Historical Sciences, Professor, Institute of Oriental Studies at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

The journal founded in 2003 is included in the list of periodicals registered by HAC RA and RSCI

Russian-Armenian (Slavonic) University, 2025

ISSN 1829-0450

© RAU University Press, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ

Мирумян Р.А. Мифотворчество как основа формирования политического сознания армянского народа	11
Саргсян С.А., Геворгян А.А., Мурадян А.Т. «Мягкая сила» США в отношении Армении в период президентства Джорджа Буша (1989–1992)	45
Симонян Т.К. Политико-правовой анализ развивающихся мандатов и их влияния	60

ЭКОНОМИКА

Восканян М.А., Петросян Д.Г. Анализ и оценка активов пенсионных фондов Республики Армения	74
Донченко А.В. Преимущества и вызовы внешнеэкономического выбора Армении. Два вектора интеграции	90

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Давтян А.Г. Злоупотребление правом в гражданском процессе РА: проблемы и перспективы развития законодательства	106
Авагян И.А. Участие защитника в производстве по делам несовершеннолетних	119
Аветисян Д.П. Регламентация оснований, исключающих уголовную ответственность по новому законодательству Республики Армения	134
Каграманян А.В. О некоторых проблемах, связанных с изменением и прекращением лизинговых обязательств	149

ЛИНГВИСТИКА

Матинян К.Р. Многоязычность и её роль в эпоху глобализации	171
---	-----

CONTENT

POLITICAL SCIENCE

Mirumyan R. Myth-making as a determining component of formation of political consciousness of the Armenian nation	11
Sargsyan S., Gevorgyan A., Muradyan A. The U.S. soft power towards Armenia under George Bush's presidency (1989–1992)	45
Simonyan T. Political and legal analysis of evolving mandates and their impact	60

ECONOMICS

Voskanyan M., Petrosyan D. Analysis and valuation of assets of pension funds of the Republic of Armenia	74
Donchenko A. Advantages and challenges of Armenia's foreign economic choice. Two vectors of integration	90

JURISPRUDENCE

Davtyan A. Misuse of rights in civil procedure of the Republic of Armenia: issues and prospects for legislative development	106
Avagyan I. Defense counsel's participation in juvenile proceedings...	119
Avetisyan D. Regulation of grounds excluding criminal liability under the new legislation of the Republic of Armenia	134
Ghahramanyan A. About some problems related to modification and termination of leasing obligations	149

LINGUISTICS

Matinyan K. Multilingualism and its role in the era of globalization	171
---	-----

ПОЛИТОЛОГИЯ

DOI 10.24412/1829-0450-2025-1-11-44
УДК 32

Поступила: 02.12.2024г.
Сдана на рецензию: 06.12.2024г.
Подписана к печати: 23.01.2025г.

МИФОТВОРЧЕСТВО КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ АРМЯНСКОГО НАРОДА

Р.А. Мирумян

*Российско-Армянский (Славянский) университет
Институт философии, социологии, права НАН РА
rimta.mirumyan@gmail.com
ORCID: 0009-0005-3794-590X*

АННОТАЦИЯ

В представляемой вниманию читателя статье постулируется и обосновывается тезис о том, что политическое сознание армянского народа зарождалось в недрах носящего мифологический характер древнеармянского мировоззрения. По существу, политическое сознание, мифологическое сознание, а также мировоззренческая сетка координат древних армян представляло собой весьма определенный смысловой треугольник. А ядром и стержнем этого смыслового треугольника является отражающее специфику и уровень развития самопознания/самосознания древних армян (как проекции их мироощущения/ миропонимания) стремление к достижению независимости собственного бытия. Именно в древнейшем армянском героическом сказании об Айке и Беле рождается идея независимости как

условия осуществления присущего армянам свободолюбия и достойного (независимого) существования. В дальнейшей истории развития армянского национального самосознания (вплоть до XXв.) идея независимости национального бытия легла в основу исторической памяти армянского народа и стала стержнем армянских философско-исторических и политико-философских концепций. Одним из ярчайших проявлений смысловой связки «мировоззрение-мифологическое сознание-политическое сознание» явился армянский национальный эпос «Давид Сасунский», начало формирования которого датируется примерно VII веком. Зафиксированная в «Истории Армении» отца армянской историографии Мовсеса Хоренаци (Vв.) древнейшая легенда о прародителе армян Айке и армянский национальный эпос «Давид Сасунский» стали архетипами армянского национального самосознания и культурными кодами армянской нации

Ключевые слова: политическое сознание армянского народа, армянская мифология, культурная самобытность нации, историческая память, мифотворчество.

Современная глобальная политическая ситуация (формирование глобального политического пространства и ослабление национальных государств) в очередной раз вызвала к жизни проблему этнонационализма, сопряженную с возрождением интереса к национальным и этнонациональным политическим мифам. С конца XX века отмеченная тенденция находит свое выражение в философских, исторических, социологических, политологических и культурологических исследованиях [1]. В этих исследованиях акцент главным образом ставится на вопросе конструирования национальной идентичности через этнонациональное мифотворчество. Конечной же целью данного процесса является создание и/или сохранение и развитие национального государства, что необходимым образом предполагает формирование/активизацию исторической памяти современных народов.

Действительно, историческая память народа является важнейшим условием как образования, так и сохранения и развития национальной государственности. В истории наблюдается следующая зако-

номерность: народы, не обладающие исторической памятью, не способны жить самостоятельной политической жизнью, то есть не способны к созданию и сохранению собственного государства. Историческая память народа создается и периодически активизируется через культуру, обеспечивающую необходимую для народного единства духовную связь. Поэтому историческая память народа – это его культурная память, в которой нашли отражение развернутые во времени представления народа о своем происхождении и, соответственно, своем месте в Универсуме (космическом и социальном).

С этой точки зрения считаю неправомерным активно муссируемое в наше время определение исторической памяти как коллективной памяти, социальной памяти, коллективного мозга, групповой памяти и так далее. Такой взгляд «страдает» отсутствием акцентации национальной специфики, что неприемлемо в принципе. Ведь история и культура не формируются и не существуют вне границ национального бытия. История и культура имеют «национальную принадлежность» и представляют собой взаимосвязанные и взаимообусловленные явления. Культура существует постольку, поскольку в ней присутствует феномен истории и наоборот, история существует в той мере, в какой она вписана в многообразие форм культуротворчества нации, оплодотворяя ее бытие [2].

Более того, в основе культуры каждой нации лежат исторически выработанные ею жизненные ориентиры, тип мироощущения, символически отражающие уровень ее самосознания. Ценности национальной культуры резонируют с эмоциональным строем носителей этой культуры, и поэтому лишь историческая память создавшей эти ценности нации придает им определенный смысл и значение [3]. Культура есть постоянно обогащающийся результат творчества череды поколений определенной нации, в которых находит свое выражение духовная природа этой нации. Во всех формах культуротворчества нации (от мифологии и фольклора до философии и науки) присутствует (в специфической для этой нации форме) духовно-нравственная составляющая, которая определяет смысложизненные ориентиры и взгляд этой нации на свое прошлое, настоящее и будущее.

Следовательно, историческая память нации очерчивает историческую глубину ее (нации) существования, а, с другой – ее историческую перспективу, тем самым обеспечивая целостность национально-бытия и непрерывное наследование нацией своей культуры. Поэтому потеря нацией своей исторической памяти, на что направлены современные мощные информационные технологии, чревата утратой нацией своего «Я» (самости), что влечет за собой ее смерть. А это, в свою очередь, негативно сказывается на духовно-нравственном и культурном уровне всего человечества.

Наблюдаемая в последнее время социологизация и прикладнизация всей области обществоведения превратила последнюю в технологию управления, что породило опасные для настоящего и будущего человечества «разломы» цивилизационного порядка. Актуальная с точки зрения политического существования современных наций и весьма значимая для их культур проблема мифотворчества разрешается сегодня через создание политехнологических мифов. Это означает, что миф изменяет свой онтологический статус и превращается в механизм управления социумом.

Начало процессу конструирования национальной идентичности через этнонациональное мифотворчество было положено в XVIIIв. в Западной Европе, когда формирующиеся европейские нации стали считать себя потомками древних римлян, галлов, франков и так далее. В XX веке эта тенденция вышла за границы Западной Европы и стала проявляться, к примеру, в стремлении турок называть себя потомками шумеров и хеттов, желании иранцев причислить себя к потомкам вавилонян, претензии современных жителей Египта называть себя наследниками империи фараонов и т.д. [4].

Между тем имеющие древнейшее происхождение нации отнюдь не нуждаются в подобном мифотворчестве, а, следовательно, и в конструировании/трансформации собственной идентичности. Созданная на заре человеческой истории мифология этих народов вписана в код их древнейшей культуры. Вернее сказать, она сама является кодом культуры древнейших народов. Мифология этих народов (как исторически возникшая первая форма духовного освоения мира) стала фун-

даментом и вместе с тем выражением зарождающегося этнического/национального самосознания, а, следовательно, культурной самобытности этих народов, обусловившей специфику их исторического существования. Мифологическое сознание этих наций является основанием всей их многотысячелетней культуры: религии, искусства, обычаев и традиций, духовно-нравственных норм организации социально-политической жизни. Поэтому в отношении этих наций в лучшем случае можно говорить о необходимости активизации (даже не реанимации) их мифологического сознания, а через это и активизации исторической памяти этих наций как необходимого условия сохранения культурной самобытности (не идентичности), а, следовательно, сохранение/восстановление и развитие национальной государственности. В данном случае речь идет о степени исторической глубины самопознания/самосознания наций как проекции их мировидения/миропонимания, архетипы которых лежат в образах и символах их древнейших мифов.

Содержащаяся в древнейших мифах духовная структура бытия неизменна и не подвержена влиянию времени. В силу своей неизменности духовная структура бытия содержит в себе все временные модусы бытия (прошлое, настоящее и будущее) этноса/нации, обеспечивая тем самым вечное «теперь», в котором объединены начало и конец Бытия. Вероятно, об этом сказано в Евангелии от Фомы: «Открыли ли Вы начало, чтобы искать конец? Ибо в месте, где начало, и есть конец».

К числу наций, обладающих огромной исторической глубиной самопознания/самосознания, относится армянский народ. Мифологическое сознание древнейших армян зарождается именно как форма их самосознания/самопознания. Мифологическое сознание армян носит космологический характер и в силу этого формируется на «всеохватном восприятии реальности – от звезд до человека и его общественных институтов. Взятые в своей целокупности, они составляют полюс «Мы» как центр конструктивного и позитивного» [5]. Вероятно, именно через акцентирование полюса «Мы» (Армяне) зарождается восприятие древнейшими армянами своей самобытности, что в XVIII–XIX веках представителями основанного Мхитаром Себастиаци

Армянского католического ордена в Венеции (Мхитарианцами) было определено как «армянскость» («հայկազնութիւն»).

Так, еще в древнейшем армянском героическом сказании – легенде об Айке и Беле, рождается идея о необходимости стремления к независимости, осознаваемое как предусловие осуществления изначально присущего армянскому народу потребности в свободе и достойном существовании. Составившие основу исторической памяти армянского народа, эти идеи впоследствии стали стержнем армянских философско-исторических и политико-философских концепций [6].

Зарождающееся в недрах мировоззрения древних армян мифологическое сознание есть проявление их самопознания/самосознания. Именно оно определило культурную самобытность армянского народа и его стремление к независимому существованию. Формирование политического мышления армянского народа относится к древнейшему периоду его истории – периоду создания мифов. В них отражены представления древнейших армян о своем происхождении, территории и границах своего обитания, создании, защите и усилении Армянского царства, свободолюбии жителей Армении, их любви к родной земле. Эти представления стали архетипами армянского национального самосознания и стержнем армянского национальной идеологии вплоть до начала XX века. Данное суждение коррелирует с утверждением видного арменоведа Карлена Мирумяна о степени значимости армянской мифологии с точки зрения генезиса и развития армянской политической мысли. Особо подчеркиваются им те мифы, в которых наиболее выпукло проявились «идеи и представления древних армян о происхождении, сохранении и усилении армянской государственности (царства), о борьбе древних армян против иноземных завоевателей, их устремленности к свободе и независимости, о праве народа жить самостоятельно и свободно, о миролюбии, преданности родной земле и народу и т.д., которые, после соответствующей обработки, впоследствии стали краеугольным камнем национальной исторической памяти, основой формирования национально-политического сознания, национальной идентичности и национальной идеологии» [7].

Армянская мифология представляет собой богатый комплекс мифов, легенд, сказаний, восходящих к обитавшим на Армянском нагорье во II–I тысячелетии до нашей эры племенам. В армянской мифологии представлены наиболее значительные для жизнедеятельности древнего армянина темы и сюжеты. С точки зрения предмета моего исследования наиболее значимым из всех древнеармянских мифов является первый армянский этногонический миф – легенда о прародителе армян Айке (Хайке, Гайке) и следующих за ним семи поколениях армянских патриархов. Именно с ними (Айкидами, Хайкидами, Гайкидами) связывается создание Армении, «Армянской Вселенной» – Армянского политического космоса.

До нас дошло зафиксированное в средневековых манускриптах сказание об этногенезе армян. Наиболее значимыми из этих манускриптов армянские историки называют армянские, арабские, греческие, грузинские и древнееврейские источники. Из армянских источников наиболее полно сказание об этногенезе армян представлено в «Истории Армении» отца армянской историографии Мовсеса Хоренаци (Vв.). Отдельные части сказания представлены в «Истории» армянского историка начала VII века Себеоса, в трудах выдающегося армянского ученого, математика, календароведа, астронома, естествоиспытателя и философа VII века Анания Ширакаци и других памятниках армянской средневековой культуры. Все перечисленные части сказания обобщил армянский историк XVIII века Микаэл Чамчянц в своем фундаментальном труде «История Армении с начала мироздания до года господня 1784».

В арменоведении принято считать, что в дохристианской Армении сказание о прародителе армян Айке не был зафиксирован в письменной форме, хотя в этот период на армянском языке были созданы многочисленные памятники. Кроме того, была сформулирована идея о том, что до Гарегина Срвандзтянца (армянский фольклорист, этнограф XIX века) не был изложен также эпос «Давид Сасунский». Г. Срвандзтянец записал эпос из уст армянского сказителя Крпо в 1873 году. Артак Мовсисян объясняет это тем, что в дохристианской Армении

существовала традиция передачи «священных историй» лишь в устной форме и только через «сословие» сказителей [8].

Однако существует целый ряд памятников древнейших цивилизаций, в которых эта «священная история» письменно зафиксирована. Так, в шумерском героическом эпосе Аратта (древнейшее армянское государство) называется местом, где правят божественные законы – управляющие вселенной (духовной и социальной) священные силы, сущности. В шумеро-аккадской мифологии властителем этих законов называется Хайа-Энки, мудрейший из богов, которому поклонялись на Армянском нагорье. В древнейших месопотамских источниках отмечено, что священная земля Армянского нагорья являлась местом, где происходили события вселенского масштаба и действовали священные божественные законы, и где жил не обычный, а избранный народ. Об этом так засвидетельствовано в шумерском героическом эпосе: «Люди (Аратты), отличные от других людей, люди, которые Думузи отделил от других людей» [9]. На основе этого утверждения Артак Мовсисян делает вполне правомерный вывод о том, что использование выражения «избранный народ» важно не только для подчеркивания древности жителей Армянского нагорья, но и тем, что «избранным» себя считает не сам армянский народ, а его таковым признают иноземцы [10].

Известно, что в древнепереднеазиатских памятниках упоминаются связанные с Армянским нагорьем топонимы и этнонимы с основой «(Х)айа»:

1. Этноним и топоним «Хайа» часто упоминается в текстах Эблы (север Сирии XXIV–XXIII вв. до Р.Х.), а также в связи с городами Арми и Ази (на юго-западе Армянского нагорья).

2. В месопотамских двуязычных текстах названию Субур (Субари) соответствует «Страна (город) Хайа». Этноним «Хайа» встречается в тексте из Ашшура (III–II тысячелетие). В хеттских надписях (XV–XIII вв. Р.Х.) встречаем упоминание о стране Хайаса [11].

Вышеприведенные сведения выявляют генеалогическую связь между именем бога Хайа, этнонима «Хайа» и топонимов с основой

«хай» в письменных источниках Эблы, Аккада, Шумера, Ашшура, Хеттского государства и самоназвания армянского народа «хай» (hay).

Связь бога Хайа-Энки с Армянским нагорьем продолжается и углубляется через его сына – бога природы и возрождения Думузи, представляемого богом-покровителем Аратты. Месопотамский Думузи-Таммуз соответствует греческому Ориону, который в армянском переводе Библии (Иов, 9, 9) заменяется Хайком. Думузи означает «истинный сын». Что касается слова «Хайк», то он состоит из этнонима или топонима «Хай(а)» и частицы *-ик* и обозначает «представитель», сын племени (или бога) «Хайа». В шумеро-аккадской мифологии бог Хайа-Энки называется Творцом [12].

Представленные сведения об обитающем на Армянском нагорье главном лице в мифе о сотворении мира Хайа-Энки и о боге-покровителе Аратты Хайке имеют бóльшую историческую глубину, чем зафиксированное в армянском предании и изложенное средневековыми армянскими авторами сказание об Айке и Беле

В древних письменных источниках подтверждаются имена, данные Армении и армянам, начиная с III тысячелетия до нашей эры. Современные результаты исследований в области сравнительного языкознания позволяют утверждать, что, будучи ветвью индоевропейской семьи языков (армяно-греко-арийской подгруппы), армянский язык становится самостоятельным языком в начале III тысячелетия нашей эры, а носители древнеармянского языка населяли Армянское нагорье в III–II тысячелетии до нашей эры [13]. В древних письменных источниках приводятся имена, данные Армении и армянам, начиная с III тысячелетия до нашей эры. В раннесредневековой армянской историографии уже встречаются взятые из разных источников следующие названия Армении: Хайк, Арарат/д, Армения, «Дом Торгома» (от имени библейского патриарха Фогармы, в христианский период считающийся отцом патриарха Хайка), страна «рода Асканазского» (от имени брата патриарха Фогармы – Аскеназа). Артак Мовсисян убедительно показывает, что засвидетельствованные на территории Армянского нагорья топонимы относятся к стране Аратта. Кроме того, первое же историческое сведение об Армянском нагорье является свидетельством

существования государственного образования Аратта. Последнее упоминается в шумерских текстах в связи с событиями, произошедшими в XXVIII–XXVII веках до нашей эры (первые пять повествований шумерского героического эпоса, сказание «Иннана и Эбих», надписи Гудеи (XXII век до РХ) [14].

Согласно армянскому преданию (легенда об Айке и Беле), армяне произошли от одного из порожденных древними богами титанов – Айка. В сказании выделяются две плоскости – космогонический и христианский. В космогонической плоскости противостояние Айка и Бела олицетворяет вечное противостояние двух космических начал – света/весны и тьмы/зимы. После принятия Арменией христианства армянский космогонический миф был трансформирован, в результате чего Аик стал представляться сыном Торгома (внук библейского Иафета), первым Патриархом и родоначальником армянского народа.

Эта легенда, по сути, представляет собой сказ о зарождении армянского этноса и армянской государственности. Легенда об Айке и Беле вплетена в канву фундаментального труда уже упомянутого мной Мовсеса Хоренаци. Основываясь на сведениях древнеармянского (или древнесирийского) историка Мара Абаса Катины (Мараба Мцурнского, автора первой истории Армении), который, в свою очередь, взял сведения об Айке и Беле у армянских народных гусанов, Мовсес Хоренаци представляет Айка (Хайка, Гайка) как «благородного и статного», «могучего» героя. Прославившийся своей храбростью Аик «выступал против всех, кто стремился к единоличной власти над всеми великанами и богородными героями». Речь в данном случае идет о том периоде истории, когда род человеческий «стал распространяться по всей шире земли». Именно к этому периоду относится процесс выделения отдельных родов и племен, в каждом из которых появляются свои предводители. Будучи «благородными героями», предводители родов и племен начали воевать друг с другом. Целью каждого из них было достижение власти над всеми остальными.

Титану Вавилонa Белу удалось подчинить своей власти все народы. Лишь предводитель армянского народа Аик отказался подчиниться власти Бела. Как отмечает армянский католикос Иованнес V Драс-

ханакертци (845–929гг.) в своей «Истории Армении», Айк, «выйдя из повиновения Бела, поспешно удалился в нашу страну, вместе с сыном своим Араманеаком, а также другими [сыновьями] и дочерьми, внуками и домочадцами, и людьми пришлыми, которые присоединились к нему» [15]. Разъяренный Бел вторгается в страну Айка. Перед решительной битвой Айк говорит своим соплеменникам: «Либо умрем и наши люди попадут в рабство к Белу, либо покажем на нем искусность перстов наших и, рассеяв полчище, добьемся победы» [16]. Убив титанида Бела, Айк спасает свою страну и свой народ от порабощения. В сознании армянского народа Айк становится воплощением высоких моральных качеств и воинской доблести, а также долга перед родной землей и своим народом

В легенде об Айке и Беле можно выделить три смысловые линии:

1. Каждый народ должен стремиться к достойной жизни – жизни свободной и независимой.
2. Для обеспечения достойной жизни народ должен иметь обладающего соответствующими качествами предводителя.
3. Для обеспечения первых двух условий народ изначально должен обладать соответствующими качествами духа, главными из которых является свободолюбие и патриотизм.

Миф о легендарном царе Армении Араме (потомке Айка) повествует о том, как доблестный, мудрый и храбрый Арам через череду удачных войн сумел расширить границы Армении по всем направлениям. Причем войны велись Арамом лишь с целью обеспечения безопасности границ своего государства. По свидетельству Мовсеса Хоренаци, царь Армении был мужем весьма трудолюбивым и очень любящим свою родину, «готовый скорее умереть за родину, чем видеть чужеродных сынов, попирающих родные пределы, и инородных мужей, властвующих над его кровными сородичами» [17]. По свидетельству Мовсеса Хоренаци, народы стали называть страну Армению «по его имени» (греки – Армен, персы и сирийцы – Арменикк).

Очевидно, что уже в самых первых армянских мифах проявляется то, что на современном политологическом языке называется политическим сознанием. Из сказанного можно вывести следующее поло-

жение: формирующееся в рамках раннего мифотворчества этнонациональное сознание армян фиксирует две основополагающие для армянского национального бытия идеологемы – возможность и необходимость образования армянского царства (государства) и необходимость наличия духовно-нравственных оснований для создания и сохранения этого царства (государства).

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что уже на самой ранней стадии этнонационального бытия мифотворчество армян было не просто пронизано политически значимыми элементами, вкраплениями политического характера. Мифотворчество армянского народа, по сути, явилось началом формирования его политического сознания. С данным утверждением коррелирует следующий тезис Карлена Мирумьяна: «Именно с Хайком и Арамом национальное сознание связывает создание армянского царства и его морально-правовых основ. А это означает, что армянская государственность, подобно другим древнейшим цивилизованным народам, имеет божественное происхождение. Иначе говоря, возникновение армянской государственности соответствует высшему естественному закону. Это имплицитно содержало идею о том, что армянская государственность как по своему происхождению, так и по природе является не только законной, но и вечной» [18]. По сути, в тезисе Карлена Мирумьяна подчеркивается, что национальное сознание армян связывает создание армянского царства и его морально-правовых норм именно с именами Айка и Арама.

Отмеченные выше смысловые линии проявляются и в легенде об армянском царе Ара Прекрасном (потомке Арама) и ассирийской царице Шамирам (Семирамиде). Ара, ставший покровителем своего отчества после Арама, отвергает предложение Шамирам жениться на ней и царствовать в Ассирии, «либо же исполнить ее волю и желание и вернуться к себе с миром и с великими пожалованиями» [19]. Получив отказ от Ара, Шамирам идет войной на Армению. В битве войско Ара терпит поражение, и Ара погибает от рук воинов Шамирам.

Как и в легенде об Айке и Беле, в данном мифе представлено два ценностных ряда. Первый ряд включает в себя идею свободы и независимости, представление о высокой морали и чистоте помыслов.

Второй ценностный (скорее, антиценностный) ряд включает в себя нравственную нечистоплотность, низкие помыслы, коварство и агрессивность. Качества первого ценностного ряда олицетворяет армянский царь Ара Прекрасный, а второй – антиценностный ряд, ассоциируется с ассирийской царицей Шамирам. Отказавшись от любви прекрасной Шамирам, Ара погибает, защищая свой кров, армянский народ и Армению.

В представленных мифах (легенда об Айке и Беле, легенда о царе Араме, легенда об Ара Прекрасном и Шамирам) весьма четко проявляется борьба двух противоположных начал, которая позднее в древнегреческой политико-философской мысли была сформулирована как антитеза «свой-чужой». Начиная с эпохи Античности (Платон, Аристотель) и до настоящего времени, эта антитеза стала маркером политического сознания народов. На этой антитезе, к примеру, выстроена концепция немецкого политического мыслителя и теоретика права К. Шмидта (1888-1985гг.). Политика определяется им как специфические отношения, определяемые оппозицией «друг-враг» («свой-чужой»). В силу этого, К. Шмидт полагает, что органическая целостность человеческой общности достигается лишь при наличии врага. Более того, наличие врага считается К. Шмидтом единственным способом создания единого государственного организма [20]. Представленный концепт немецкого политического мыслителя становится злободневным особенно в контексте современных глобальных политических трансформаций.

Между тем в мифотворчестве древнего армянина, отражающего его миропонимание и мироотношение, рассматриваемая антитеза имела принципиально иную коннотацию. Выраженное в древних (этногонических) мифах, формирующееся политическое сознание армянского народа фиксировало в этой антитезе («свой-чужой», «друг-враг») принципиально иной смысл, а именно: изначально присущее армянскому Роду (на-Роду) стремление к свободе и независимости, но отнюдь не лишение других народов прав на свободу и независимость. Эти смыслы питают глубокий патриотизм армян и его предводителей, готовность защитить свою семью, род (на-Род) и страну Армению от

врагов. Отмеченные качества обусловлены осознанием армянами своей самобытности (самости), естественности (божественности) происхождения армянской государственности и необходимости ее сохранения. Эта смысловая триада сохранилась в религиозном, философском и политическом сознании армянского народа вплоть до II половины XX века. Об этом свидетельствуют многочисленные армянские памятники богословского, философского и, собственно, политологического характера.

Те же смыслы пронизывают и созданные в более поздний, эллинистический, период истории армянского народа, героические повествования о легендарных царях Армении: Ерванде, Арташесе I, Тигране II Великом, Артавазде II. В этих повествованиях выявляется следующая смысловая диада:

1. Первый смысловой ряд представлен образом правителя Армении, обладающего высокими духовно-нравственными качествами, величайшей мудростью, воинской доблестью и блестящими организаторскими способностями.

2. Второй смысловой ряд можно определить как концепцию обоснования и легитимации борьбы армянского народа против ассимиляционной политики Сасанидской Персии.

Содержащиеся в героических повествованиях об армянских царях и являющиеся проекцией мироощущения/миропонимания/мироотношения армянского народа в эпоху эллинизма, эти смыслы стали стержнем и основой армянской национально-культурной традиции. Последняя, в свою очередь, стала источником развития политического сознания армян и армянской политической мысли во все последующие эпохи.

Древнеармянские мифы можно рассмотреть и в другом, более широком аспекте, а именно: как вбирающие в себя представления об «Армянской вселенной», жизненном пространстве древних армян. Взятые в своей целокупности, эти мифы представляют собой этногоническое предание древних армян. Армянское этногоническое предание дошло до нашего времени благодаря сочинениям уже упомянутого мною армянского историка V века Мовсеса Хоренаци («История

Армении») и армянского историка VII века Себеоса («Повествование епископа Себеоса о Иракле»). Тексты указанных работ отражают устную армянскую народную традицию, «живой голос предков» (А. Петросян), хотя они и несколько трансформированы в соответствии с текстом Библии и некоторыми древнегреческими источниками.

В арменоведении принято считать, что этногоническое предание древних армян можно исследовать в языковой, исторической, этнографической, культурологической плоскостях. Думаю, что этот ряд можно дополнить историософской (философско-исторической) плоскостью, одной из граней которых является политико-философская плоскость.

В соответствии с преданием, прародителем армян, как уже было отмечено, был Айк. По завершении строительства Вавилонской башни он отказывается подчиняться тирану Вавилона и со своей большой семьей (300 мужей со своими семьями) отправляется в северные края. Сперва он располагается у подножья горы Арарат. Некоторое время спустя он оставляет это место Кадмосу, сыну своего старшего сына Араманеака, а сам переселяется в Армению, к северо-востоку от озера Ван. Здесь он основывает селение и называет его Айкашен (деревня Айка). Получив отказ от Айка в ответ на требование подчиниться ему, Бел со своим войском нападает на Айка. В битве двух непобедимых титанов Айк своей «трехкрылой стрелой убивает Бела». На месте битвы Айк основывает поселение, названное им Айк (Армяне/Армения), а весь прилегающий к этому поселению район – Айоц Дзор (Ущелье армян).

В контексте сказанного необходимо подчеркнуть, что построенная Айком-Наапетом (Патриархом) Армянское государство (царство) вписывается в треугольник «гора Арарат-озеро Ван-озеро Урмия». Эта часть суши является не просто территорией в географическом смысле. Она является тем местом, где начинается история Армении и армян, Армянского государства, армянской цивилизации, местом, где появляется самоназвание армянского на-Рода и формируется его самосознание. Потому для армян всего мира эта географическая территория является сакральным местом (Землей Армянской), где энергийные

потоки способны и сегодня оживить творческий дух положившего начало человеческой цивилизации на-Рода.

Армянский язык сохранил тайны топонима «Арарат», а именно: его связь с происхождением и названием армянского народа. Словом *արարած* (ararats) в армянском языке обозначается «человек», «личность», «творение», «создание», а словом *Արարիչ* (ararich) – «Творец». Топоним «Арарат» буквально означает «гора Творения», а упомянутое в Ветхом Завете Царство Араратское и есть «Царство Творения».

Самоназвание армян («хай») восходит к патриарху Айку, а слово «армянин» или «армен» (так другие народы называли и называют потомков Айка), буквально означает «сотворенный Богом человек»). Соответственно этому слово «Армения» означает «страна сотворенных Богом людей». Слово «ар» (на армянском «*ար*») является кодом Бога.

Слово «ар» связано и с древнейшей армянской традицией солнцепоклонничества (осознания армянами своей прямой связи с Единым Богом.). В соответствии с этой традицией армяне до принятия христианства (а в некоторых областях Армении и после принятия христианства) называли себя «Детьми Солнца» (на армянском *Արվմսորհրդ*)¹.

Производными от слова «хай» (армянин) являются слова «хайр» (отец) и «хайреник» (отчизна). Армянский язык отразил понимание его носителями своей внутренней, духовной связи с землей, являющейся важнейшим символом их неиссякаемой аутентичности. Именно земля (Армянская) явилась объединяющим древнейшее верование армян с кровью их предка/предков началом, которое через века транслировало многочисленным поколениям армян порождающие самобытную армянскую культуру мощные энергетические токи. Армянский язык зафиксировал глубокое ощущение и осознание армянским народом значи-

¹ Известно, что в XI–XII веках в Армении было распространено движение «Ареворди» («Сыны солнца»). Так, в середине XI века о «Сынах солнца» упоминает армянский философ и военный деятель Григор Магистрос. Через 100 лет о «Сынах солнца» упоминает католикос Киликийской Армении Нерсес Шнорали (Нерсес Благодатный, 1166–1173 гг.) в своём послании властям Самосаты. Выдающийся армянский мыслитель XIX века Гевонд Алишан считал, что «Сыны Солнца» существовали вплоть до XIX века (см.: Г. Алишан. Древние верования или языческая религия армян, Венеция, 1910. С. 102 (на арм. яз.).

мости своей среды обитания, пространства, обуславливающего их культурную самобытность.

Будучи колыбелью армянского народа, Армянское нагорье имеет сакральное значение не только для армян, но и для всего человечества, поскольку именно там зародилась человеческая цивилизация, там находился Эдем (Райский сад) – место первоначального обитания людей, и именно к горе Арарат пристал Ковчег Ноя после Всемирного потопа.

Армянский поэт, философ и богослов, святой Армянской Апостольской и Католической церковью, признанный Ватиканом одним из 36 учителей церкви – вардапетом Вселенской церкви (*doctor ecclesiae*), Григор Нарекаци (около 951–1003гг.) раскрыл тайну Ветхого Завета в своем труде «История дворцового Святого Креста». Он показал, что основатель и царь Салима (Иерусалима) Мелхиседек и есть Патриарх армян Айк, названный в Ветхом Завете «священником Бога Всевышнего» («Книга Бытия», XIV, 18–20). Раскрытая Григором Нарекаци в конце X – начале XI века тайна Ветхого Завета сегодня перестала быть таковой. Кстати, проживающие в Иерусалиме армяне называют себя «армяне Салима».

Кроме легенды об Айке, армянская мифотворческая традиция включает в себя легенды о семи последующих Армянских патриархах – Хайкидах.

Владения Айка наследуют его младшие сыновья Хор и Манаваз. Старший сын Айка Араманеак наследует провинцию Айрарат – Араратскую долину, которая стала владением поколений потомков Айка и царей Армении. Именно здесь сын Араманеака и внук Айка Арамайис основал столицу Армавир. За Арамайисом следовал Амасия, в честь которого названа гора Арарат (арм. Масис). Самым воинственным из потомков Айка считается Арам, который, как было отмечено, в результате победоносных войн расширил границы Армении во все стороны света. Сыном Арама был уже упомянутый мною Ара Прекрасный.

В армянской исследовательской литературе бытует точка зрения о том, что предание о первых Хайкидах является первоначальным

армянским эпосом. За ним следует «Випасанк» – армянский эпос периода династий Ервандидов² и Арташесидов³, а также эпические части книг армянского историка V века Павстоса Бюзанда «История Армении» и армянского хрониста VII века Иоанна Мамиконяна «Война Тарона». В качестве источников для написания своего труда Павстос Бюзанд использует богатейший армянский фольклор, легенды и предания, эпические сказания, в том числе армянский эпос «Персидская война». Исторической основой этого эпоса считаются события III–IV веков, связанные с воцарением на персидский престол династии Сасанидов. «История Тарона», в свою очередь, изложена на основе армянских народных сказаний. Завершает этногоническое предание древних армян великий армянский эпос «Давид Сасунский» [21].

Очевидно, что армянская этногоническая традиция связывала рождение «Армянской вселенной» (жизненной среды древних армян) с Айком и семью поколениями его потомков. Начальный армянский эпос связывает рождение «Армянской вселенной», Армянского социального космоса с географическим положением страны Армения (пространственная составляющая) и образования армянского народа (антропологическая составляющая). Пространственная составляющая связана с выбором места обитания, расширения границ обитания, основанием поселений. В современной философии политики эти вопросы находятся в «ведении» философии политического пространства (геополитики) как части политической философии. Что касается антропологической составляющей, то она связана со структурой семьи Айка (300 мужей со своими семьями). По сути, она представляла собой патриархальную семью, ставшую основой формирования армянского народа и армянского царства/государства. Эта схема (семья-народ-государство), впоследствии воспроизведенная Аристотелем в своем трактате «Политика», стала стержнем теории, получившей название

² Ервандиды (Оронтиды, Ервандуни, Ервандаканы) – армянская династия, правившая с 401 года до н.э. в статусе ахеменидских сатрапов Армении, а в 323–200 годы – в статусе царей Айраратского царства.

³ Арташесиды – царская династия в Великой Армении (189 год до н.э. – 12/14 год до н.э.).

патриархальной теории государства. В современной философии политики этот вопрос находится в ведомстве политической антропологии как части политической философии.

В «Випасанке» представлена специфика становления армянской государственности, возникновения нахарарских родов и правящих династий.

Поскольку вопрос генезиса армянского народа и армянской государственности непосредственно связан с легендой об Айке и Беле, считаю необходимым раскрыть суть осуществленной Мовсесом Хоренаци трансформации этой, по сути, космогонической и космологической легенды, в христианскую.

Имеющиеся у него сведения о генезисе армянского народа Мовсес Хоренаци адаптировал к содержанию Книги Бытия Ветхого Завета и ее хронологии. В результате Аик был представлен в качестве исторического лица и давшего имя своему народу Патриарха. Кроме того, Мовсес Хоренаци возвращает Айка из Вавилона и представляет его как победившего Бела героя. В соответствии с текстом Ветхого Завета, спасшиеся от Всемирного потопа потомки Ноя спускаются в Междуречье, строят там Вавилон и поселяются в нем. Поэтому Мовсес Хоренаци возвращает Айка в Армению с тем, чтобы его повествование не противоречило Ветхому Завету.

Клинописные источники, расшифровку которых в XVIII веке инициировали европейские ученые с целью нахождения описанных в Библии мест и событий, принципиально меняют описанную в христианской традиции картину. Клинописные источники свидетельствуют о том, что основание повествования отца армянской историографии было мифологическим. Герой эпического повествования Мовсеса Хоренаци Аик является Ай-Ваагном, сотворившим армян и давшим им имя Творцом. Что касается Бела, то он был властелином подземных вод (на армянском – Թրքանի Օնլ – символ источника новой жизни). Бог Ваагн убивает Бела и сам становится властелином подземных вод. Тело же сраженного им Бела Аик-Ваагн превращает в остров-пьедестал в бассейне подземных вод, послуживший основой будущей структуры Космоса. Сказанное представляет собой первый эпизод творения

Вселенной богом Айком-Ваагном, которого Мовсес Хоренаци в эпическом стиле представил как историческую личность. В соответствии с хронологией Ветхого Завета, Всемирный потоп имел место в конце IV тысячелетия до нашей эры. А представленная мифологическая история об Айке и Беле относится к более раннему периоду истории человечества – верхнему палеолиту (50–10 тысяч лет назад). О древнейшем культе Айка-Ваагна свидетельствуют и сохранившиеся до наших дней наскальные надписи Сюника – области юга современной Армении.

Как и легенда об Айке и Беле, армянский эпос «Давид Сасунский» («Սասնի զորք», «Сасунци Давид», «Сасунские удалцы», «Неистовые из Сасуна», «Буйные Сасунцы», «Дом великих», «Дом предков», «Дом старших», «Дом храбрых») представляет собой родословную армянского народа: его генезис и развитие, принципы самоопределения, процесс становления и развития его самосознания и утверждения своей самобытности, особенности национального характера, армянские национально-культурные символы, которые в процессе исторического развития армянского народа трансформировались в национально-государственные символы. Но стержневой идеей величайшего армянского эпоса является идея армянской государственности. В нем даже представлена модель армянской государственности. Основанная Айком династия Айказуни и созданная ими государственность «работает» в эпосе как идеальная модель армянской государственности. По мнению армянского прозаика, поэта и драматурга Наири Зарьяна (1900–1969 гг.), «“Давид из Сасуна” является самым большим нашим духовным богатством, в котором отражены заветные мысли и мечта народа, наша вековая борьба во имя свободы, наш характер, наш стиль и наш дух» [22].

В 1974 году в Константинополе была издана книга Гарегина Срвандзтянца «Из книг и из уст Давид Сасунский или Дверь Мгера». Принято считать, что текст этой книги является первой записью эпоса из уст армянских сказителей. Создание письменного варианта армянского народного эпоса Гарегином Срвандзтянцем можно охарактеризовать как великий культурный подвиг. Выход этой книги стал знаменательным событием в духовной жизни армянского народа, став

серьезным толчком для развития армянского национального самосознания.

В 1886 году исследователь армянского народного творчества Манук Абебян записал второй вариант эпоса. В 1889 году ученик Манука Абебяна Гарегин Овсепян записал еще 4 варианта эпоса. В этот период практически все многочисленные армянские книги и журналы публиковали разные варианты эпоса. В Советской Армении к середине 30-х годов были записаны 45 вариантов эпоса, еще через некоторое время вариантов было уже 70.

Известно, что текст эпоса непосредственно из уст сказителей записали и другие видные представители армянской культуры: Ваан Тер-Григорян, Хачик Давтян, Гарегин Овсепян, Саркис Айкуни, Арташес Абебян, Сенекерим Тер-Акопян, Тигран Читуни, Айрапет Момджян, Арутюн Авчян, Г. Гиланян, Ерванд Далаян, Арташес Барсегян, Хачатур Мнацаканян, Карапет Мелик-Оганджянян, Арам Ганалаян, Арташес Барсегян, Вардан Бдоян и еще 9 неизвестных лиц. Армянские ученые Мгер Абебян, Геворк Абов и Арам Ганалаян, Овсеп (Иосиф) Орбели подготовили и издали (1939г.) сводный текст эпоса, содержащий 10 000 строк и 60 повествований. На сегодняшний день имеются академические издания 50 вариантов эпоса. В русском переводе (В.Я. Брюсов, М.Л. Лозинский) сводный вариант эпоса также был издан в 1939 году. В том же году было организовано празднование во всесоюзном масштабе тысячелетия создания эпоса. В 2012 году армянский эпос был включен в список нематериального культурного наследия человечества. Армянский эпос считается одним из лучших эпосов мира, «кодексом нравственности армянского народа» (С. Шервинский). Для армян всего мира эпос является одним из национальных духовных сокровищ, второй после священного армянского языка символа культурной самобытности нации.

Эпос много раз становился предметом литературных опытов. В стихотворной форме его разрабатывали великие армянские поэты Ованнес Туманян, Аветик Исаакян, Егише Чаренц, Сармен, Согомон Таронци, Мкртич Херанян. К нему обращался западноармянский филолог Тигран Сируни, драматург Вагарш Вагаршян.

В советской исследовательской традиции эпос датируется VII–IX веками, хотя, и об этом писали некоторые армянские исследователи и деятели армянской культуры, в записанных со слов сказителей многочисленных вариантах эпоса (XIX–XX века) некоторые образы (Мгер Младший) восходят к древнейшим армянским мифам. Кроме того, повествование о первой ветви эпоса (Санасар и Багдасар) упоминается еще в библейских текстах («Четвертая книга царств», гл. 19, с. 36–37; «Паралипоменон», кн. II, гл. 32, с. 21), у Мовсеса Хоренаци [23] и у армянского историка IX века Товма Арцруни [24]. В этой связи известный арменист Левон Тер-Мкртчян пишет, что, очевидно, в Древней Армении «существовал слой, независимый от библейского текста миф, или богатырская сказка, об Адрамелеке (Багдасаре), об их жизни и подвигах на армянской земле и об арциве-орле – покровителе рода» [25].

В эпосе представлены четыре поколения одного рода. Все ветви эпоса являются частями одного Рода (на-Рода) и имеют следующие названия: «Санасар и Багдасар», «Мгер Великий», «Давид Сасунский» и «Мгер Младший».

Первое поколение рода представлено Санасаром и Багдасаром – сыновьями Цовинар – дочери армянского царя. Цовинар выходит замуж на халифа-идолопоклонника. Испив воду из родника, она беременеет и вскоре рождает братьев-близнецов – Санасара и Багдасара.

Повзрослев, братья борются против Багдадского халифа и одерживают над ним победу. После этого они возвращаются на свою Родину в Сасун. Санасар в эпосе выступает как родоначальник, от которого были рождены сасунские богатыри. Братья строят символизирующую армянское государство город-крепость Сасун, дав основание «Дому Сасунов».

Представителем следующего поколения рода является сын Санасара Мгер Великий. Он побеждает врага Сасуна Мсра-Мелика и освобождает свой народ от дани.

Третье поколение рода представляет Давид – сын Мгера Великого. Давид сражается с армией Мсра-Мелика и освобождает Сасун. Сын Давида Мгер Младший был проклят отцом, поскольку Мгер, не узнав отца, сражается с ним.

После своего отца Мгер Младший побеждает всех его врагов. Затем он укрывается на Вороньем утесе и объявляет людям: «Если я выйду отсюда, земля меня не удержит. Когда мир будет разрушен и создастся вновь... лишь тогда я получу повеление выйти отсюда».

По мнению исследователей эпоса, все народные эпосы содержат отражающие идею национальной государственности символы. В «Давиде Сасунском» таким символом является крепость. Эту крепость, а также защищающие ее мощные стены, как уже было отмечено, построили Санасар и Багдасар – основатели династии Сасун.

Корни армянского эпоса имеют историческую глубину, измеряемую тысячелетиями. И принятое в советский период утверждение о том, что эпос начал формироваться в VII–IX веках, не вызывает доверия. Навряд ли можно согласиться и с тем, что эпос отразил борьбу армянского народа против арабского владычества. Скорее наоборот: эпос способствовал пробуждению в армянском народе духа сопротивления. Именно бродячие по всей Армении армянские гусаны – сказители эпоса, помогли поднять народ на борьбу против иноземцев. Вопрос о наличии в эпосе не соответствующих приписываемому периоду его формирования обрядов (поклонение солнцу, воде, земле, небесным светилам и предкам, связь Мгера Великого и Мгера Младшего с богом Солнца Михром ((Митрой), присутствие в женских образах эпоса лунных (отрицательных) и солнечных (положительных) качеств и т.д.) в советском эпосоведении остается без убедительного ответа. Сказанное свидетельствует о том, что корни эпоса, содержащего огромный объем знания о мироощущении и миропонимании древних армян и сведения об их вероисповедании, строе психики, нравах, обычаях и традициях, нужно искать в глубинах их древнейшей истории.

В этой связи считаю необходимым обратиться к точке зрения крупного армянского ученого, востоковеда, академика Иосифа Орбели (1887–1961 гг.), согласно которой в эпосе «Давид Сасунский» наблюдаются следы доисторических времен, когда в Армении строились космологические конструкции и обожествлялись природные силы: Эти элементы, составляющие предоснову «Давида Сасунского», Иосиф Орбели называет творениями времен более ранних, по сравнению со временем создания собственно исторической части эпоса. Он

утверждает, что эти элементы появились в эпоху, предшествующую не только возникновению армянского народа, но и в дальнейшем слившихся с армянским на-Родом других Родов: «В “Давиде Сасунском”... отражены как наиболее совершенный и емкий образ мифологии и космологии, так и этапы развития мифотворчества, а также те элементы космогонических мыслеобразов, которые не нашли отражения на страницах ценных трудов армянских историков» [26]. Армянский народный эпос «Давид Сасунский» Иосиф Орбели называет величайшим документом истории культуры армянского народа, в котором представлен процесс формирования его мировоззрения в незапамятные времена, специфика его миропонимания, на основе которого строилось жизненное пространство древнейшего армянина, его социальное и политическое бытие [27].

Современные армянские исследователи древних цивилизаций утверждают, что эпос «Давид Сасунский» был веками бережно храним и передаваем из поколения в поколение армянским народом, но авторство эпоса нельзя приписать ему. Объясняется это тем, что эпос представляет собой древнейший способ мироощущения и миропонимания, целостную картину творения мира и четко выстроенную астрологическую систему. Выдающийся западноармянский этнограф и фольклорист XIX века Саргис Айкуни (1832–1908гг.) выявил, что в прежние времена сказителями эпоса были представители закрытых (тайных) армянских общин солнцепоклонников. По данным советской библиографической литературы, вплоть до начала XX века таких общин или поселений на территории Армянского нагорья насчитывалось более тысячи. Известно также, что в период геноцида армян эти поселения были полностью уничтожены, а из населяющих их сказителей в живых осталась лишь небольшая группа. На территории исторической Армении можно выделить несколько наиболее значимых центров (Сасун, Рштуник и Мок), где активно функционировали общины этих сказителей.

В своем труде «Эпос “Сасунские безумцы”» как древнейшая языческая «Библия» арменовед Артур Армин полагает, что мистическая основа армянского эпоса имеет многотысячелетнюю историю. Эта

мистическая основа является Евангелием главного жреческого храма, принадлежащего родоплеменному союзу «Армянские храбрецы» или говорящему на праиндоевропейском языке народу. Само это Евангелие представляет собой некую духовную структуру, объясняющую Творение, формирование небесного свода в соответствии с созвездиями и процесс духовного развития человека. Эпосы древнейших народов в своей основе духовны. Именно через эпосы в древнейший период истории формировался духовно-нравственный образ человека. Эпосы-истории есть не что иное, как вписанное в вероисповедальную, духовную структуру мировосприятие/миропонимание древнейшего человека. За внешним фасадом «историй» древнейших эпосов скрывается сакральное, тайное знание: «Древнейшие эпосы вышли из храмов древнейших вероисповеданий (разумеется, после их варварского уничтожения) и, распространившись в народе, сказывались и пелись народными гусанами, которые, восприняв вероисповедальную структуру как сюжетную историю, адаптировали ее в соответствии с новым вероисповеданием и близкими ему по времени историческими событиями, разумеется, придав древней “истории” характерные для устного народного творчества черты...» [28].

Еще Иосиф Орбели в своей, уже упомянутой работе, отмечал, что подвиги мифологических героев эпоса исследователи представили как борьбу армянского народа против арабских завоевателей [29]. В свою очередь, Ованнес Туманян утверждал, что «именно мифологическая... история является началом литературной истории любого народа. В его создании не должны иметь место своеволие и фантастика. Миф является неизбежным, зримым явлением, объяснимым через закон перспективы, которому, как и пространство, подчиняется время» [30].

Во всех рассмотренных мною армянских эпосах прослеживается определенная смысловая линия: от образования Армении и формирования армянского народа до желаемой модели армянской государственности (идеала нации, армянской мечты). Данная смысловая линия содержит в себе определяющие историческое существование армянского народа идеологемы. Таковыми являются: божественное происхождение, формирование, сохранение и развитие его культурной

самобытности, провозглашение им своего естественного (божественного) права на создание собственной государственности и способности к ее сохранению на протяжении тысячелетий через память о своем прародителе (Патриарх Айк) и символической модели национального государства (город-крепость Сасун).

Самым серьезным аргументом в пользу данного положения может служить список двух династий армянских царей, составленный арменоведом Суреном Айвазяном на основе «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци (Vв.), «Хронологической таблицы» выдающегося представителя армянской исторической школы, блестящего представителя Ордена Мхитарианцев в Венеции Микаэла Чамчяна (1786г.), армянских клинописных данных (IX–VII вв. до н.э.), свидетельств древнеегипетского историка, верховного жреца Египта Манефона (период правления в Египте эллинистической династии Птолемеев, конец IV – первая половина III в. до н.э.):

1. 2107–2036 гг. до н.э. – Гайк (Айк), прародитель, великий князь
 2. 2026–1980 гг. до н.э. – Арменак Гайказуни, царь
- Далее следуют цари:
3. 1980–1940 гг. до н.э. – Арамайис Гайказуни
 4. 1940–1908 гг. до н.э. – Амасия Гайказуни
 5. 1908–1858 гг. до н.э. – Гегам Гайказуни
 6. 1858–1827 гг. до н.э. – Гарма Гайказуни
 7. 1827–1769 гг. до н.э. – Арам Гайказуни
 8. 1769–1743 гг. до н.э. – Ара Прекрасный Гайказуни
 9. 1743–1725 гг. до н.э. – Кардос Гайказуни
 10. 1725–1662 гг. до н.э. – Анушаван Гайказуни
 11. 1710–... гг. до н.э. – ... Гайказуни, царствовал в Египте (Манефон)
 12. Парет
 13. Арбак
 14. Заван
 15. Фарнак I
 16. Сур

17. Хаванак
18. Ваштак
19. Хайак I
20. Амбак I
21. Арнак
22. Шаварш I
23. Норайр
24. Встам
25. Кар
26. Горак
27. Грант I
28. Эндаак
29. Гхак
30. Хорой
31. Зармайр
32. Шаварш II
33. Перч I
34. Арбун
35. Перч II
36. Базук
37. Хой
38. Иусак
39. Амбак II
40. Кайпак
41. Фарнаваз
42. Фарнак II

Согласно армянским клинописным данным, в господстве династии Гайказуни был перерыв, когда начался период господства династии Арартуни. В эту династию входили 14 царей – от Арама Арартуни (860–840гг. до н.э.) до Руса IV Арартуни.

Далее наблюдается восстановление господства династии Гайказуни:

43. 735-630гг. до н.э. – Скайорди Гайказуни (вначале – великий князь)

44. 630-600гг. до н.э. – Паруйр Гайказуни
45. 600-565гг. до н.э. – цари:
46. Грачеай Гайказуни
47. Парнуас Гайказуни
48. Пачуйч Гайказуни
49. Корнак Гайказуни
50. Павос Гайказуни
51. Хайкак Гайказуни
52. Ерванд I Гайказуни
53. 565–520гг. до н.э. – Тигран I Великий Гайказуни
54. 520–331гг. до н.э.:
55. Вахагн Гайказуни
56. Араван Гайказуни
57. Нерсех Гайказуни
58. Зарех Гайказуни
59. Армог Гайказуни
60. Багам Гайказуни
61. Ван Гайказуни
62. Вахе Гайказуни, погибший в сражении с Александром Македонским.

На Вахе прекращается династия Гайказуни.

Кроме того, представленный список может служить обоснованием идеи о том, что аутентичность армянского народа строится на трех взаимосвязанных символах: едином прародителе (этнархе Айке), единой прародине (Армянское нагорье) и единой правящей династии (Айказуни). На этих символах была выстроена «Армянская вселенная» – жизненное пространство древних армян-потомков Айка, и на этих же символах, не нуждающихся ни в обновлении, ни тем более трансформации, необходимо строить Вселенную армян сегодня.

Мифотворчество древнейшего армянина я характеризую как первую форму его культуротворчества. Через создание мифа древнейшие армяне конструировали свое социально-политическое бытие, свой социальный космос. Даже «враги» армянского народа, представленные в эпосе «Давид Сасунский», легенде об Айке и Беле, мифе об

Ара Прекрасном и Шамирам, по сути одни и те же, поскольку все они ассоциируются с лунным божеством. По мнению Артура Армина, смысловые линии эпоса «Давид Сасунский» в своем первоначальном, древнейшем варианте есть выражение непримиримого дуализма «солнцепоклонничество-лунопоклонство» [31]. Составляющий смысловой стержень «Давида Сасунского» этот дуализм намного древнее, чем предполагаемая борьба армянского народа против арабских оккупантов.

Принятая советской наукой точка зрения о том, что впервые эпос записан и издан в конце XIX века, также не выдерживает критики. На самом деле, эпос «Давид Сасунский» был записан еще в V веке Мовсесом Хоренаци, на что в свое время указывал Иосиф Орбели. Половину своего труда посвятив представлению (в иносказательной форме) генезиса армянского народа и изложения древнейших армянских мифов, Мовсес Хоренаци тем самым способствовал сохранению в армянском народе осознания своей самобытности. Более того, спасая от забвения «Айка», «Ваагна», а также древние вероисповедальные «истории», Мовсес Хоренаци, фактически, представил и древнейшую духовную структуру бытия армянского на-Рода.

Древнейшая легенда о прародителе армян Айке и армянский национальный эпос «Давид Сасунский» являются архетипами армянского национального самосознания, а, следовательно, культурными кодами армянской нации, составляющими фундамент политического сознания нации и основу национальной государственности. А это значит, что на все вставшие сегодня перед армянской нацией вызовы, в том числе и на обозначенный в начале статьи вызов, армянская нация может ответить, обратившись к своим истокам, а именно: к организовавшей и сохранившей ее как нацию духовной структуре, составляющей смысловой стержень ее культуротворчества, исторически первой формой которой явилось мифотворчество. Перспектива существования армянской нации может быть обеспечена лишь проникновением ее в историческую глубину собственного культурного самосознания, в котором изначально заложено не затрагиваемое временем и политической конъюнктурой духовное начало.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Осаченко Ю.С., Дмитриева Л.В.* Введение в философию мифа. М., 1994; *Элиаде М.* Мифы. Сновидения. Мистерии. М., 1996; *Дьяконов И.М.* Архаические мифы Востока и Запада. М., 1990.
2. *Միրումյան Ռ.* Պատմափիլիսոփայական հայեցակարգերը XIX դարի հայ փիլիսոփայության մեջ: Մեթոդաբանական վերլուծություն, Եր., 2003: Էջ 58:
3. *Мирумян Р.* Армянское культурное наследие как механизм самозащиты нации в условиях глобализации (к вопросу о политической концепции культуры) / Армения в диалоге цивилизаций. Материалы международной научной конференции, 28 апреля, Нижний Новгород, 2011. С. 83.
4. *Плоткин В.Я.* Национальная мифология как «память народа» // Идеи и идеалы, Новосибирск, 2011, № 1 (V). С. 111.
5. *Степанян А.* Формирование исторической мысли в Армении: миф, рационализм, историописание. Ер., 1991. С. 53.
6. *Միրումյան Ռ.* Պատմափիլիսոփայական հայեցակարգերը XIX դարի հայ փիլիսոփայության մեջ: Մեթոդաբանական վերլուծություն: Էջ 36:
7. *Мирумян К.А.* Армянская политическая мысль. Формирование и этапы развития (под ред. Г.Г. Арутюняна). Ер.: Изд-во РАУ, 2021. С. 32.
8. *Մովսիսյան Ա.* Հայաստանի նախամաշտոցյան գրավոր մշակույթի պատմություն, Եր., 2021: Էջ. 280–282:
9. *Kramer S.N.* Enmerkar and the Lord of Aratta, Philadelphia, 1952. P. 43.
10. *Մովսիսյան Ա.* Սրբազան լեռնաշխարհը: Հայաստանը Առաջավոր Ասիայի հնագույն հոգևոր ընկալումներում (երկրորդ, բարեփոխված հրատարակություն), Եր., 2006: Էջ 50:
11. *Մովսիսյան Ա.* Հայաստանը Քրիստոսից առաջ երրորդ հազարամյակում (ըստ գրավոր աղբյուրների), Եր., 2005: Էջ. 38–43; *Капанцян Гр.* Хайас – колыбель армян. Ер., 1948. С. 39; *Гамзелидзе Т.В., Иванов В.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Том I–II, Тбилиси, 1984. С. 913; *Gelb I.J.* Hurrians and Subarians, Chicago, 1944. P. P. 31, 94–96.
12. *Մովսիսյան Ա.* Սրբազան լեռնաշխարհը: Հայաստանը առաջավոր Ասիայի հնագույն հոգևոր ընկալումներում (երկրորդ, բարեփոխված հրատարակություն), Եր., 2006: Էջ. 51–52:
13. *Джаукян Г.Б.* Очерки дописменного периода армянского языка, Ер., 1967. СС. 330–332.
14. *Մովսիսյան Ա.* Սրբազան լեռնաշխարհը: Հայաստանը առաջավոր Ասիայի հոգևոր ընկալումներում (երկրորդ, բարեփոխված հրատարակություն), Եր., 2006: Էջ. 54–70:

15. *Драсханакертци Иованнес*, История Армении, Ереван, 1986. С. 49.
16. *Мовсес Хоренаци*. История Армении / Пер. с древнеарм., введение и примеч. Г. Саркисяна. Ер., 1999. С. 20.
17. Там же.
18. *Мирумян К.А.* Армянская политическая мысль. Формирование и этапы развития. Ер.: Изд-во РАУ, 2021. СС. 33–34.
19. *Мовсес Хоренаци*. История Армении. / Пер. с древнеарм., введение и примеч. Г. Саркисяна. Ер., 1999. С. 29.
20. Политическая мысль Нового времени. Персоналии, идеи, концепции: Краткий справочник / Сост. *Михайлова Б.М.* Чебоксары: ЧКИ РУК, 2010. С. 36.
21. *Петросян А.* Этногоническое предание как источник по предыстории Армении // Этнография. М., N 3 (5), 2019. СС. 57–77.
22. *Չարյան Նսիրի*, Սաննա Դավիթ: Հայ ժողովրդական դրամատիկա, Եր., 1966: Էջ. 6–7:
23. *Мовсес Хоренаци*. История Армении / Пер. с древнеарм., введение и примеч. Г. Саркисяна. Ер., 1999. С. 37.
24. *Արծրուն Թովմի*, Պատմություն Արծրունյաց տան: Եր., 1978: Էջ 138.
25. *Մկրտչյան Լ.* Героико-патриотический эпос армянского народа/ Вступит. статья к книге «Давид Сасунский. Армянский народный эпос», Ленинград, 1982. С. 15.
26. *Օրբելի Հովսեփ*. Հայկական հերոսական էպոսը. Նախաբան, Եր., 1956: Էջ. 110–111:
27. Там же. СС. 57–58.
28. *Արմին Արթուր (Բարսեղյան Արթուր)*. Հնագույն հեթանոսական Աստվածաշունչ՝ «Սասնա ծռեր» էպոսը, հատոր I, Լոս-Անջելես, 2007: Էջ 1:
29. *Օրբելի Հովսեփ*. Հայկական հերոսական էպոսը. Նախաբան: Եր., 1956: Էջ 64:
30. *Թովմանյան Հ.* Ուսումնասիրություններ և հրապարակումներ, հատոր III, Եր., 1983: Էջ 301:
31. *Արմին Արթուր (Բարսեղյան Արթուր)*, Հնագույն հեթանոսական Աստվածաշունչ՝ «Սասնա ծռեր էպոսը», հատոր I, Լոս-Անջելես, 2007: Էջ. 177–179:

REFERENCES

1. *Osachenko Yu.S., Dmitrieva L.V.* Introduction to the philosophy of myth. M., 1994 (in Russian); *Eliade M.* Myths. Dreams. Mysteries. M., 1996(in Russian); *Dyakonov I.M.* Archaic myths of East and West. M., 1990 (in Russian).
2. *Mirumyan R.* Historicophilosophical concepts in 19th century Armenian Philosophy. Methodological Analysis, Yer., 2003. P. 58 (In Armenian)

3. *Mirumyan R.* Armenian cultural heritage as a mechanism for self-defense of the nation in the conditions of globalization (to the question of the political concept of culture) / Armenia in the dialogue of civilizations. Materials of international scientific conference, April 28, 2011, Nizhny Novgorod, 2011. С. 83 (In Russian).
4. *Plotkin V.Ya.* National mythology as “people's memory” // Ideas and ideals, Novosibirsk, № 1 (V), 2011. P. 111 (In Russian).
5. *Stepanyan A.* Formation of historical thought in Armenia: myth, rationalism, historical writing. Er., 1991. P. 53 (In Russian).
6. *Mirumyan R.* Historicophilosophical concepts in 19th century Armenian Philosophy. Methodological Analysis, Yer., 2003. P. 36 (In Armenian)
7. *Mirumyan K.A.* Armenian political thought. Formation and stages of development (edited by G.G. Harutyunyan). Yer., RAU Publishing House, 2021. P. 32 (In Russian).
8. *Movsisyan A.* History of pre-Mashtotsian written culture of Armenia, Yer., 2021. PP. 280–282 (In Armenian).
9. *Kramer S.N.* Enmerkar and the Lord of Aratta, Philadelphia, 1952. P. 43.
10. *Movsisyan A.* The Sacred Highlands. Armenia in the Ancient Spiritual Perceptions of Eastern Asia (second, revised edition), Yerevan, 2006. P. 50 (In Armenian).
11. *Movsisyan A.* Armenia in the Third Millennium BC (according to written sources), Yerevan, 2005. PP. 38–43 (In Armenian); *Kapantsyan Gr.* Hayasa – Cradle of the Armenians, Yerevan, 1948. P. 39 (In Russian); *Gamgrelidze T., Ivanov V.* Indo-European Language and Indo-Europeans. Volume I–II, Tbilisi, 1984. P. 913. (In Russian); *Gelb I.J.* Hurrians and Subarians, Chicago, 1944. P. 31, 94–96.
12. *Movsisyan A.* The Sacred Highlands. Armenia in the Ancient Spiritual Perceptions of Eastern Asia (second, revised edition), Yer., 2006. PP. 51–52 (In Armenian).
13. *Dzhaukyan G.B.* Essays of the post-period period of the Armenian language, Yer., 1967. PP. 330–332 (In Russian).
14. *Movsisyan A.* The Sacred Highlands. Armenia in the Ancient Spiritual Perceptions of Eastern Asia (second, revised edition), Yer., 2006. PP. 54–70. (In Armenian).
15. *Draskhanakerttsi Iovhannes,* History of Armenia, Yer., 1986. P. 49 (in Russian).
16. *Movses Khorenatsi.* History of Armenia / Translated from Old Armenian, introduction and notes by G. Sargsyan. Yer., 1999. P. 20 (In Russian).
17. Ibid.

18. *Mirumyan K.A.* Armenian political thought. Formation and stages of development (edited by G.G. Harutyunyan). Yerevan, RAU Publishing House, 2021. PP. 33–34 (In Russian).
19. *Movses Khorenatsi.* History of Armenia / Translated from Old Armenian, introduction and notes by G. Sargsyan. Yerevan, 1999. P. 29 (In Russian).
20. Political Thought of the New Time. Personalities, Ideas, Concepts: Brief Reference / Comp. Mikhailova B.M. – Cheboksary: ChCI RUC, 2010. P. 36 (In Russian).
21. *Petrosyan A.* Ethnological Tradition as a Source on the Prehistory of Armenia // Ethnography. M., N 3 (5), 2019. PP. 57–77 (In Russian).
22. *Zaryan Nairi.* Sasna Davit. Armenian folk epic, Yerevan, 1966. PP. 6-7. (In Armenian).
23. *Movses Khorenatsi.* History of Armenia / Translated from Old Armenian, introduction and notes by G. Sargsyan. Yerevan, 1999. P. 37 (In Russian).
24. *Artsrun Tovma:* History of the Artsrun House. Yerevan, 1978. P. 138. (In Armenian).
25. *Mkrtchyan L.* Heroic-patriotic epic of the Armenian people / Introductory article to the book “David of Sasun. Armenian folk epic”, Leningrad, 1982. P. 15. (in Russian).
26. *Orbeli Hovsep.* The Armenian Heroic Epic. Preface, Yerevan, 1956. PP. 110–111. (In Armenian).
27. Ibid. PP. 57–58.
28. *Armin Arthur (Babayan Arthur).* The Ancient Pagan Bible: The Epic of the “Sasna Tsrer”, Vol. I, Los Angeles, 2007. P. 1 (In Armenian).
29. *Orbeli Hovsep.* The Armenian Heroic Epic. Preface, Yerevan, 1956. P. 64. (In Armenian).
30. *Tumanyan H.* Studies and Publications, Vol. III, Yerevan, 1983. P. 301 (In Armenian).
31. *Armin Arthur (Babayan Arthur).* The Ancient Pagan Bible: The Epic of the “Sasna Tsrer”, Vol. I, Los Angeles, 2007. PP. 177–179 (In Armenian).

MYTH-MAKING AS A DETERMINING COMPONENT OF FORMATION OF POLITICAL CONSCIOUSNESS OF THE ARMENIAN NATION

R. Mirumyan

*Institute of Philosophy, Sociology and Law of NAS RA
Russian-Armenian (Slavonic) University*

ABSTRACT

In the article postulates and substantiates the thesis, that the political consciousness of the Armenian nation arose in the depths of the ancient Armenian worldview, which was mythological by its nature. Essentially, the political consciousness, mythological consciousness, as well as the worldview coordinate grid of the ancient Armenians represents a certain semantic triangle. And the core and basis of this semantic triangle is the desire for independence of one's own existence, which reflects the specifics and level of development of self-knowledge/self-awareness of the ancient Armenians. And it is in the Armenian heroic tale of Hayk and Bel that the idea of independence is born as a condition for the realization of the freedom-loving nature and dignified existence, which are inherent to Armenians.

Further (until the 20th century), the idea of independence of national existence formed the basis of the historical memory of the Armenian nation and became the core of Armenian philosophical, historical and political-philosophical concepts. One of the vivid demonstration of the semantic connection between worldview, mythological consciousness, and political consciousness was the Armenian national epic "Sasuntsi David," which began forming approximately in the 7th century. Recorded in the "History of Armenia" by the father of Armenian historiography Movses Khorenatsi the ancient legend about the progenitor of the Armenians Hayk and the Armenian national epic "Sasuntsi David" became the archetypes of the Armenian national identity and cultural codes of the Armenian nation.

Keywords: political consciousness of the Armenian people, Armenian mythology, cultural identity of the nation, historical memory, myth-making.

DOI 10.24412/1829-0450-2025-1-45-59

УДК 327

Поступила: 03.03.2025г.

Сдана на рецензию: 08.03.2025г.

Подписана к печати: 16.04.2025г.

THE U.S. SOFT POWER TOWARDS ARMENIA UNDER GEORGE BUSH'S PRESIDENCY (1989–1992)

S. Sargsyan¹, A. Gevorgyan², A. Muradyan³

*Brusov State University¹, American University of Armenia^{2,3}
sargsyansuren81@gmail.com¹, aidagevorgyann@gmail.com²,
anahit.muradyan123@gmail.com³*

*ORCID¹: 0009-0002-0640-9555, ORCID²: 0009-0008-5263-0860,
ORCID³: 0009-0002-6785-7722*

ABSTRACT

The collapse of the Soviet Union marked a pivotal moment for the former 15 Soviet states. The 15 newly independent states faced a myriad of challenges, including economic, political, geopolitical and social. Before the collapse, the Soviet Union acted as a single state and a single integrated economy, and the newly independent countries were not separate, self-sufficient republics. Therefore, the United States used its soft power policy back then by supporting those states through assistance programs, preventing the potential revival of the Soviet Union and the collapse of their economic and political systems. Armenia was one of the beneficiaries of the US assistance even before the dissolution of the Soviet Union, in the form of humanitarian assistance during the devastating Spitak earthquake. Following the dissolution of the USSR, the US assistance played a crucial role for the newly independent Armenia. This article examines the soft power of the 41st U.S. President George H. W. Bush's administration towards Armenia during the post-Soviet transition. In particular, the following issues are analyzed: George H. W. Bush administration's foreign aid to Armenia, his personal goodwill towards Armenians during the devastating Spitak earthquake, his support for the establishment of a democratic regime and a liberal

economy in Armenia, and the establishment of legal basis for the relations between Armenia and the United States.

Keywords: USA, President George H. W. Bush, US foreign aid, Spitak earthquake, collapse of the USSR.

Prologue

The collapse of the USSR and the end of the Cold War were a global geopolitical upheaval, as a result of which the United States established its hegemonic role throughout the world. In essence, Washington got rid of its number one competitor and adversary, the USSR, but the unipolar world posed its own challenges. The United States was not particularly prepared to work directly with the newly independent Soviet states, since it did not have the appropriate experience and specialists who could work in 15 separate states as ambassadors, diplomats, military attachés, etc. At the same time, another problem for the US was the proliferation of the Soviet nuclear arsenal. It was unacceptable for the United States that, after the collapse of the USSR, for example, Kazakhstan, Belarus or Ukraine would become states with nuclear weapons and the United States had to work with these states to transfer nuclear warheads to Russia. This, undoubtedly, was time-consuming work, but it was of vital importance for the newly emerging security architecture of the United States and Europe.

The economically devastated newly independent states, first of all, needed food, financial allocations, humanitarian aid and also assistance in other spheres. Studying the US foreign policy of this period, one can get a clear insight of the US soft power capabilities, its strategies, as well as the process of deployment. The dissolution of the Soviet Union meant the formation of 15 newly independent states. The US needed to work with all of them, establish relations and deepen bilateral contacts, and in many cases also take into account the stances of the new capitals. It was a fact that the energy resources of the former USSR countries were also of interest to the United States, including, for example, Azerbaijani oil and Turkmen gas, to which the US had never had access.

Given these challenges, the United States' priority after the collapse of the USSR was to provide direct financial assistance to the newly independent countries. Before the collapse, the Soviet Union was a single state, and it is clear that it operated as a single integrated economy, and the Soviet countries could not be separate, self-sufficient republics. Given the Soviet model of state and economic management, these countries operated as highly dependent units. Therefore, in such conditions, it was of key importance for the United States to reduce the interdependence of these countries as much as possible, preventing not only their final economic collapse, but also the possible revival of the Soviet Union, especially when Washington saw coup attempts against Gorbachev and the aspirations of some political circles to return to communism.

On the other hand, during the collapse of the USSR, the United States rightfully positioned itself as the sole superpower and world leader of the newly created unipolar world order. Accordingly, there was a need to establish a liberal model of state governance in the newly independent states through the use of soft power, which was established in all countries of the Western bloc. The key components of this model were the spread and establishment of a free market economy and democratic values, which the United States was also trying to entrench in the former Soviet countries. Therefore, back then, it was necessary to provide financial allocations and assistance to the newly independent countries so that these countries would give impetus to the transition to a democratic model of governance in their own countries and the formation and development of a market economy.

The Bush Administration's Foreign Aid to Armenia

George Bush got elected as President of the United States in November 1988 and took office in January 1989. Thus, on December 7, 1988, when the earthquake occurred, Vice President Bush was already President-elect, and there was a smooth power transition by President Ronald Reagan, together with all the achievements and challenges.

On the evening of December 25, 1991, US President George Bush announced in his Christmas speech: "The United States recognizes the

independence of Ukraine, Armenia, Kazakhstan, Belarus and Kyrgyzstan. All these states that have made specific commitments to us. We will move quickly to establish diplomatic relations with these countries and build new ties to them. We will sponsor membership in the United Nations for those not already members [1].”

Unlike the rest of the USSR states, before the collapse of the Soviet Union, when the imminent collapse of the USSR was becoming evident, the United States began providing financial and humanitarian assistance to Armenia. Armenia became the first and only “success story” of the US-USSR warming relations. The reason, obviously, was the devastating Spitak earthquake of 1988, which took the lives of more than 25,000 people and left hundreds of thousands homeless. Armenia was facing a humanitarian disaster, while the collapsing Soviet Union needed foreign assistance to overcome the situation, since its own resources were insufficient.

On December 6, 1988, hours before the Spitak earthquake, the leader of the USSR, Mikhail Gorbachev, left for his working visit to New York for the first time in order to participate in the regular session of the UN General Assembly. On December 7, high-level negotiations were scheduled between the leaders of the USSR and the USA, Reagan and Gorbachev. Naturally, Vice President George Bush, who was already the president-elect of the USA, also participated in the meetings between Gorbachev and Reagan, which allowed him to immediately take over the management of one of the most complex challenges of foreign policy. On December 7, at 13:00, a working lunch was scheduled, which began at 13:40 on Governors Island in New York (21:40 Yerevan time) [2]. At the beginning of the lunch, Gorbachev, in the presence of journalists, said that a powerful earthquake had occurred in Armenia. The next day, December 8, Gorbachev decided to cut short his visit and return to the USSR after learning of the true extent of the disaster. That same morning, President Reagan called him to express his condolences for the disaster, offering to provide assistance [3].

For the United States, however, it was particularly difficult to adopt the right approach in providing aid to the Soviet Union during this period, because, as President Bush noted during his meeting with Czechoslovak President Vaclav Havel on February 21, 1990, “Soviet Union is a proud

superpower and now more proud because it is crumbling. Above all, I am thinking about humanitarian assistance - food stuff and grain that you have in reserve and which could be used for Armenia to support Gorbachev.” In response to Bush’s assertion, Havel added that “the problem of pride could be overcome by having the aid private [4]”.

In this situation, the United States did everything to quickly organize assistance to the earthquake victims. Under the leadership of President Reagan, representatives of the USAID Office of Foreign Disaster Assistance and the State Department arrived in Armenia on the first American relief flight. To help the Armenians, six traumatologists, a search team, and other specialists arrived in the earthquake zone, bringing with them search team support equipment, as well as other cargo. In addition, six Pentagon planes brought humanitarian aid to Armenia, which included “tents and plastic sheeting, water jugs, cots, blankets, hand tools, and rescue gear [5].” As Bush noted in one of his speeches, “It’s a sad truth that nothing forces us to recognize our common humanity more swiftly than a natural disaster” [6].

The Spitak Earthquake, American Aid and Jeb Bush's Visit to Armenia

Although George H. W. Bush had not yet assumed the office of US President, he sincerely wanted to be personally involved in providing relief to the victims of the terrible earthquake. Therefore, days after the earthquake, on Christmas Eve, the son of US President-elect George H. W. Bush, Jeb P. Bush, after consultation with his father, decided to visit earthquake-stricken Armenia and personally deliver the aid. Arriving in Armenia, he announced that they had brought “40 tons of cargo: medical equipment, medicines, toys, and baby food, which were collected throughout America by the charity organization “America Cares”. Thousands of people participated in this noble initiative. We were in the air when Christmas was celebrated on Earth. I would very much like everyone in Armenia to feel that holiday, to see that millions of Americans also sympathize with the Armenians [7].”

During their visit Jeb and George P. Bush departed for Spitak right from the airport. After witnessing the ruins of Spitak, they traveled to the village of Karadzor, which was almost half destroyed. In the afternoon, the American guests returned to Yerevan. The next day, Jeb and George P. Bush visited Yerevan's 3rd Children's Clinical Hospital, where there were 600 children. Jeb and George P. Bush went from ward to ward, meeting with wounded and sick children. In the evening, they visited the residence of the Catholicos of All Armenians, Vazgen I. And on December 26, Jeb and George P. Bush returned to the United States. The assistance provided by the United States to Armenia during the Spitak earthquake was the first major assistance provided by the United States to the Soviet Union since World War II, and the visit made by Jeb and George P. Bush was warmly received in the USSR, positively impacting USSR-US relations.

The Bush Administration's Assistance to the Newly Independent Countries of the USSR, Including Armenia

The collapse of the USSR created a new situation in international relations, and the United States had to act as quickly as possible to establish diplomatic relations with the newly independent states and shape directions of cooperation. The use of soft power in general, as well as financial assistance in particular, is one of the most important tools for implementing foreign policy, through which states solve a number of foreign policy issues and challenges facing them.

US assistance programs essentially pursued three main goals: to promote the transition from authoritarianism to democracy (perhaps the most important goal), to promote the establishment of free market economies, and to strengthen security by controlling the spread of nuclear, chemical, and biological weapons. Another goal was to provide humanitarian assistance, which was important for the newly independent states, especially for Armenia in the early 1990-s, when food shortages were acute [9], given the devastating consequences of the earthquake and the blockade imposed by Azerbaijan and Turkey.

To achieve all these goals, the Bush administration had to act swiftly. By mid-1992, Washington had embassies in all the newly independent republics of the USSR and had begun the process of accrediting ambassadors and sending diplomats. In 1991, Washington launched its program of assistance to the newly independent states, which was aimed at providing food and medical supplies to help Russia and Armenia overcome the first, most difficult year of independence [10].

Given the importance of the issue, the Bush administration proposed to hold an international conference in the United States in 1992, involving all potential donor countries and interested international and non-governmental organizations, in order to carry out the work more effectively. On January 22 and 23, the Bush administration convened a conference entitled “International Conference on Humanitarian Assistance to the Former USSR”, which was attended by the foreign ministers of 47 potential donor countries and representatives of 7 international organizations, to discuss the plan of action and coordination of assistance to the Soviet Union. The conference focused mainly on five areas: food, medical supplies, energy, temporary shelter, and technical assistance. Working groups were formed to draw up a plan of action and determine further steps in each of these priority areas. In his opening remarks, President George Bush announced additional US aid of \$645 million, of which about \$620 million was provided within the US budget for 1993 fiscal year [11].

Interestingly, President Bush in his opening remarks while giving a detailed account of the situation in the former USSR, also referred to Armenia: “Armenian President Levon Ter-Petrosyan, who was previously imprisoned for his ideas, is leading a major national movement to transform the economic model and liberate his people from political persecution [12].”

Moreover, during this conference, an announcement was made about providing humanitarian aid to the USSR, within the framework of the so-called “Provide Hope” initiative. The operation was launched on February 10, during which Military Airlift Command aircraft delivered emergency food and medical supplies to the countries of the former USSR, including Armenia [13].

Still, President Bush understood that something more than mere humanitarian aid was needed to achieve US goals, which is why the Bush administration initiated the “Freedom Support Act”, which already included humanitarian and economic assistance to the newly independent states. The act was adopted quite fast, since the US understood that losing time was unacceptable, and providing assistance to Russia was more important. For this very reason and thanks to the active efforts of the Armenian community in the US, Section 907 of the “Freedom Support Act” was adopted, although it was controversial for the Bush administration. However, the provision of assistance to Russia and other states in order to form a democratic regime and a market economy was a more prioritised issue for the Bush administration. On top of that, there was the issue of transferring the nuclear arsenal located in the USSR countries to Russia, which, as already mentioned, was of vital importance for Washington.

The “Freedom Support Act” was passed by the US Senate in July 1992 and by the House of Representatives in August of the same year. On October 24, 1992, the bill was signed into law by US President George H. W. Bush [14]. The Section 907 of the “Freedom Support Act” effectively prohibited the provision of any US aid to Azerbaijan: “The United States assistance under this or any other Act (other than assistance under title V of this Act) may not be provided to the Government of Azerbaijan until the President determines, and so reports to the Congress, that the Government of Azerbaijan is taking demonstrable steps to cease all blockades and other offensive uses of force against Armenia and Nagorno-Karabakh [15].” Section 907, sponsored by Democratic Senator John Kerry of Massachusetts, passed by a 14–4 vote. From the moment President Bush signed it into law, it entered into force and became an obstacle to US-Azerbaijani relations, remaining in force for about 10 years. Thus, during those years, Azerbaijan became the only CIS state that did not receive direct assistance from the US government. Naturally, numerous attempts were made both through diplomatic channels and by lobbyists, but Armenian lobbyists managed to keep the section in force. Section 907 did not reserve any right for the US President to overturn this provision [16].

Through the “Freedom Support Act”, the United States began providing assistance to the countries of the former Soviet Union, including technical, humanitarian, and most importantly, financial assistance. To date, over \$6 billion has been provided to Georgia since 1992, and over \$3 billion to Armenia [17].

In fact, to evaluate the assistance provided to the Republic of Armenia during the Bush administration, it is necessary to consider exclusively the US budget and additional allocations within the fiscal 1992 and 1993 years as for the 1991 fiscal year the Bush administration could not provide direct assistance, since the USSR still formally existed, and the 1991 budget was approved back in 1990. At the same time, taking into account that Bush was defeated in the 1992 elections and transferred power to Bill Clinton in January 1993, the budget allocations adopted during the Bush administration continued until the end of the 1993 fiscal year.

Accordingly, in the 1992 fiscal year, the U.S. government provided a total of \$74.97 million in assistance to Armenia, of which \$14.02 million was in the framework of the “Freedom Support Act”. In 1993, the total assistance provided by the U.S. government was \$172.41 million, of which \$27.52 million was under the “Freedom Support Act” [18].

This assistance provided by the United States was very important for the newly independent states, and the United States was the leading country assisting Armenia. Relative to its population, Armenia was one of the leading recipients of aid. It is worth noting that Armenia and Georgia were among the five Eurasian countries that received more than \$1 billion in aid during the 1992–2010 fiscal years, the other three being Russia, Ukraine, and Kazakhstan. During the 1992–2010 fiscal years, US aid to Eurasia amounted to 16% and included the “Freedom Support Act”, Food Assistance (US Department of Agriculture), the Peace Corps, and security assistance.

Armenia consistently ranked among the top recipients of US aid per capita [19]. In addition, the United States was among the 74 countries that responded to the Spitak earthquake disaster and provided immediate humanitarian assistance to the Armenian people. In the following years, the USAID Earthquake Zone Recovery Program helped 7,000 earthquake-

stricken families (or about 30,000 people) from temporary shelters to obtain permanent housing. In addition, displaced residents were able to move out of more than 100 public buildings, including schools, kindergartens, and museums, which were returned to public use. After Armenia gained independence, USAID programs from 1992 to 1998 focused on humanitarian assistance, with an emphasis on food, fuel, medicine, and clothing to help Armenia overcome the post-earthquake, post-war, and post-Soviet economic collapse [20].

Among the aid and soft power tools received from the United States during those years, one can also consider the arrival of Peace Corps volunteers to Armenia. The first Peace Corps volunteers arrived in Armenia in the winter of 1992, during one of the most difficult periods for the newly independent republic. Armenia faced food, electricity, and heating shortages during that harsh winter, and the country was still in the midst of a difficult period of recovery from the devastation of the 1988 earthquake, along with the collapse of the Soviet Union and the war with Azerbaijan. However, despite all these difficulties, the first Peace Corps volunteers remained in Armenia and served their communities, which welcomed them with warmth. Since then, nearly 1,100 volunteers have served in the Peace Corps Armenia program. Since 1992, the Peace Corps has fostered peace and friendship in Armenia, while promoting education, the youth, the environment, civil society, and economic development, as well as health. Peace Corps volunteers have also introduced Armenians to American culture, as well as shared Armenian culture in the United States [21].

Apart from volunteers, following the devastating 1988 Spitak earthquake, the United States National Academy of Sciences sent a team of scientists and engineers to the then Soviet Armenia to assess the consequences of the earthquake and provide technical assistance accordingly. The team also included two Armenian-Americans: Mihran Agabian of the University of Southern California and Armen Der Kiureghian of the University of California, Berkeley (“UC”), both professors of seismic engineering.

The idea of establishing an American-style university in Armenia arose during a conversation between Der Kiureghian and Yuri Sargsyan, the

rector of Yerevan Polytechnic University. Agbabian and Der Kiureghian pursued this idea, and the then Executive Vice President of the Armenian General Benevolent Union (AGBU), Mrs. Louise Manoukian-Simon, responded positively to the idea and promised to finance the creation of such a university. It is noteworthy that on the day of the independence referendum, September 21, 1991, the American University of Armenia began its activities, thanks to the joint efforts of the Armenian and US governments, the Armenian General Benevolent Union, and the University of California [22].

It was during this period that the contractual and legal basis of US-Armenian relations was formed. During those years, a number of treaties and agreements were signed to put bilateral relations on a more solid foundation. The agreements include: “Agreement Between the Government of the Republic of Armenia and the Government of the United States of America on trade relations” (entered into force on April 7, 1992), “Agreement Between the Government of the Republic of Armenia and the Government of the United States of America on investment incentive” (entered into force on April 2, 1992), “Agreement Between the Government of the Republic of Armenia and the Government of the United States of America concerning the reciprocal encouragement and protection of investment” (signed on September 23, 1992, but entered into force in 1996), “Agreement Between the Government of the Republic of Armenia and the Government of the United States of America concerning the program of the Peace Corps in Armenia” (entered into force on September 24, 1992), “Agreement between the Government of the Republic of Armenia and the Government of the United States of America on Facilitating the Control of Humanitarian and Technical Economic Assistance” (entered into force on December 15, 1992), “Agreement between the National Seismic Protection Service of the Republic of Armenia (NSPS) and the United States Geological Survey (USGS) on the Establishment of an Observation Station of the IRIS Global Seismographic Network in Armenia” (entered into force on August 11, 1992), “Agreement between the National Seismic Protection Service under the Government of the Republic of Armenia and the United

States Geological Survey on Cooperation in the Field of Earthquake Hazard Reduction” (entered into force on August 11, 1992)¹.

Thus, right after the collapse of the USSR, a number of agreements were signed between the Republic of Armenia and the United States, forming the contractual and legal basis of the relations between the Republic of Armenia and the United States. Parallely, the United States continued to provide assistance in various forms to the Republic of Armenia to ensure a smooth transition to democracy and a liberal economy.

Conclusion

Taking into account all the above mentioned, it can be stated that the foundations of US-Armenian political and economic relations were laid during the presidency of the 41st US President George H. W. Bush. The soft power pursued towards the Soviet states during the presidency of the 41st US President H. W. Bush played a key role in ensuring the post-Soviet transition of the newly independent Armenia. The devastating Spitak earthquake of 1988 gave impetus to the US to send humanitarian aid to the Soviet Union, which became the first major aid provided by the United States to the Soviet Union since World War II. This was a turning point in the US-Armenian relations. Moreover, the son and grandson of President-elect Bush arrived in Armenia within the framework of providing assistance to the victims of the earthquake. This act of goodwill became the basis for later warm relations between Armenia and the United States.

US assistance to Armenia included not only immediate first aid, but also a long-term assistance commitment in the form of the “Freedom Support Act”, which promoted the country's democratic development and the establishment of a market economy model, and thanks to the Section 907 of the “Freedom Support Act”, Azerbaijan was deprived of assistance and investments provided by the US government for about 10 years. The

¹ The documents are available in the Armenian Legal Information System. URL: <https://www.arlis.am/>

US efforts were aimed at establishing a democratic order in the country, preventing the prospects of a return to authoritarianism. During the Bush administration, numerous agreements were signed between Armenia and the United States to establish and deepen US-Armenian cooperation. Armenia became a participant in a number of programs implemented by the US, which provided significant assistance to the newly independent Armenia in the social, educational, economic, and healthcare sectors.

REFERENCES

1. *Sargsyan S.* The Administration of the 41st US President George W. Bush as a Mediator in the Process of Normalizing Relations between Armenia and Turkey. *Armenian Journal of Political Science*, 1(13), 2020. PP. 121–152 (In Armenian). URL: https://arjps.org/articles/arm/01_2020/Sargsyan.pdf
2. Memorandum of Conversation, New York, December 7, 1988. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1981-88v06/d181>
3. Transcript of Ronald Reagan's phone call
<https://www.reaganlibrary.gov/research/speeches/120888a> (27.01.2025).
4. Memorandum of Conversation, February 20, 1990. URL:
<https://nsarchive.gwu.edu/sites/default/files/documents/4325689/Document-12-2-Memorandum-of-conversation-between.pdf> (28.01.2025).
5. Statement of the US Embassy in Armenia. URL: <https://www.facebook.com/usembarmenia/posts/10156851531357673/>, (28.01.2025).
6. Remarks at the Texas A&M University Commencement Ceremony in College Station, <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/remarks-the-texas-am-university-commencement-ceremony-college-station> (28.01.2025).
7. “Evening Yerevan” newspaper, No. 298, December 28, 1988, page 3 (In Armenian).
8. *Sargsyan S.* Armenia and Bush Himself, [1988–1992] Declassified Details of Armenian-American Contacts, Yerevan, Newmag, 2022, 296p. (in Armenian).
9. *Tarnoff C.* U.S. Assistance to the Former Soviet Union, CRS report for Congress, Updated March 1, 2007. P. 2.
10. *Kauzlarich R.* Time for Change? U.S. Policy in the Transcaucasus, The Century Foundation, New York, 2002: <https://tcf.org/content/commentary/time-for-change-u-s-policy-in-the-transcaucasus/> (04.02.2025).
11. The Former Soviet Union and U.S. Foreign Assistance in 1992: The Role of Congress, May 20, 2004, Congressional Research Service. P. 9.

12. *Sargsyan S.* The establishment of the US-Armenia relations and the US policy towards Armenia, *Armenian Journal of Political Science* 2(9) 2018. PP. 33–64 (in Armenian).
13. The Former Soviet Union and U.S. Foreign Assistance in 1992: The Role of Congress, May 20, 2004, Congressional Research Service. P. 9.
14. What security assistance does the US provide to Azerbaijan, and against whom is it directed? Armenian Center for American Studies. URL: <https://www.luys.am/index.php?m=publicationsOne&pid=326> (in Armenian).
15. S.2532 - FREEDOM Support Act. URL: <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/senate-bill/2532/text>
16. *Sargsyan S.* The establishment of the US-Armenia relations and the US policy towards Armenia, *Armenian Journal of Political Science* 2(9) 2018. PP. 33–64 (in Armenian).
17. *Zarifan J.* U.S. Foreign Policy in the 1990s and 2000s, and the Case of the South Caucasus (Armenia, Azerbaijan, Georgia), Summer 2015, including Special Issue: (Re)visioning America in the Graphic Novel, 10–2, 2015.
18. Foreign Operations Appropriated Assistance: Armenia, U.S. Department of State, Archive. URL: <https://2001–2009.state.gov/p/eur/rls/fs/104145.htm>
19. *Nichol J.* Armenia, Azerbaijan, and Georgia: Political Developments and Implications for U.S. Interests, April 2, 2014, Congressional Research Service. P. 42.
20. History of USAID's Assistance to Armenia. URL: <https://bitly.cx/WrXR>
21. History of the Peace Corps in Armenia.
URL: <https://www.peacecorps.gov/armenia/about/>
22. History of the University. URL: <https://aua.am/about/history-of-the-university/>

«МЯГКАЯ СИЛА» США В ОТНОШЕНИИ АРМЕНИИ В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА ДЖОРДЖА БУША (1989–1992)

*С.А. Саргсян¹, А.А. Геворгян², А.Т. Мурадян³
Государственный университет имени В.Я. Брюсова¹
Американский университет Армении^{2,3}*

АННОТАЦИЯ

Распад Советского Союза стал поворотным моментом для пятнадцати бывших советских республик. 15 новых независимых государств столкнулись с множеством проблем, включая экономические, политические, геополитические и

социальные. До распада Советский Союз действовал как единое государство и единая интегрированная экономика, а новые независимые страны не были отдельными самодостаточными республиками. Поэтому Соединенные Штаты использовали свою политику мягкой силы тогда, поддерживая эти государства через программы помощи, предотвращающие потенциальное возрождение Советского Союза и крах их экономических и политических систем. Армения была одним из получателей американской помощи еще до распада Советского Союза – в виде гуманитарной поддержки после разрушительного землетрясения в Спитаке. После распада СССР помощь США сыграла решающую роль для новой независимой Армении. Данная статья посвящена политике «мягкой силы» администрации 41-го президента США Джорджа Буша в отношении Армении в период постсоветского перехода. В частности, рассматриваются внешняя помощь Армении со стороны администрации Буша-старшего, его личная доброжелательность к армянам во время разрушительного Спитакского землетрясения, его поддержка в формировании демократического режима и либеральной экономики в Армении, а также установление договорно-правовых отношений между Арменией и США.

Ключевые слова: США, президент Джордж Г.У. Буш, иностранная помощь США, землетрясение в Спитаке, распад СССР.

DOI 10.24412/1829-0450-2025-1-60-73

УДК 32

Поступила: 24.12.2024г.

Сдана на рецензию: 10.01.2025г.

Подписана к печати: 20.03.2025г.

POLITICAL AND LEGAL ANALYSIS OF EVOLVING MANDATES AND THEIR IMPACT

T. Simonyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

simonyantigran126@gmail.com

ORCID 0009-0005-9205-7892

ABSTRACT

This article explores the evolving role and effectiveness of United Nations (UN) peacekeeping missions, focusing on the case study of the Central African Republic (CAR). It begins by contextualizing the historical background of the CAR conflict and the establishment of the UN Multidimensional Integrated Stabilization Mission in CAR (MINUSCA) in 2014. Using a multidisciplinary approach drawing from international relations, peace and conflict studies, and political science, the article employs theoretical frameworks such as Liberal Peace Theory, Realism, Neorealism, Constructivism, and Conflict Transformation Theory to analyze MINUSCA's mandate evolution and activities. The examination highlights MINUSCA's shift from traditional peacekeeping tasks to broader responsibilities, including fostering national dialogue, supporting electoral processes, and aiding in institution-building. It examines how MINUSCA's mandate expansion reflects changing international norms and identifies motivations behind external actors' involvement in CAR, such as France and the UN. Additionally, the article evaluates MINUSCA's effectiveness in contributing to peace and stability in CAR, considering factors like resource constraints and geopolitical dynamics. By synthesizing theoretical insights, historical analysis, and evaluative frameworks, the article also provides a nuanced understanding of UN peacekeeping missions' evolution, challenges, and implications for

international peace and security. It contributes to ongoing discussions on the role of international organizations in conflict resolution and peacebuilding efforts, offering insights into the complexities of modern peacekeeping operations and their impact on conflict-affected regions like the Central African Republic.

Keywords: United Nations, Peacekeeping missions, Central African Republic (CAR), MINUSCA, mandate evolution, Resolution 2149 (2014), Resolution 2196 (2015), Resolution 2217 (2015), disarmament, demobilization, and reintegration (DDR) program.

Introduction

At the end of the Second World War, the United Nations started to play a pivotal role in maintaining international peace and stability, and one of its primary tools to achieve this aim was the deployment of peacekeeping missions in different parts of the world where conflicts erupted. The first large-scale peacekeeping operation was the UN Operation in the Congo (ONUC) launched in 1960, where 20,000 military personnel was deployed in the country to bring stability in the region. Continuing the topic of Africa, UN peacekeeping mission is still evolving in the Central African Republic. Taking into consideration the evolving nature of the civil war that erupted in 2012, the mandate of the UN peacekeepers, which was initially aimed to guarantee the protection of civilians, changed over time and encompassed more broad and essential tasks such as helping to foster national dialogue between confronting parties to achieve final peace. Therefore, this article aims to explain how have the evolving mandates of UN peacekeeping missions, exemplified by MINUSCA's activities in the Central African Republic, impacted the effectiveness of international peacekeeping efforts in achieving long-term peace and stability in conflict-affected regions?

Novelty of the Research

The article introduces several novel aspects in comparison with the existing literature on UN peacekeeping missions, especially in CAR and

MINUSCA contexts. The article particularly examines how the mandates of the peacekeeping mission impacted the effectiveness of international peacekeeping efforts in achieving long-term peace and stability. Much of the existing literature focuses on operational aspects of peacekeeping missions, while this work delves into the “dynamic nature of mandates” and how they adapt to the changing dynamics of the conflict. The work primarily analyzes the shifts from traditional peacekeeping mandates to more comprehensive stabilization and state-building mandates. Meanwhile, the article also gives insights about how “mandate evolution” impacts the effectiveness of the mission.

Alongside the analysis of the mandates, the article provides a historical analysis of the conflict in CAR and links key events, resolutions, and developments to the changing role of the mission. By placing MINUSCA’s mandate within the broader historical context of the civil war and involvement of the United Nations, the work tries to highlight how external and internal factors such as escalating violence, humanitarian crises, and geopolitical interests impacted and shaped the evolution of the mission. Historical perspective is sometimes absent in existing studies and research, which tend to focus on particular aspects of peacekeeping operations without considering the broader context.

The existing professional literature focuses more on the operational and strategic aspects of the peacekeeping missions, while this article provides legal and political analysis of how UN resolutions have expanded MINUSCA’s authority to include proactive military operations and state-building activities. This analysis sheds light on the legal and normative frameworks that underpin UN peacekeeping missions and their evolving roles in addressing difficult conflicts. Traditional peacekeeping missions mainly focus the civilian protections; while the work highlights how the mandate of MINUSCA has expanded in order to include “political and institutional dimensions” of peacebuilding. Integration of these different perspectives, the article offers a holistic view of UN mission by highlighting the interplay between theoretical concepts, historical development and practical outcomes. The synthesis is particularly valuable to understand the complex and multifaceted nature of the peacekeeping operations. Finally,

the article concludes by discussing the wide range of implications of its findings for understanding the evolution, effectiveness and ongoing challenges of the peacekeeping mission of UN. As a suggestion it emphasizes the need for flexible and adaptive mandates which will be able to respond to evolving conflict dynamics and address both immediate security concerns and long-term peacebuilding challenges.

Methodology

The article identifies several theoretical frameworks and concepts from the fields of international relations, peace and conflict studies, and political science that are relevant to the examination. These frameworks include Liberal Peace Theory, Realism (Jervis' concept), Neorealism, Constructivism, Conflict Transformation Theory, and Critical Security Studies. Each selected theoretical framework is applied to specific aspects of the study. For example, Liberal Peace Theory is applied to analyze the Multidimensional Integrated Stabilization Mission in the Central African Republic's (hereinafter referred to as MINUSCA) efforts in supporting electoral processes and fostering national dialogue as pathways to promoting democratic governance and peace. Realism and Neorealism are used to examine the motivations behind external actors' involvement in conflict in CAR, while Constructivism is employed to understand how changing norms and identities influence peacekeeping mandates' evolution. The methodology involves a conceptual analysis of MINUSCA's mandate evolution and activities in CAR within the context of the selected theoretical frameworks. This analysis aims to provide insights into UN peacekeeping missions' motivations, goals, and implications in conflict zones like CAR. The methodology includes a historical contextualization of the conflict in CAR and UN involvement, highlighting key events, resolutions, and developments that shaped MINUSCA's mandate over time. This historical perspective helps to understand the evolution of peacekeeping efforts and the challenges faced in addressing complex conflicts. The methodology evaluates MINUSCA's mandate evolution, role expansion, and effectiveness in contributing to peace and stability in CAR. This evaluation

is interpreted through the lens of the selected theoretical frameworks to provide a nuanced understanding of the peacekeeping mission's impact and outcomes.

The methodology concludes by synthesizing the findings from the theoretical analysis, historical context, and evaluation of MINUSCA's mandate. It highlights the implications of the examination for understanding UN peacekeeping missions' evolution, effectiveness, and ongoing challenges in conflict resolution and peacebuilding efforts. Overall, the methodology employed in the article combines theoretical insights, historical analysis, and evaluative frameworks to comprehensively examine the UN peacekeeping mission in CAR and its broader implications for international peace and security.

Theoretical frameworks

To analyze and deepen the understanding of the evolution and effectiveness of UN peacekeeping missions, particularly in the context of the Central African Republic (CAR) as described in the article, several theoretical frameworks and concepts from the fields of international relations, peace and conflict studies, and political science could be applied. The liberal peace theory of John Oneal suggests that democracies are less likely to go to war, particularly with each other, and that the promotion of democratic governance, the rule of law, human rights, and economic interdependence can lead to more stable and peaceful international relations [1]. In the context of MINUSCA's efforts to support electoral processes and foster national dialogue in CAR, this theory could offer insights into the long-term goals of peacekeeping missions to promote democratic governance as a path to peace. This theory aligns with the mission's goals of promoting democratic governance and long-term peace [2]. Examination of MINUSCA's activities through this lens helps to highlight how the peacekeeping missions may contribute to the construction of democratic institutions and fostering economic interdependence, which are key tenets of LPT.

Jervis' concept of realism, emphasizing the anarchic international system and the pursuit of national interest through power, could provide a

lens to examine the motivations behind the involvement of external actors in CAR, including the UN and France [3]. Neorealism, focusing on the structure of the international system, could further help analyze how the balance of power and the interests of major states influence the scope and effectiveness of peacekeeping missions [4]. Meanwhile, Constructivism could be applied to understand how changing norms and identities influence the evolution of peacekeeping mandates. This theory emphasizes the role of ideas, beliefs, and social constructs in international relations [5]. The evolving mandate of MINUSCA – from solely focusing on ceasefire and protection of civilians to fostering national dialogue and supporting electoral processes – reflects a shift in international norms regarding peacekeeping and state-building. These frameworks are used to expand and examine the motivations of the external actors involved in the conflict including France and UN. With its focus on power and national interest realism provides insights into why states and international organizations intervene in such type of conflicts. At the same time, neorealism emphasizes the structure of the international system and helps to explain how the balance of power and the interests of major states influence the scope and effectiveness of peacekeeping missions.

Last, conflict transformation theory looks beyond resolving immediate issues to address the underlying causes of conflict, aiming for deep-rooted change in relationships, attitudes, and socio-political structures [6]. Analyzing MINUSCA's efforts in fostering national dialogue and supporting electoral processes through this lens could offer insights into the mission's potential for contributing to a transformative peace in CAR [7]. CTT is applied to evaluate MINUSCA's efforts in addressing the root of causes of the conflict. Unlike traditional conflict resolution approaches CTT focuses on long-term challenges in relationships, attitudes and socio-political structures.

Historical Context

In order to understand how the UN mandate has changed over time, it is necessary to refer back to the history of the civil war in CAR. The political

instability, ethnic conflicts, and the humanitarian crisis became primary problems in CAR almost immediately after the ignition of hostilities. However, UN involvement in the conflict took place two years later in 2014, when the risk of the humanitarian crisis reached its apogee [8]. In order to address all the challenges, as per Resolution 2149 (2014), the UN Security Council established the United Nations Multidimensional Integrated Stabilization Mission in the Central African Republic (MINUSCA) until April 30, 2015 [9]. At the same time, a request was sent to the Secretary-General to subsume the Integrated Peacebuilding Office on the Central African Republic (BINUCA), which was further smoothly transferred to MINUSCA [10]. MINUSCA initially had a primary task of securing the rights of the civilian population in areas where hostilities could erupt again.

The UN mandate power of the UN from a legal perspective

The United Nations has significant legal power and authority, although it is important to note that its powers are limited by the provisions of its charter and the willingness of member states to comply with its decisions. It is also necessary to take into consideration how resolutions that allow the UN to conduct certain types of operations would limit their capabilities in the crisis zones. Before turning into a specific example of the political and legal power of UN resolutions, the legal power of the UN should be understood in several key areas.

The UN Security Council has primary responsibility for maintaining international peace and security. It can authorize peacekeeping missions, impose sanctions, and even authorize the use of force in certain circumstances, such as in cases of self-defense or when there is a threat to international peace [11]. From a legal perspective, resolutions issued by the UN give approval to nations to act in problematic places and not violate international law. This issue was present during the US invasion of Iraq, when, without consent, the US launched a military campaign against Iraq to overthrow the regime of Saddam Hussein. The UN plays a crucial role in developing and enforcing international law. Or, for example, during the protests of Arab Spring of 2011 in Libya civil war broke out between

opposition forces and leader of Jamahiriya Muamar Gaddafi. Governmental forces were accused of committing widespread violation of human rights including attacks on civilians. After the long-lasting brutalities international community led by the UN intervened to prevent atrocities. On March 17, 2011, by the Resolution 1973, member states of the UN established a no-fly zone over Libya and to use “all necessary measures” in order to protect civilians. Resolution was based on Chapter VII of the UN Charter, which allowed the Security Council to take action in order to maintain or restore international peace and security. Resolution provided legal justification for NATO-led military operations which led to airstrikes against Gaddafi’s forces without violation of international law. From legal perspective the resolution allowed NATO forces to intervene in Libya. This case demonstrated how UN resolutions may provide legal authority for military action in situations where civilian population are at risk, aligning with the principles Responsibility to Protect (R2P).

It provides a forum for member states to negotiate treaties and agreements, and it works to promote adherence to these legal instruments [12]. The UN provides a platform for member states to negotiate and draft international treaties and conventions on various subjects such as human rights, environmental protection, disarmament, trade, and more. These treaties are often developed under the auspices of specialized UN agencies, such as the International Labour Organization (ILO), the World Health Organization (WHO), or the United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC). As it would be presented below, UN disarmament efforts played a pivotal role in the Central African Republic.

From another perspective, the UN is a central actor in the promotion and protection of human rights globally. Bodies such as the UN Human Rights Council and the Office of the High Commissioner for Human Rights monitor human rights situations, investigate violations, and make recommendations for action. Through agencies like the United Nations Development Programme (UNDP), the UN engages in development efforts worldwide, addressing issues such as poverty, health, education, and sustainable development [13]. The UN supports international criminal justice mechanisms such as the International Criminal Court (ICC), which

investigates and prosecutes individuals accused of genocide, war crimes, crimes against humanity, and aggression. However, it's important to recognize that the effectiveness of the UN's legal power can vary. For example UN played an important role in dismantling apartheid in South Africa. Due to approved resolutions, sanctions and international pressure UN condemned apartheid as a violation of human rights. For instance, in 1973, under the auspices of the UN “The International Convention on the Suppression and Punishment of the Crime of Apartheid” was adopted.

The UN relies heavily on member states to implement its decisions and enforce international law. When there is a lack of consensus among major powers or when states choose not to comply, the UN's ability to enforce its mandates can be. The UN operates in a complex political environment where geopolitical interests, power dynamics, and diplomatic considerations influence decision-making [14]. This can sometimes result in compromises or delays in taking action on specific issues. Resource constraints can also affect its effectiveness, including financial limitations and logistical challenges in deploying peacekeeping missions or humanitarian operations. Overall, while the UN possesses significant legal authority and plays a crucial role in global governance, its ability to address complex international challenges depends on various factors, including political will, cooperation among member states, and the support of the international community.

The Genesis of MINUSCA and Its Initial Legal Framework

The most important evolution of MINUSCA’s mandate has been the increasing authorization for the use of force in response to the evolving unstable situation. At first, MINUSCA’s use of force was largely limited to self-defense and the protection of civilians. Nevertheless, the increasing speed of growing violence and unstable situation, in compilation with the failure to bring lasting peace expanded mission’s authority to include proactive military operations against armed groups that threatened the peace process. Resolutions 2217 (2015) and 2301 (2016) of the United Nations Security Council (hereinafter referred to as UNSC) allowed the mission to

take more robust actions, including disarming military groups and prevention of the continuation of violations of international. Such shift marked the change of the initial peacekeeping posture to a more comprehensive stabilization and enforcement mandate. From a legal perspective such actions are drawn from the “responsibility to protect” (R2P) doctrine, according to which the international community has a legal obligation to intervene when a state is unwilling or does not have the capacity to prevent mass atrocities, including genocide, war crimes, and crimes against humanity.

Evaluation of MINUSCA's Mandate

In 2014, MINUSCA's mandate encompassed responsibilities of maintaining security and civilian protection, but its role has evolved since its inception. Initially, according to Resolution 2149 (2014), MINUSCA was assigned a task for the parties to obey the ceasefire [1]. However, over time, the scope of responsibilities evolved, and after 2014, it started to include the support of the transitional government in achieving political stability, as from 2014 until the elections of 2020, the state was basically partitioned between government and rebels, that is why the Resolution prescribed the deployment of 10,000 peacekeepers watchdogs of security [16]. Similarly, their role could be compared to the first generation of UN peacekeepers mentioned by Ramsbotham, Woodhouse, and Miall, whose sole mission was to ensure that a ceasefire in the conflict zones should not be violated [17].

The evolution of the mandate and role of peacekeepers started to change with resolution 2196 (2015,) which extended the period of MINUSCA's staying in CAR until 2016, and resolution 2217 (2015,) which not only extended the staying period until 2016 but also gave a favor of the UN to cooperate with international actors (such as France) in conflict resolution process [18]. Since 2015, MINUSCA has received additional authority to enlarge its scope of powers by being engaged in the political landscape of post-war CAR. In addition to security operations, which now included safeguarding the infrastructure and strategic objects that were

under the control of peacekeepers, the new responsibilities prescribed fostering national dialogue between confronting parties as well as helping the authorities to build national institutions for the state functioning (this program was implemented alongside African Union and European Union) [19]. At the same time, MINUSCA helped facilitate the electoral processes in CAR by supporting the organization of presidential and legislative elections [20]. This was entrusted to MINUSCA by resolution 2217 (2015) about Integrated Electoral Assistance. With the help of the UN, in December 2015, presidential and legislative elections were organized in the state, which was followed by the second round in February and March of 2016 [21].

Mediation of the political conflict between rebels and the government was also included in the post-2015 mandate and was actively used by MINUSCA to settle the conflict once and for all. The first attempt was made in May 2015, when the transitional government organized the Bangui Forum with the help of MINUSCA [22]. It had to serve as a platform for national political dialogue with an objective and had to establish a new social contract for the citizens of Central Africa through the examination of sustainable resolutions to the ongoing conflict [23]. Interventions of such (political) type demonstrate an understanding that the attainment of peace and stability in the Central African Republic cannot be solely accomplished through security measures. The evolution of the mandate of MINUSCA allowed UN peacekeepers to address the most complex challenges, one of which was their contribution to stabilizing the security situation. MINUSCA has worked since 2015 to implement the disarmament, demobilization, and reintegration (DDR) program and give an opportunity to the members of armed groups to return to normal life. In case foreign nationalities were spotted at the place of hostilities, DDR helped them to repatriate [24].

Conclusion

Overall, MINUSCA is a good representation of how the peacekeeping mission and mandate prescribed to the UN has evolved over time, from

personnel who were prescribed with an obligation to secure the ceasefire regime to a developed institution with capabilities to help states rebuild and even modernize their institutions and political systems according to international standards. Its expansion beyond traditional security measures in CAR was seen in its efforts to help foster national dialogue, reorganize electoral processes, and mediate between conflicting parties to reach peace. The situation in the Central African Republic is an example of how UN peacekeeping missions continue to develop and play a vital part in attempting to maintain peace and stability. This article offers a comprehensive and nuanced analysis of the mission of MINUSCA in CAR and sheds light on the evolution of its mandate, effectiveness, and the broader implications for UN peacekeeping missions. Examination of the dynamic nature of MINUSCA's mandate in the framework of the historical, legal, and political context of CAR allows the article to provide a holistic understanding of how peacekeeping missions adapt to complex and evolving conflicts. The article delves into the dynamic nature of mandates and how they evolve in response to changing conflict dynamics. Legal examination of the authority of the UN in conflict resolution reinforces furtherly the argument that mandate evolution is not just a strategic decision but also a response to shifting legal interpretations and international responsibilities. Through examples such as R2P doctrine, the expansion of MINUSCA's authority to engage in proactive military operations, and its role in political mediation, this examination illustrates how peacekeeping missions are increasingly required to go beyond traditional roles in order to address complex security issues and challenges.

REFERENCES

1. *Oneal J.R., Oneal F.H., Maoz Z., Russett B.* The Liberal Peace: Interdependence, Democracy, and International Conflict, 1950-85. *Journal of Peace Research*, 33(1), 1996. PP. 11–28. URL: <http://www.jstor.org/stable/425131>
2. *Jervis R.* Realism in the Study of World Politics. *International Organization*, 52(4), 1998. PP. 971–991. URL: <http://www.jstor.org/stable/2601364>
3. *Ibid.*
4. *Behraves M.* Realism and Neorealism: An Investigative Overview. *e-International Relations (e-IR)*, 2010. URL: <https://www.e-ir.info/pdf/5997>

5. *Checkel J.T.* The Constructivist Turn in International Relations Theory [Review of National Interests in International Society; The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics; Norms in International Relations: The Struggle against Apartheid, by M. Finnemore, P. Katzenstein, & A. Klotz]. *World Politics*, 50(2), 1998. PP. 324–348. URL: <http://www.jstor.org/stable/25054040>
6. *Doucet I.* Conflict Transformation. *Medicine, Conflict and Survival*, 13(3), 1997. PP. 175–194. URL: <http://www.jstor.org/stable/45354930>
7. *Ibid.*
8. United Nations (2023) About: MINUSCA. URL: <https://minusca.unmissions.org/en/about>
9. *Ibid.*
10. *Ibid.*
11. *Gross L.* The United Nations and the Role of Law. *International Organization*, 19(3), 1965. PP. 537–561. URL: <http://www.jstor.org/stable/2705869>
12. *Schachter O.* United Nations Law. *The American Journal of International Law*, 88(1), 1994. PP. 1–23. URL: <https://doi.org/10.2307/2204020>
13. *Ibid.*
14. *Hurd I.* The UN Security Council and the International Rule of Law. *The Chinese Journal of International Politics*, 7 (3), 2014. PP. 361–379. URL: <https://www.jstor.org/stable/48615915>
15. Security Council Report (2023) *UN Documents for Central African Republic: Security Council Resolutions*. URL: https://www.securitycouncilreport.org/un_documents_type/securitycouncilresolutions/page/2?ctype=Central+African+Republic&cbtype=central-african-republic#038;cbtype=central-african-republic
16. *Gorur A.* Case Study 4: The Political Strategy of the UN Peacekeeping Mission in the Central African Republic, 2020. URL: <https://i.unu.edu/media/cpr.unu.edu/attachment/4414/CAR.pdf>
17. Ramsbotham, Woodhouse & Miall. Chapter SIX: Containing Violent Conflict: Peacekeeping, 2016. PP. 173-198.
18. United Nations. Electoral Assistance, 2023. URL: <https://minusca.unmissions.org/en/electoral-assistance-0>
19. *Ibid.*
20. *Ibid.*
21. *Gorur A.* Case Study 4: The Political Strategy of the UN Peacekeeping Mission in the Central African Republic, 2020. URL: <https://i.unu.edu/media/cpr.unu.edu/attachment/4414/CAR.pdf>
22. *Ibid.*
23. *Ibid.*
24. United Nations. Disarmament demobilization reintegration (2023). URL: https://minusca.unmissions.org/en/DDR_En

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РАЗВИВАЮЩИХСЯ МАНДАТОВ И ИХ ВЛИЯНИЯ

Т.К. Симонян

Российско-Армянский (Славянский) университет

АННОТАЦИЯ

В данной статье исследуется меняющаяся роль и эффективность миротворческих миссий Организации Объединенных Наций (ООН), уделяется особое внимание примеру Центральноафриканской Республики (ЦАР). Исследование начинается с контекстуализации исторической подоплеку конфликта в ЦАР и создания Многомерной комплексной миссии ООН по стабилизации в ЦАР (МИНУСКА) в 2014 году. Используя междисциплинарный подход, основанный на международных отношениях, исследованиях мира и конфликтов, а также политологии, в статье используются теоретические основы – такие, как либеральная теория мира, реализм, неореализм, конструктивизм и теория трансформации конфликтов, для анализа эволюции мандата и деятельности МИНУСКА. В исследовании подчеркивается переход МИНУСКА от традиционных миротворческих задач к более широким обязанностям, включая содействие национальному диалогу, поддержку избирательных процессов и помощь в институциональном строительстве. Здесь рассматривается, как расширение мандата МИНУСКА отражает изменение международных норм, и определяются мотивы участия внешних игроков в ЦАР – таких, как Франция и ООН. Кроме того, в статье оценивается эффективность МИНУСКА в содействии миру и стабильности в ЦАР, учитывая такие факторы, как ограниченность ресурсов и геополитическая динамика. Объединив теоретические идеи, исторический анализ и оценочные основы, статья дает детальное понимание эволюции, проблем и последствий миротворческих миссий ООН для международного мира и безопасности. Она может способствовать постоянным дискуссиям о роли международных организаций в разрешении конфликтов и усилиях по миростроительству, предлагая понимание сложностей современных миротворческих операций и их влияние на пострадавшие от конфликтов регионы – такие, как Центральноафриканская Республика.

Ключевые слова: Организация Объединенных Наций, Миротворческие миссии, Центральноафриканская Республика (ЦАР), МИНУСКА, эволюция мандата, Резолюция 2149 (2014), Резолюция 2196 (2015), Резолюция 2217 (2015), программа разоружения, демобилизации и реинтеграции (РДР).

ЭКОНОМИКА

DOI 10.24412/1829-0450-2025-1-74-89

УДК 33

Поступила: 02.02.2025г.

Сдана на рецензию: 10.02.2025г.

Подписана к печати: 22.02.2025г.

АНАЛИЗ И ОЦЕНКА АКТИВОВ ПЕНСИОННЫХ ФОНДОВ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ*

М.А. Восканян¹, Д.Г. Петросян²

Российско-Армянский (Славянский) университет

mariam.voskanyan@rau.am, dianna.petrosyan@student.rau.am

ORCID¹: 0000-0002-5417-6648, ORCID²: 0009-0003-1508-1317

АННОТАЦИЯ

Актуальность. Как известно, пенсионные фонды по своей сути несут в себе несколько стратегических задач: формируют длинные деньги, решают социальную задачу по обеспечению населения пенсионного возраста, стимулируют развитие рынков капитала и в целом положительно влияют на развитие финансовой системы в стране. Вместе с тем, важным вопросом является надежность активов пенсионных фондов и предсказуемость рисков, которые могут быть заложены во вложениях со стороны пенсионных фондов. В этой связи, с учетом перехода Армении на накопительную пенсионную систему и аккумуляцию достаточно большого объема капитала в пенсионных фондах, актуальным представляете анализ и оценка активов этих фондов, в том числе в контексте высокого уровня волатильности глобальных и региональных фондовых рынков.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по науке РА (Научный проект № 24SSAH-5B004).

Методы и методология. Анализ основан на обзоре статистических данных, характеризующих накопительную пенсионную систему Армении с момента ее создания. В ходе анализа была построена эконометрическая модель оценки активов пенсионных фондом Армении с точки зрения возможных угроз и рисков.

Результаты. Результаты статистического и регрессионного анализа. Указывают на высокую зависимость роста активов от чистых активов и взносов со стороны участников накопительной пенсионной системы, что обуславливает значимость последних с точки зрения управления активами пенсионных фондов в Армении.

Выводы. Ключевым выводом исследования стал тезис о необходимости построения более сложных моделей оценки активов пенсионных фондов Армении с целью построения более эффективных инвестиционных стратегий.

Ключевые слова: пенсионные фонды, активы, риски, инвестиционные стратегии.

Введение

Пенсионные накопления считаются как наиболее долгосрочными, так и наиболее стабильными с точки зрения управления рисками. Вместе с тем известны много случаев, когда потери или банкротство пенсионных фондов приводили к негативным социально-экономическим последствиям. Очевидным представляется тезис о необходимости эффективного управления активами и, соответственно, рисками пенсионных фондов, на фоне высокой нестабильности на глобальных финансовых рынках, и в глобальной экономике.

Армения, как страна, относительно недавно внедрившая обязательное пенсионное страхование в рамках накопительной пенсионной системы нуждается в более осторожном и продуманном подходе с точки зрения эффективности и безопасности размещения активов пенсионных фондов. Этот тезис обуславливает актуальность и значимость исследований в этой сфере для экономики и финансовой системы Армении.

Литературный обзор

Как известно, пенсионные фонды считаются важными инвесторами в различные виды активов, в особенности если речь идет о долгосрочном инвестировании. В частности, в ключевым секторам инвестиции обеспеченных пенсионными фондами, традиционно считаются недвижимость и ипотечные ценные бумаги, хедж-фонды и инфраструктура, и некоторые другие сегменты финансового сектора.

Многие исследования (Sadka (2010) [1], Franzoni et al. (2012) [2] и Qian and Liu (2012) [3]) доказывают эффективность вложений со стороны пенсионных фондов, в особенности, с точки зрения ликвидных активов, таких как государственные облигации (Sharpe (1976) [4], Jin et al. (2006), Rauh (2009) [5], An et al. (2013) [6] и Andonov et al. (2017) [7]). Некоторые авторы, при этом, говорят о важности диверсификации активов пенсионных фондов и (Jacobs et al., 2014) [8] и хеджирования их обязательств (Hoevenaars et al., 2008) [9]. С другой стороны, вложения в неликвидные активы обуславливают долгосрочность инвестиций со стороны пенсионных фондов (Аттиг и др., 2012) [10].

Что касается инвестиционных стратегий пенсионных фондов, что они традиционно фокусируются на оптимальном распределении активов в акции, облигации, недвижимость и альтернативные активы (Campbell and Viceira 2002) [11]. Более детальный анализ инвестиционных стратегий пенсионных фондом можно встретить в работах Asness et al. (2013) [12], Frazzini и Pedersen (2014) [13], Maggiori et al. (2020) [14] и Koijen et al. 2018 [15].

В научной литературе также можно встретить достаточно много эмпирических исследований (см. например, Black F. (1980) [16], Tepper I. (1981) [17], Sharpe W.F. (1976) [18], Sutcliffe (2016) [19], Thomas, J.K. (1988) [20], Frank M. M. (2002) [21], Bartram S.M. (2018) [22]) демонстрирующих важность диверсификации при распределении активов пенсионных фондов. При этом большая часть авторов указывает на значимый фактор выбора соответствующей инвестиционной стратегии во избежание чрезмерных рисков и волатильности по линии доходов.

Таким образом, можно констатировать, что как эмпирические, так и теоретические исследования активов пенсионных фондов демонстрируют актуальность и на современном этапе развития мировой экономики, особенно когда речь идет о развивающихся страна, к которым относится и Армения.

Результаты

Анализ накопительной пенсионной системы Армении

С 2014 года в Армении была внедрена и адаптирована накопительная пенсионная системы с условием обязательного участия наибольшей части трудоспособного населения страны. Проведенные реформы были во многом обусловлены достаточно высокой нагрузкой на государственный бюджет, низким уровнем пенсионных выплат на современном этапе, высоким уровнем бедности, прежде всего, среди людей пенсионного возраста, а также нарастающей демографической проблемой, обусловленной старением населения.

В настоящее время в Армении действуют несколько пенсионных фондов, которые управляют пенсионными накоплениями граждан страны. В качестве управляющих обязательными пенсионными фондами в Армении выступают компании “AMUNDI-ACBA ASSET MANAGEMENT” CJSC и “C-QUADRAT AMPEGA ASSET MANAGEMENT” LLC. Каждая из них предлагает 3 пенсионных фонда: с фиксированным доходом (FIX), консервативный (CON) и сбалансированный (BAL).

Согласно договору, подписанному между Правительством РА и ОАО «Центральный депозитарий Армении», депозитарий ведет реестр участников обязательной накопительной пенсионной системы, а также осуществлять хранение активов пенсионных фондов в соответствии с законодательством.

Как мы можем видеть на Графике 1, за годы деятельности пенсионных фондов активы пенсионной системы значительно выросли. При этом рост активов носит стабильный и постоянный характер,

тогда как по линии обязательств можно наблюдать некоторую волатильность. В большей части мы объясняем это несколькими этапами внедрения накопительной пенсионной системы с обязательным участием, в ходе которых менялись условия участия, число участников и некоторые другие аспекты, повлиявшие на изменения по линии обязательств пенсионных фондов.

График 1. Совокупные активы и обязательства пенсионных фондов обязательного страхования в Армении.

Источник: База данных ЦБ РА: <https://www.cba.am/> [23].

График 2. Совокупные активы пенсионных фондов обязательного страхования в Армении.

Источник: База данных ЦБ РА: <https://www.cba.am/> [24].

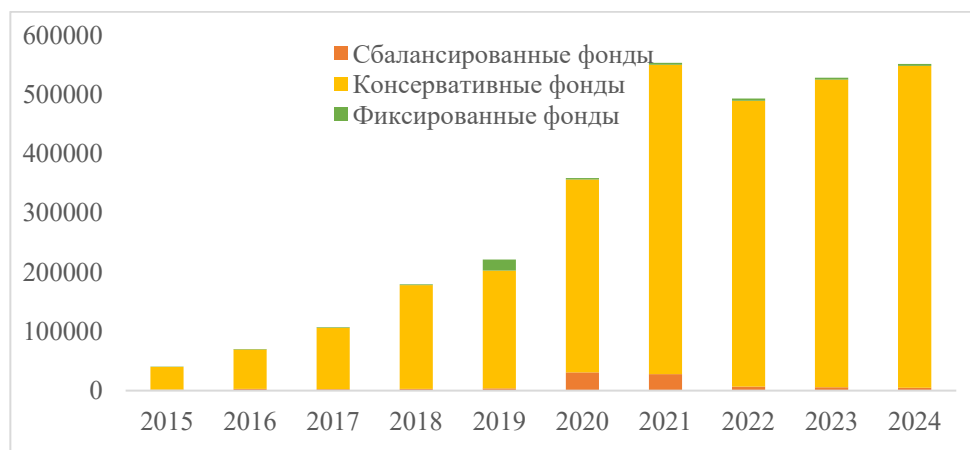

График 3. Сводные обязательства пенсионных фондов
обязательного страхования в Армении.

Источник: База данных ЦБ РА: <https://www.cba.am/> [24].

Вместе с тем, структура активов и обязательств пенсионных фондом сфокусирована в большей части вокруг консервативных фондов, что обусловлено желанием минимизировать риски и опаской негативного влияния волатильности глобальных финансовых рынков на вложения пенсионных фондов.

Что же касается структуры активов, исходя из инструментов, то здесь следует отметить высокую долю вложений в государственные облигации, что предусмотрено законом, а также вложения в депозиты банковской системы. Треть же вложений направлена в зарубежные коммерческие ценные бумаги (см. График 4).

Ввиду вышесказанного, целесообразным представляется анализ активов пенсионных фондов РА с точки зрения выявления их основных стратегий, включая также сравнительные методы, учитывая анализ опыта соседних стран. Проведенное исследование несет в себе задачу определить приблизительную эффективность стратегий пенсионных фондов Армении, а также выявить рекомендации к их улучшению.

График 4. Совокупные вложения пенсионных фондов обязательного страхования.

Источник: База данных ЦБ РА: <https://www.cba.am/> [25].

Материал и методы

В исследовании были использованы расчеты двух регрессионных моделей с помощью программы R-Studio – модель фиксированных эффектов (fixed effects model) и модель OLS. Материалы для расчетов были взяты из базы данных Всемирного банка, Центрального банка Республики Армении, а также годовых отчетов, прошедших аудит двух вышеперечисленных пенсионных фондов Армении – “AMUNDI-ACBA ASSET MANAGEMENT” CJSC и “C-QUADRAT AMPEGA ASSET MANAGEMENT” LLC, с 2019 по 2023гг. включительно. Основными показателями были рассчитаны ROI, Contributions, Net assets фондов. Переменным показателем был рост активов обоих фондов (Growth in assets)¹.

Оценка активов пенсионных фондов Армении

Модель фиксированных эффектов (внутри модели).

¹ Примечание: см. приложение к статье с расчетами показателей.

Значимые факторы, влияющие на рост активов, включают чистые активы и взносы. Обе переменные имеют положительные коэффициенты, что указывает на то, что увеличение этих переменных приводит к увеличению роста активов.

ROI не показал сильной значимости на уровне 5%, но приблизился к значимости со значением $p = 0,06888$, что указывает на потенциальную, но слабую связь.

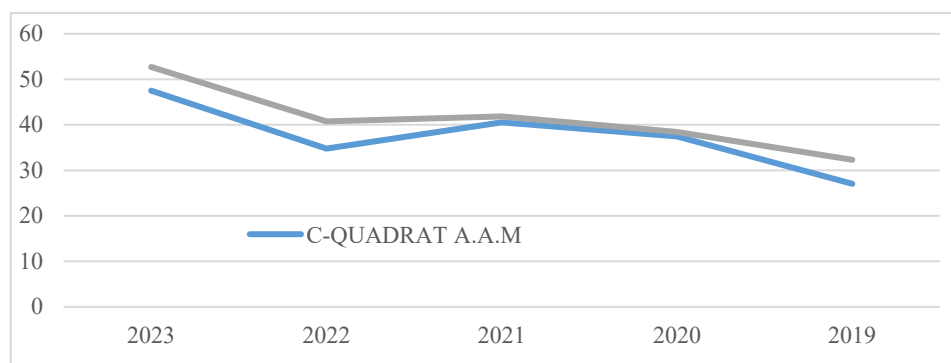

График 5. Динамика ROI. «AMUNDI-ACBA ASSET MANAGEMENT» CJSC и «C-QUADRAT AMPEGA ASSET MANAGEMENT» LLC.

Источник: Составлено авторами на основе собственных расчетов.

Относительно высокий R-квадрат (0,70) предполагает, что модель объясняет значительную часть дисперсии в зависимой переменной, росте активов. Однако скорректированный R-квадрат указывает на то, что объяснительную силу модели можно улучшить.

Таблица 1.

Модель фиксированных эффектов.

Variable	Estimate	Standard Error	t-Value	p-Value
(Intercept)	0.8547	1.038	0.824	0.561
Net_assets	1.3666e-06	4.7503e-07	2.8768	0.04516 *
ROI	-0.03802	0.01922	-1.9782	0.11905
Contributions	-1.2772e-06	5.0434e-07	-2.5325	0.06450 .
Exchange_rate	0.0009066	0.0016271	0.5572	0.60711

Примечание:

*Статистическая значимость:

Р-значение $< 0,05$ указывает на статистическую значимость, Net_assets является значимым на уровне 5%.

Р-значение $< 0,1$ указывает на тенденцию к значимости, Contributions имеет предельную значимость на уровне 10%.

Другие переменные (ROI и Exchange_rate) не показывают статистической значимости в этой модели.

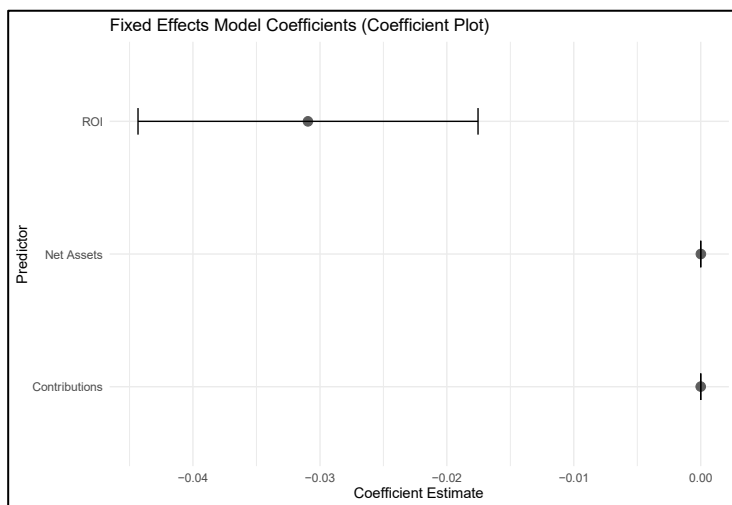

График 6. Модель фиксированных эффектов.

Источник: Составлено авторами на основе собственных расчетов.

Модель OSL

Ни одна из переменных (рентабельность инвестиций, чистые активы и взносы) не показывает значимой связи с ростом активов, поскольку все значения p больше 0,05 (со значениями p 0,762, 0,869 и 0,970, соответственно).

Эта модель имеет низкий скорректированный R-квадрат (-2,01), что говорит о слабой объяснительной силе модели. F-статистика

0,1097 дополнительно подтверждает это, поскольку модель не является статистически значимой.

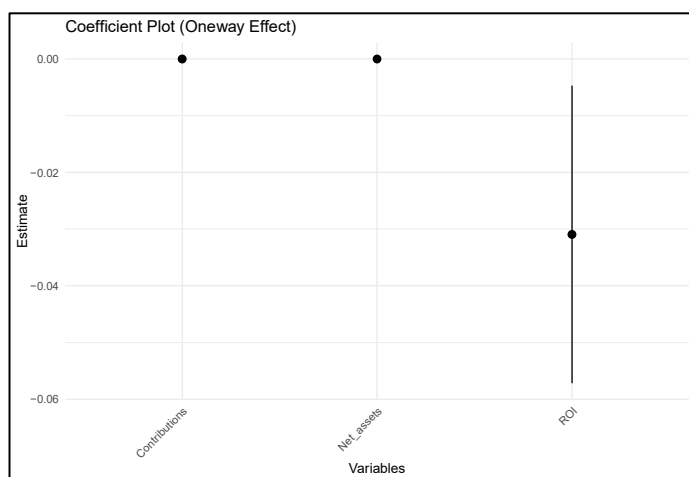

График 7. Модель OSL (Oneway Effect).

Источник: Составлено авторами на основе собственных расчетов.

Когда обменный курс включен в модель с фиксированными эффектами, чистые активы и взносы остаются значимыми, но обменный курс, по-видимому, не оказывает существенного влияния на рост активов, из результата следует, что включение обменного курса не улучшило модель значительно, со значением p 0,6071 для этой переменной.

Таблица 2.

Модель OSL (Oneway Effect).

Variable	Estimate	Standard Error	t-Value	p-Value
(Intercept)	0.8547	1.038	0.824	0.561
Net_assets	1.3113e-06	4.3136e-07	3.0401	0.02875 *
ROI	-0.03094	0.01339	-2.3103	0.06888 .
Contributions	-1.3549e-06	4.5005e-07	-3.0104	0.02974 *

Примечание:

*Статистическая значимость:

Net_assets статистически значим на уровне 5% (p-значение = 0,02875). Contributions также показывает значимость на уровне 5% (p-значение = 0,02974).

ROI показывает тенденцию к значимости на уровне 10% (p-значение = 0,06888), что предполагает, что это может быть важная переменная, хотя и не совсем статистически значимая на обычном пороговом значении 5%.

Скорректированный коэффициент детерминации модели 0,37154 предполагает умеренное соответствие, а F-статистика (2,58) указывает на то, что модель является погранично значимой, что означает, что может быть возможность для дальнейшего уточнения путем изучения дополнительных переменных или рассмотрения различных спецификаций модели.

Выводы

Результаты регрессионных моделей, примененных к данным пенсионного фонда, указывают на интересные выводы о факторах, влияющих на рост активов двух пенсионных фондов на протяжении многих лет. Ниже представлены основные выводы из проведенных моделей:

- Чистые активы и взносы являются наиболее последовательными и значимыми драйверами роста активов в моделях, что указывает на их важность в финансовом планировании и управлении активами для пенсионных фондов.
- ROI, хотя часто является ключевым фактором во многих финансовых моделях, не показал последовательной статистической значимости в этом контексте, что предполагает, что его влияние на рост активов может быть более сложным или косвенным.

- Обменный курс не предоставил убедительных доказательств прямой связи с ростом, что может быть связано с такими факторами, как стабильность валюты или более широкая экономическая среда.

Эти результаты показывают, что управляющие пенсионными фондами должны сосредоточиться на увеличении чистых активов и оптимизации взносов, чтобы обеспечить лучший рост активов. Дальнейший анализ с более сложными моделями или дополнительными переменными может улучшить понимание динамики, влияющей на рост активов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Sadka R.* Liquidity risk and the cross-section of hedge-fund returns // *Journal of Financial Economics* 98, 2010. PP. 54–71.
2. *Franzoni F., Nowak E. and Phalippou L.* Private equity performance and liquidity risk // *Journal of Finance* 67, 2012. PP. 2341–2373.
3. *Qian W and Liu P.* Does (and what) illiquidity matter for real estate prices? Measure and evidence // *SSRN Electronic Journal*, 2012. DOI: 10.2139/ssrn.1988837.
4. *Sharpe W.* Corporate pension funding policy // *Journal of Financial Economics* 3, 1976. PP. 183–193.
5. *Rauh J.* Risk shifting versus risk management: investment policy in corporate pension plans. *Review of Financial Studies* 22, 2009. PP. 2687–2733.
6. *An H., Huang Z. and Zhang T.* What determines corporate pension fund risk-taking strategy? // *Journal of Banking and Finance* 37, 2013. PP. 597–613.
7. *Andonov A., Bauer R. and Cremers M.* Pension fund asset allocation and liability discount rates. *Review of Financial Studies* 30, 2017. PP. 2555–2595.
8. *Jacobs H., Müller S. and Weber M.* How should individual investors diversify? An empirical evaluation of alternative asset allocation policies // *Journal of Financial Markets* 19, 2014. PP. 62–85.
9. *Hoevenaars R., Molenaar R., Schotman P. and Steenkamp T.* Strategic asset allocation with liabilities: beyond stocks and bonds // *Journal of Economic Dynamics and Control* 32, 2008. PP. 2939–2970.
10. *Attig N., Cleary S., El Ghouli S. and Guedhami O.* Institutional investment horizon and investment cash flow sensitivity // *Journal of Banking & Finance* 36, 2012. PP. 1164–1180.

11. *Campbell J. and Viceira L.* Strategic Asset Allocation: Portfolio Choice for Long-Term Investors, Oxford University Press, 2002.
12. *Asness C.S., Moskowitz T.J., and Pedersen L.H.* Value and Momentum Everywhere // *Journal of Finance*, 68, 2013. PP. 929–985.
13. *Frazzini A. and Pedersen L.H.* Betting Against Beta // *Journal of Financial Economics*, 111, 2014. PP. 1–25.
14. *Maggiori M., Neiman B. and Schreger J.* International Currencies and Capital Allocation // *Journal of Political Economy*, 128, 2020. PP. 2019–2066.
15. *Koijen, R.S., Moskowitz T.J., Pedersen L.H. and Vrugt E.B.* Carry // *Journal of Financial Economics*, 127, 2018. PP. 197–225.
16. *Black F.* (1980). The Tax Consequences of Long Run Pension Policy // *Financial Analysts Journal* 36 (4, July-August): 21–28. DOI:10.2469/faj.v36.n4.21
17. *Tepper I.* Taxation and Corporate Pension Policy // *Journal of Finance* 36 (1): PP. 1–13. DOI:10.1111/j.1540- 6261. 1981.tb03530.x
18. *Sharpe W.* Corporate pension funding policy // *Journal of Financial Economics* 3, 1976. PP. 183–193.
19. *Sutcliffe C.M.S.* Finance and Occupational Pensions. London: Palgrave Macmillan, 2016.
20. *Thomas J.K.* Corporate Taxes and Defined Benefit Pension Plans // *Journal of Accounting and Economics* 10 (3, July), 1988. PP. 199–237. DOI:10.1016/0165-4101(88) 90003-1.
21. *Frank M.M.* The Impact of Taxes on Corporate Defined Plan Asset Allocation // *Journal of Accounting Research* 40 (4, September), 2002. PP. 1163–1190. DOI:10.1111/1475- 679X.00085.
22. *Bartram S.M.* In Good Times and in Bad: Defined Benefit Pensions and Corporate Financial Policy // *Journal of Corporate Finance* 48 (February), 2018. PP. 331–351. DOI:10.1016/j. jcorpfin.2017.10.015.
23. Официальный сайт ЦБ Республики Армения. URL: <https://www.cba.am/>
24. Там же.
25. Там же.

REFERENCES

1. *Sadka R.* Liquidity risk and the cross-section of hedge-fund returns // *Journal of Financial Economics* 98, 2010. PP. 54–71.
2. *Franzoni F., Nowak E. and Phalippou L.* Private equity performance and liquidity risk // *Journal of Finance* 67, 2012. PP. 2341–2373.
3. *Qian W and Liu P.* Does (and what) illiquidity matter for real estate prices? Measure and evidence // *SSRN Electronic Journal*, 2012. DOI: 10.2139/ssrn.1988837.

4. *Sharpe W.* Corporate pension funding policy // *Journal of Financial Economics* 3, 1976. PP. 183–193.
5. *Rauh J.* Risk shifting versus risk management: investment policy in corporate pension plans. *Review of Financial Studies* 22, 2009. PP. 2687–2733.
6. *An H., Huang Z. and Zhang T.* What determines corporate pension fund risk-taking strategy? // *Journal of Banking and Finance* 37, 2013. PP. 597–613.
7. *Andonov A., Bauer R. and Cremers M.* Pension fund asset allocation and liability discount rates. *Review of Financial Studies* 30, 2017. PP. 2555–2595.
8. *Jacobs H., Müller S. and Weber M.* How should individual investors diversify? An empirical evaluation of alternative asset allocation policies // *Journal of Financial Markets* 19, 2014. PP. 62–85.
9. *Hoevenaars R., Molenaar R., Schotman P. and Steenkamp T.* Strategic asset allocation with liabilities: beyond stocks and bonds // *Journal of Economic Dynamics and Control* 32, 2008. PP. 2939–2970.
10. *Attig N., Cleary S., El Ghouli S. and Guedhami O.* Institutional investment horizon and investment cash flow sensitivity // *Journal of Banking & Finance* 36, 2012. PP. 1164–1180.
11. *Campbell J. and Viceira L.* *Strategic Asset Allocation: Portfolio Choice for Long-Term Investors*, Oxford University Press, 2002.
12. *Asness C.S., Moskowitz T.J., and Pedersen L.H.* Value and Momentum Everywhere // *Journal of Finance*, 68, 2013. PP. 929–985.
13. *Frazzini A. and Pedersen L.H.* Betting Against Beta // *Journal of Financial Economics*, 111, 2014. PP. 1–25.
14. *Maggiori M., Neiman B. and Schreger J.* International Currencies and Capital Allocation // *Journal of Political Economy*, 128, 2020. PP. 2019–2066.
15. *Koijen, R.S., Moskowitz T.J., Pedersen L.H. and Vrugt E.B.* Carry // *Journal of Financial Economics*, 127, 2018. PP. 197–225.
16. *Black F.* (1980). The Tax Consequences of Long Run Pension Policy // *Financial Analysts Journal* 36 (4, July-August): 21–28. DOI:10.2469/faj.v36.n4.21
17. *Tepper I.* Taxation and Corporate Pension Policy // *Journal of Finance* 36 (1): PP. 1–13. DOI:10.1111/j.1540- 6261. 1981.tb03530.x
18. *Sharpe W.* Corporate pension funding policy // *Journal of Financial Economics* 3, 1976. PP. 183–193.
19. *Sutcliffe C.M.S.* *Finance and Occupational Pensions*. London: Palgrave Macmillan, 2016.
20. *Thomas J.K.* Corporate Taxes and Defined Benefit Pension Plans // *Journal of Accounting and Economics* 10 (3, July), 1988. PP. 199–237. DOI:10.1016/0165-4101(88) 90003-1.

21. *Frank M.M.* The Impact of Taxes on Corporate Defined Plan Asset Allocation // Journal of Accounting Research 40 (4, September), 2002. PP. 1163–1190. DOI:10.1111/1475- 679X.00085.
22. *Bartram S.M.* In Good Times and in Bad: Defined Benefit Pensions and Corporate Financial Policy // Journal of Corporate Finance 48 (February), 2018. PP. 331–351. DOI:10.1016/j.jcorpfin.2017.10.015.
23. Official site of Central Bank of Republic of Armenia. URL: <https://www.cba.am/>
24. Ibid.
25. Ibid.

ANALYSIS AND VALUATION OF ASSETS OF PENSION FUNDS OF THE REPUBLIC OF ARMENIA

M. Voskanyan, D. Petrosyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

As is known, pension funds, by their nature, carry several strategic tasks: they form long-term money, solve the social problem of providing for the population of retirement age, stimulate the development of capital markets and, in general, have a positive effect on the development of the financial system in the country. At the same time, an important issue is the reliability of pension fund assets and the predictability of risks that may be included in investments by pension funds. In this regard, given Armenia's transition to a funded pension system and the accumulation of a fairly large amount of capital in pension funds, the analysis and assessment of the assets of these funds is relevant, including in the context of the high level of volatility of global and regional stock markets.

Keywords: pension funds, asset analysis, asset valuation, investment strategies.

Приложение 1.

Entity ID	Year	Net assets	ROI	Contributions	GDP	Exchange rate	Growth in Assets
C-QUADRAT A.M	2023	2959989	47,4977882	1674347	9550140000	394	0,373979977
C-QUADRAT A.M	2022	2123630	34,7620038	1201760	7234212000	392,35	0,157638255
C-QUADRAT A.M	2021	1952508	40,5172334	1000621	6736171300	503,77	0,245968268
C-QUADRAT A.M	2020	1568863	37,4301391	581266	6048742800	489,01	0,19080492
C-QUADRAT A.M	2019	1297346	27,0324093	351254	6439639400	480,45	0,651784042
C-QUADRAT A.M	2018	865819	20,9803307	214657	5832694300	482,99	0,367624333
C-QUADRAT A.M	2017	663059	21,6032593	141468	5612521600	482,72	0,306896341
C-QUADRAT A.M	2016	510400	10,6222039	15140	5242760000	480,49	0,138591803
AMUNDI-ACBA A.M	2023	3627956	52,7031281	2084185	9550140000	394	0,26274637
AMUNDI-ACBA A.M	2022	2780049	40,7546045	1641975	7234212000	392,35	0,188979675
AMUNDI-ACBA A.M	2021	2489391	41,827802	1215058	6736171300	503,77	0,240646068
AMUNDI-ACBA A.M	2020	2005975	38,4102958	830036	6048742800	489,01	0,350460712
AMUNDI-ACBA A.M	2019	1518909	32,314686	481941	6439639400	480,45	0,300416372

DOI 10.24412/1829-0450-2025-1-90-105
УДК 339.9:061.1ЕАЭС/061.1ЕС

Поступила: 04.03.2025г.
Сдана на рецензию: 07.03.2025г.
Подписана к печати: 13.04.2025г.

ПРЕИМУЩЕСТВА И ВЫЗОВЫ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЫБОРА АРМЕНИИ. ДВА ВЕКТОРА ИНТЕГРАЦИИ

А.В. Донченко

*Российско-Армянский (Славянский) университет
anna.donchenko@hotmail.com
ORCID: 0009-0006-5815-9024*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается стратегия внешнеэкономического развития Армении в контексте выбора между интеграцией в Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и Европейский союз (ЕС). Проведен сравнительный анализ торгово-экономических показателей, включая ВВП, товарооборот, отраслевую структуру, экспортные приоритеты, а также нормативно-правовую базу. Особое внимание уделено роли России как ключевого экономического партнера Армении, преимуществам и вызовам евразийской интеграции. На основе анализа тенденций 2023–2024гг. и долгосрочных прогнозов до 2030 года предложены возможные сценарии внешнеэкономического выбора страны.

Ключевые слова: Армения, ЕАЭС, ЕС, внешнеэкономическая политика, интеграция, товарооборот, Россия, евразийская интеграция, экспорт.

Введение

Двусторонний товарооборот России и Армении в 2024 году уже никого не удивляет – хотя на самом деле таких показателей не наблюдалось за всю историю торгово-экономического сотрудничества меж-

ду двумя странами. 12 млрд. \$ США – цифра, больше напоминающая показатель ВВП по номиналу у целого государства. Для сравнения: по оценке МВФ за 2023 год, Германия находилась на третьем месте с ВВП в размере 4457,4 млрд. \$ США, Франция – на седьмом (3031,8 млрд. \$ США), а Россия замыкала первую десятку, занимая 11-е место с показателем 1997,0 млрд. \$ США [1]. В Армении, к слову, этот показатель составил 23,5 млрд. \$ США в том же году [2].

Показатели экономического роста, безусловно, подлежат регулярной корректировке, однако существует понятие устойчивого тренда, который нельзя игнорировать. Тренд, например, на экономический рост. Соответственно, если ВВП растет, то это свидетельствует об общем росте экономики. В данном случае речь идет об интенсивном росте, который предполагает не просто количественные изменения, а качественные улучшения – модернизацию производственных мощностей, оптимизацию процессов, повышение эффективности и внедрение передовых технологий при производстве товаров и услуг [3],[4].

Стоит отметить, что индекс экономической активности в Армении в 2024 году достиг 8%, что демонстрирует реальный рост производства товаров и оказания услуг в стране [5]. При этом промышленность в структуре ВВП заняла 16,2%, что является стратегически важным показателем с точки зрения отраслевых приоритетов в контексте индустриальной кооперации [6].

2023 год стал для России временем переосмысления внешнеторговой парадигмы. Именно тогда четко проявились тренды, указывающие на необходимость углубления кооперации со странами ЕАЭС. Вопросы промышленной интеграции, энергетической безопасности, расширения экспортного потенциала не только сохраняют актуальность, но и стали основой внешнеэкономической стратегии [7],[8].

Россия по-прежнему является ключевым торгово-экономическим партнером Армении, которая, в свою очередь, выступает очевидным бенефициаром участия в ЕАЭС [9]. Торговля с Европейским союзом, напротив, демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению и остается значительно ниже по объемам [10]. Это объясняется не только экономическими причинами, но и различиями в интеграционных

моделях: ЕАЭС и ЕС функционируют на принципиально разных основах, в том числе по правовым и институциональным механизмам, и формируют зоны свободной торговли, опираясь на противоположные подходы [11].

До начала официального рассмотрения заявки Армении на вступление в ЕС (а Евросоюз лишь пообещал проанализировать соответствующий законопроект, одобренный армянским правительством), Правительству Республики Армения и европейским партнерам предстоит проделать титаническую работу по формированию «дорожной карты» и сопряжению шагов на ближайшую перспективу [12]. Пока эти инициативы не столь очевидны на фоне мощного евразийского трека – с его режимом свободного перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, который, согласно планам, должен быть полностью обеспечен к 2030 году [13]. К этому же сроку в ЕС ожидается завершение всех этапов на пути к т.н. «полной евроинтеграции» [14].

Что касается ЕАЭС, то единые правила функционирования внутреннего рынка действительно предполагают наличие определенных ограничений и изъятий [15]. Однако и те, и другие являются естественными и временными рамками интеграционного процесса. Основной акцент делается на согласование нетарифных мер и законодательное урегулирование, в том числе в таких сферах, как техническое регулирование и стандартизация [16].

Структурные макроэкономические дисбалансы, которые могли бы оказаться сдерживающим фактором, не проявляют себя столь резко в Армении, где в полной мере реализуется эффект масштаба [17]. Дополнительным бонусом евразийской интеграции стала ставка на обрабатывающую промышленность, которая в 2024 году выросла более чем на 20%, в основном за счет переработки золота, экспортируемого затем для ювелирной отрасли в другие страны [18],[19].

Более того, несмотря на относительно низкие темпы производства, Армения в 2024 году заняла первое место среди государств-членов ЕАЭС по объему промышленности – 13,7%, что подтверждает высокий потенциал этой отрасли [20].

Наконец, своевременная унификация и гармонизация ключевых норм и правил промышленной политики на пространстве ЕАЭС способны не только укрепить внутреннее доверие внутри союза, но и превратить ЕАЭС в доминирующий региональный хаб, устойчивый к внешним шокам и способный конкурировать с крупнейшими торгово-экономическими группировками в условиях нарастающей геополитической турбулентности [21],[22].

Как подчеркивают И.А. Назаров и С.Н. Крутиков, углубление евразийской интеграции сопровождается переходом от формальных структур к прикладному характеру взаимодействия, ориентированному на реальные экономические эффекты [23],[24].

Целью настоящего исследования является определение наиболее перспективной внешнеэкономической траектории развития Армении в условиях конкурентных интеграционных моделей – ЕАЭС и ЕС.

В рамках поставленной цели решаются следующие задачи:

1. Проанализировать динамику двусторонней торговли Армении с ЕАЭС и ЕС;
2. Сравнить институциональные особенности и торговые режимы ЕАЭС и ЕС;
3. Сформулировать сценарии развития внешнеэкономической стратегии Армении до 2030 года.

Объектом исследования выступает внешнеэкономическая политика Республики Армения, предметом – институциональные и экономические параметры участия страны в ЕАЭС и взаимодействия с ЕС.

Научная новизна работы заключается в комплексной оценке интеграционных альтернатив и выдвижении концепции двойной интеграции как наиболее адаптивной модели для малой экономики в условиях глобальных геоэкономических вызовов. Предлагаемый подход учитывает необходимость соблюдения баланса между углубленной кооперацией с ЕАЭС и сохранением выгодного режима расширенного партнерства с ЕС.

Методологическая основа исследования включает сравнительный институциональный анализ, сценарное прогнозирование, а также

количественные и экспертные методы обработки торговых и макроэкономических данных за 2019–2024 годы. Методы сравнительного анализа применялись при сопоставлении условий членства в ЕАЭС и ЕС; сценарное прогнозирование – при формировании направлений до 2030 года; количественные методы использованы в анализе ВВП, экспорта, индекса промышленного роста

1. Динамика двустороннего товарооборота России и Армении в 2023–2024гг.

Как было отмечено ранее, в 2024 году товарооборот между Российской Федерацией и Республикой Армения превысил отметку в 12 млрд. \$ США. Для сравнения, в 2019 году этот показатель составлял около 2,4 млрд. \$ США. За пять лет объем двусторонней торговли вырос в пять раз. В структуре экспорта из России в Армению основную долю занимают топливно-энергетические товары, машины и оборудование, продовольствие. Импорт из Армении в Россию представлен преимущественно продовольственными товарами (фрукты, алкогольная продукция), а также ювелирной продукцией.

2. Влияние членства Армении в ЕАЭС на экономику страны

С момента присоединения к ЕАЭС в 2015 году Армения получила стабильный доступ к российскому рынку, снижение тарифных и нетарифных барьеров, унификацию правил сертификации. Более 29% экспорта Армении на 2024 год направлялось в Россию. В условиях общего санкционного давления Армения стала важным транзитным и логистическим узлом. Рост ВВП Армении в 2023 году составил 12,6%, а индекс экономической активности – 8% в 2024 году.

3. ЕС как альтернатива на внешнеэкономическом контуре

Несмотря на содействие в реализации и внедрение соответствующих краткосрочных программ, предлагаемых различными европей-

скими институтами, объем торговли Армении с Евросоюзом существенно уступает евразийскому в абсолютных показателях. В 2023 году товарооборот с ЕС составил менее 3,5 млрд. долларов США. Процесс евроинтеграции Армении не имеет четких временных горизонтов, а европейская нормативная правовая база требует долгосрочной и вдумчивой гармонизации законодательства, в том числе в таких чувствительных сферах, как энергетика, транспорт, финансы и цифровая экономика.

4. Сравнительный анализ условий членства в ЕАЭС и ЕС

При компаративном экономическом анализе нюансов членства Армении в ЕАЭС и ЕС на первый план выступают принципиальные различия между двумя интеграционными группировками по институциональной архитектуре, по скорости и реакции принятия решений, по глубине нормативной адаптации, а также непосредственно по характеру экономических стимулов.

Основанный на принципах суверенного равноправия, поэтапного согласования интересов и унификации технических, таможенных и иных правовых норм Евразийский союз предлагает более гибкую модель экономической интеграции. Членство в ЕАЭС требует меньших институциональных затрат – гармонизация регулирующих норм происходит лишь в определенных сферах, преимущественно в области техрегулирования, разработке фитосанитарных стандартов, принятия решений в части миграционной политики и промышленной кооперации. Доступ к российскому энергетическому рынку на преференциальных условиях, а также к системе межбанковских расчетов и субсидируемых поставок (газ, электричество, нефть) делает участие в Союзе максимально выгодным как в краткосрочной, так и в среднесрочной перспективе [25],[26],[27].

Кроме того, ЕАЭС ориентирован на развитие совместных производственных цепочек и технологической локализации, что особенно актуально для Армении, заинтересованной в восстановлении и модер-

низации обрабатывающей промышленности. Механизмы «индустриального субконтракта», обсуждаемые на уровне Союза, могут стать основой для углубления армяно-российской кооперации в машиностроении, микроэлектронике, легкой промышленности и продовольственном секторе [28],[29].

Основанный на принципах суверенного равноправия, поэтапного согласования интересов и унификации технических, таможенных и иных правовых норм Евразийский союз предлагает более гибкую модель экономической интеграции. Это соответствует концепции евразийской интеграции, многократно поддерживаемой на высшем уровне руководством России.

В то же время интеграция в ЕС предполагает более жесткие требования. Речь идет, прежде всего, о полномасштабной трансформации институциональной среды.

ЕС предоставляет доступ к грантам, инвестициям и кредитным механизмам, таким как *EU4Business*, *Twinning*, *Horizon Europe*, к Европейскому инвестиционному банку. Указанные инструменты могут быть востребованы для Армении в сфере науки, образования, цифровизации и зеленой энергетики, но потребуют серьезных административных и кадровых ресурсов [30],[31],[32].

С учетом текущих экономических интересов Армении, специфики логистической географии, экспортной структуры и промышленных интересов, членство в ЕАЭС на данном этапе выглядит более прозрачным и эффективным вариантом. Необходимым важным шагом в рамках углубления евразийской интеграции представляется акцентирование на обрабатывающую промышленность, реэкспорт и усиление энергетической безопасности.

5. Специфика по отраслям: преимущества и вызовы

Анализ отраслевой структуры экономики Республики Армения в контексте внешнеэкономического взаимодействия с ЕАЭС и ЕС демонстрирует ряд стратегических особенностей. В 2024 году промышленность составила 16,2% от валового внутреннего продукта, причем

более 20% от этого объема пришлось на обрабатывающее производство. Существенную роль сыграли переработка золота и драгоценных металлов, поставляемых в рамках контрактов на экспорт ювелирной продукции, а также реализация логистических и сборочных проектов на реэкспортной основе.

Тем не менее, сохраняются фундаментальные ограничения, препятствующие устойчивому отраслевому росту. Во-первых, внутренний рынок Армении остается слабо диверсифицированным и ограниченным по объему потребления, что делает экономику зависимой от экспортных каналов. Во-вторых, сохраняется отток квалифицированных трудовых ресурсов, особенно в инженерных и ИТ-отраслях. Это снижает потенциал технологической модернизации и внедрения сложных производств с высокой добавленной стоимостью.

В рамках сравнительного институционального анализа следует отметить, что участие Армении в ЕАЭС облегчает развитие производственных цепочек и технологической кооперации за счет унификации стандартов, гармонизированных требований к сертификации и доступа к рынкам стран-участниц. Например, в 2023–2024гг. наблюдалось увеличение доли машиностроительной продукции в структуре армянского экспорта в Россию.

В то же время экспорт в ЕС, несмотря на более высокий средний уровень цен, характеризуется узким отраслевым фокусом: винодельческая, сельскохозяйственная и пищевая продукция составляют до 70% армянских поставок на европейский рынок. Жесткие технические регламенты и требования к происхождению продукции затрудняют развитие промышленного экспорта в ЕС, особенно в сегментах машиностроения и электроники. Следовательно, в среднесрочной перспективе участие в ЕАЭС предоставляет Армении более благоприятную институциональную платформу для развития индустриального потенциала.

Однако для реализации сценария устойчивого роста в промышленной сфере необходимо устранение внутренних ограничений. Это включает в себя: развитие отраслевой науки и технологических парков, укрепление профессионального образования, стимулирование

вложений в НИОКР, поддержку экспортно-ориентированных кластеров, а также налоговые и инфраструктурные меры, повышающие инвестиционную привлекательность обрабатывающих производств.

Таким образом, отраслевой анализ подтверждает вывод о том, что институциональная среда ЕАЭС в текущих условиях оказывает более стимулирующее воздействие на промышленный сектор Армении.

6. Перспективы к 2030 году: сценарии развития

Согласно экспертным оценкам в области евразийской интеграции и трансграничного сотрудничества, к 2030 году Республика Армения может реализовать стратегию сбалансированной многовекторной интеграции, сочетающую участие в институтах Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с сохранением и углублением секторального взаимодействия с Европейским союзом (ЕС). Такая модель двойной интеграции способна обеспечить устойчивое экономическое развитие в условиях глобальной геоэкономической фрагментации и конкуренции интеграционных платформ. Однако, несмотря на все преимущества многостороннего подхода, не исключено, что Правительству Армении в ближайшие годы все же придется сделать выбор – в пользу одного из направлений интеграции, поскольку принятие обязательств в статусе полноправного государства-члена союза на одном треке закономерно ограничивает гибкость участия в другом формате.

Перспективность модели сопряжения обусловлена рядом факторов. Во-первых, по мере завершения формирования цифрового и институционального единого рынка ЕАЭС, Армения получает возможность выступать не только в роли потребителя, но и поставщика логистических, информационных и промышленных решений на всем евразийском пространстве. При этом появляется возможность создания цифрового транзитного узла между государствами-членами ЕАЭС и внешними партнерами.

Во-вторых, развитие промышленной кооперации ЕАЭС представляет собой важнейшее направление индустриальной политики до 2030 года. Предполагается, что в рамках стратегии «индустриального

субконтракта» Армения может стать производственным субподрядчиком в таких отраслях, как машиностроение, микроэлектроника, пищевая промышленность, текстиль и фармацевтика. Дальнейшая локализация производств и трансфер технологий при поддержке межгосударственных субсидий, фондов развития и механизмов гарантирования экспорта будут способствовать созданию рабочих мест и развитию компетенций.

С другой стороны, сохранение и развитие отраслевого сотрудничества с ЕС позволит Армении сохранять доступ к наукоемким технологиям, образовательной и энергетической трансформации. Однако, попытка сопряжения интеграционных объединений влечет за собой нормативно-правовой конфликт. В данном случае речь может идти о технических регламентах, таможенном и цифровом регулировании. Вероятно, уже в среднесрочной перспективе перед правительством Армении встанет вопрос транслирования конкретной позиции в части вектора стратегического развития на евразийском и европейском направлениях.

Дополнительно следует отметить большой потенциал гуманитарного сотрудничества в рамках членства в ЕАЭС: образование, научные обмены, цифровые платформы и проекты в сфере культуры укрепляют стабильность интеграционного курса. Этот аспект неоднократно подчеркивался на высшем уровне и рассматривается как неотъемлемый элемент евразийской идентичности и устойчивого развития [33].

Таким образом, к 2030 году на правительственном уровне в Армении предстоит принять стратегически обоснованное решение: сохранение институционального равновесия или формирование устойчивой, независимой модели интеграционного позиционирования. Одобрение окончательного вектора, скорее всего, будет определяться не только международной конъюнктурой, но и качеством национальных институтов, способных выстраивать грамотную сопряженную внешнеэкономическую архитектуру, учитывающую интересы обеих интеграционных платформ.

Выводы

На основе проведенного комплексного анализа торгово-экономических отношений и возможностей промышленной кооперации России и Армении, институциональной базы и альтернатив интеграционных стратегий, можно сформулировать следующие выводы, обладающие одновременно теоретико-методологической и прикладной значимостью:

1. Современная Армения демонстрирует устойчивую положительную динамику макроэкономических показателей, включая рост ВВП, увеличение промышленного производства и резкое расширение внешнеторгового оборота с Российской Федерацией. Товарооборот между странами в 2024 году достиг рекордных **12 млрд. долларов США**, что указывает на качественное усиление кооперационных связей в рамках ЕАЭС.

2. Институциональные преимущества участия Армении в Евразийском экономическом союзе реализуются в виде упрощенного порядка доступа к рынку, соответствующих льгот в области энергетики и логистики, унификации технических и правовых норм, а также возможности формирования устойчивых производственных цепочек. Это дает основания рассматривать ЕАЭС как стратегически важную платформу для индустриального и инфраструктурного развития республики.

3. Интеграционная повестка Европейского союза, несмотря на привлекательность с точки зрения долгосрочных реформ и доступа к финансово-технологическим ресурсам, сопровождается высокой институциональной и нормативной нагрузкой. От Армении потребуются значительные усилия по гармонизации законодательства с так называемым *acquis communautaire* («достояние сообщества», совокупность законов, правовых актов и судебных решений, составляющих основу права Европейского Союза с 1993 года), а также реформирование управленческих и регуляторных институтов.

4. Проведенный **сравнительный анализ форматов участия в ЕАЭС и ЕС** показывает, что евразийская модель является более сопряженной с актуальным промышленным и логистическим потенциалом Армении, особенно в части развития обрабатывающей промышленности, экспортных операций и участия в субрегиональных производственных кластерах.

5. Анализ сценариев развития до 2030 года указывает на высокую вероятность **успешной реализации модели двойной интеграции**, при которой Армения сохраняет полноправное участие в институтах ЕАЭС при одновременном расширении отраслевого и научно-образовательного сотрудничества с ЕС.

6. В условиях усиливающейся геоэкономической раздробленности и усиления влияния и роли региональных блоков, **роль Армении как транзитного, производственного и технологического хаба в рамках ЕАЭС** способна не только повысить ее макроэкономическую устойчивость, но и создать предпосылки для экономического роста нового качества – основанного на принципах масштаба, технологического суверенитета и институционального доверия.

7. Результаты исследования могут быть использованы при формировании внешнеэкономических программ Армении, подготовке национальной стратегии цифровой промышленной кооперации, а также в аналитических материалах для органов ЕАЭС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аналитический доклад Департамент статистики «Об основных социально-экономических показателях ЕАЭС за январь-декабрь 2023 года» // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/analytics/indicators2023_12.pdf
2. ВВП Армении. URL: <https://www.sularu.com/vvp/ARM?ysclid=lif-bhg9rhy735354643>
3. Армения в Евразийском экономическом союзе: итоги и перспективы / Под ред. А.В. Пономарева. М.: ЕАБР, 2023.
4. *Арутюнян А.В.* Армянская экономика на перекрестке интеграционных процессов. Ер.: НАН РА, 2022.

5. Аналитический доклад Департамент статистики «Об основных социально-экономических показателях ЕАЭС за январь-декабрь 2023 года» // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/analytics/indicators2023_12.pdf
6. World Economic Forum. Global Competitiveness Report 2023. URL: <https://www.weforum.org/publications/annual-report-2023-2024/digest/>
7. Торгово-промышленная палата Армении. Анализ внешнеэкономической активности. Ер., 2024. URL: <https://armstat.am/ru/?id=2659&nid=82>
8. Стратегия развития промышленности Республики Армения до 2030 года. URL: <https://www.president.am/ru/press-release/item/2018/04/04/President-Serzh-Sargsyan-held-a-consultation-on-the-development-strategy-until-2030/>
9. Армения в Евразийском экономическом союзе: итоги и перспективы / Под ред. А.В. Пономарева. М.: ЕАБР, 2023.
10. Информационный бюллетень ЕАЭС №3 (105), март 2024.
11. World Bank. Armenia Economic Update, 2024.
12. Информационный бюллетень ЕАЭС №3 (105), март 2024.
13. Аналитический доклад Департамент статистики «Об основных социально-экономических показателях ЕАЭС за январь-декабрь 2023 года» // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/analytics/indicators2023_12.pdf
14. Информационный бюллетень ЕАЭС №3 (105), март 2024.
15. World Bank. Armenia Economic Update, 2024.
16. Стратегия развития промышленности Республики Армения до 2030 года. URL: <https://www.president.am/ru/press-release/item/2018/04/04/President-Serzh-Sargsyan-held-a-consultation-on-the-development-strategy-until-2030/>
17. ВВП Армении. URL: <https://www.sularu.com/vvp/ARM?ysclid=lif-bhg9rhy735354643>
18. World Bank. Doing Business 2020: Comparing Business Regulation in 190 Economies. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/688761571934946384/pdf/Doing-Business-2020-Comparing-Business-Regulation-in-190-Economies.pdf>
19. Heritage Foundation. Index of Economic Freedom 2024. URL: <https://www.heritage.org/index/>
20. World Economic Forum. Global Competitiveness Report 2023. URL: <https://www.weforum.org/publications/annual-report-2023-2024/digest/>
21. Торгово-промышленная палата Армении. Анализ внешнеэкономической активности. Ер., 2024. URL: <https://armstat.am/ru/?id=2659&nid=82>
22. Стратегия развития промышленности Республики Армения до 2030 года. URL: <https://www.president.am/ru/press-release/item/2018/04/04/President-Serzh-Sargsyan-held-a-consultation-on-the-development-strategy-until-2030/>

23. Назаров И.А. ЕАЭС и ЕС: структурный анализ различий. СПб.: Институт Европы РАН, 2023.
24. Крутиков С.Н. Механизмы промышленной кооперации в рамках ЕАЭС. М.: МГИМО, 2022.
25. Армения в Евразийском экономическом союзе: итоги и перспективы / Под ред. А.В. Пономарева. М.: ЕАБР, 2023.
26. Аналитический доклад Департамент статистики «Об основных социально-экономических показателях ЕАЭС за январь-декабрь 2023 года» // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/analytics/indicators2023_12.pdf
27. Торгово-промышленная палата Армении. Анализ внешнеэкономической активности. Ер., 2024. URL: <https://armstat.am/ru/?id=2659&nid=82>
28. Арутюнян А.В. Армянская экономика на перекрестке интеграционных процессов. Ер.: НАН РА, 2022.
29. Стратегия развития промышленности Республики Армения до 2030 года. URL: <https://www.president.am/ru/press-release/item/2018/04/04/President-Serzh-Sargsyan-held-a-consultation-on-the-development-strategy-until-2030/>
30. Информационный бюллетень ЕАЭС №3 (105), март 2024.
31. Европейская комиссия. Доклад по соседству и расширению. Армения, 2024.
32. Heritage Foundation. Index of Economic Freedom 2024. URL: <https://www.heritage.org/index/>
33. Путин В.В. Обращение к главам государств – членов Евразийского экономического союза. URL: <https://e-cis.info/news/566/106300/>

REFERENCES

1. Analytical report of the Department of Statistics “On the main socio-economic indicators of the EAEU for January-December 2023” // Eurasian Economic Commission. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/analytics/indicators2023_12.pdf
2. GDP of Armenia. URL: <https://www.sularu.com/vvp/ARM?ysclid=lif-bhg9rhy735354643>
3. Armenia in the Eurasian Economic Union: results and prospects / Ed. A.V. Ponomarev. M.: EDB, 2023.
4. Harutyunyan A.V. Armenian economy at the crossroads of integration processes. Yerevan: NAS RA, 2022.
5. Analytical report of the Department of Statistics “On the main socio-economic indicators of the EAEU for January-December 2023” // Eurasian Economic Commission. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/analytics/indicators2023_12.pdf

6. World Economic Forum. Global Competitiveness Report 2023. URL: <https://www.weforum.org/publications/annual-report-2023-2024/digest/>
7. Chamber of Commerce and Industry of Armenia. Analysis of foreign economic activity. Yerevan, 2024. URL: <https://armstat.am/ru/?id=2659&nid=82>
8. Strategy for the Development of Industry of the Republic of Armenia until 2030. URL: <https://www.president.am/ru/press-release/item/2018/04/04/President-Serzh-Sargsyan-held-a-consultation-on-the-development-strategy-until-2030/>
9. Armenia in the Eurasian Economic Union: results and prospects / Ed. A.V. Ponomarev. M.: EDB, 2023.
10. EAEU Information Bulletin No. 3 (105), March 2024.
11. World Bank. Armenia Economic Update, 2024.
12. EAEU Information Bulletin No. 3 (105), March 2024.
13. Analytical report of the Department of Statistics “On the main socio-economic indicators of the EAEU for January-December 2023” // Eurasian Economic Commission. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/analytics/indicators2023_12.pdf
14. EAEU Information Bulletin No. 3 (105), March 2024.
15. World Bank. Armenia Economic Update, 2024.
16. Strategy for the Development of Industry of the Republic of Armenia until 2030. URL: <https://www.president.am/ru/press-release/item/2018/04/04/President-Serzh-Sargsyan-held-a-consultation-on-the-development-strategy-until-2030/>
17. GDP of Armenia. URL: <https://www.sularu.com/vvp/ARM?ysclid=lif-bhg9rhy735354643>
18. World Bank. Doing Business 2020: Comparing Business Regulation in 190 Economies. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/688761571934946384/pdf/Doing-Business-2020-Comparing-Business-Regulation-in-190-Economies.pdf>
19. Heritage Foundation. Index of Economic Freedom 2024. URL: <https://www.heritage.org/index/>
20. World Economic Forum. Global Competitiveness Report 2023. URL: <https://www.weforum.org/publications/annual-report-2023-2024/digest/>
21. Chamber of Commerce and Industry of Armenia. Analysis of foreign economic activity. Yerevan, 2024. URL: <https://armstat.am/ru/?id=2659&nid=82>
22. Strategy for the Development of Industry of the Republic of Armenia until 2030. URL: <https://www.president.am/ru/press-release/item/2018/04/04/President-Serzh-Sargsyan-held-a-consultation-on-the-development-strategy-until-2030/>
23. *Nazarov I.* EAEU and EU: structural analysis of differences. St. Petersburg: Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, 2023.
24. *Krutikov S.* Mechanisms of industrial cooperation within the EAEU. M.: MGIMO, 2022.

25. Armenia in the Eurasian Economic Union: results and prospects / Ed. A.V. Ponomarev. M.: EDB, 2023.
26. Analytical report of the Department of Statistics “On the main socio-economic indicators of the EAEU for January-December 2023” // Eurasian Economic Commission. URL: https://eec.eaeunion.org/up-load/files/dep_stat/econstat/analytics/indicators2023_12.pdf
27. Chamber of Commerce and Industry of Armenia. Analysis of foreign economic activity. Yerev, 2024. URL: <https://armstat.am/ru/?id=2659&nid=82>
28. *Harutyunyan A.V.* Armenian economy at the crossroads of integration processes. Yerevan: NAS RA, 2022.
29. Strategy for the Development of Industry of the Republic of Armenia until 2030. URL: <https://www.president.am/ru/press-release/item/2018/04/04/President-Serzh-Sargsyan-held-a-consultation-on-the-development-strategy-until-2030/>
30. EAEU Information Bulletin No. 3 (105), March 2024.
31. European Commission. Neighbourhood and Enlargement Report. Armenia, 2024.
32. Heritage Foundation. Index of Economic Freedom 2024. URL: <https://www.heritage.org/index/>
33. *Putin V.V.* Address to the Heads of State – Members of the Eurasian Economic Union. URL: <https://e-cis.info/news/566/106300/>

ADVANTAGES AND CHALLENGES OF ARMENIA'S FOREIGN ECONOMIC CHOICE. TWO VECTORS OF INTEGRATION.

A. Donchenko

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

This article examines Armenia's external economic development strategy in the context of choosing between integration into the Eurasian Economic Union (EAEU) and the European Union (EU). A comparative analysis of trade and economic indicators is carried out, including GDP, trade turnover, sectoral structure, export priorities, and legal frameworks. Special attention is paid to Russia's role as a key economic partner of Armenia and the advantages and challenges of Eurasian integration. Based on the trends of 2023–2024 and long-term forecasts to 2030, possible scenarios for the country's external economic choice are proposed.

Keywords: Armenia, EAEU, EU, foreign economic policy, integration, trade turnover, Russia, Eurasian integration, export.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

DOI 10.24412/1829-0450-2025-1-106-118
УДК 343.1

Поступила: 01.02.2025г.
Сдана на рецензию: 10.02.2025г.
Подписана к печати: 05.03.2025г.

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

А.Г. Давтян

*Российско-Армянский (Славянский) университет
drdavtyan@yahoo.com
ORCID: 0009-0004-2341-0026*

АННОТАЦИЯ

В данной статье изучается проблема злоупотребления процессуальными правами в гражданской процессуальной теории и в судебной практике РА; автором предлагаются законодательные решения для совершенствования гражданского процессуального законодательства в этой сфере: введение в законодательство понятия гражданской процессуальной ответственности, определения форм злоупотребления процессуальными правами как в отношении лиц, участвующих в деле, так и судом.

Ключевые слова: недопустимость злоупотребления процессуальными правами, гражданская процессуальная ответственность, судебные санкции, гражданское процессуальное законодательство.

Введение

Злоупотребление процессуальными правами в гражданском процессе – одно из современных препятствий на пути справедливого судебного разбирательства и осуществления эффективного правосудия. Решение этой проблемы продолжает оставаться актуальным для правильного функционирования и полноценного осуществления права на судебную защиту. Поэтому совершенствование законодательного регулирования норм, препятствующих и ограничивающих злоупотребление процессуальными правами в гражданском процессе – главная составляющая для максимального использования возможностей своевременного и объективного рассмотрения гражданского дела в компетентном суде.

Научные исследования в этом направлении в зарубежной процессуальной науке проводятся давно [1]. Однако в Армении мы имеем один из тех редких случаев, когда законодатель, опередив процессуальную науку и основываясь на судебной практике – с целью воспрепятствования и ограничения злоупотребления участниками гражданского процесса процессуальными правами, закрепил принцип недопустимости злоупотребления процессуальными правами в главе о принципах в действующем Гражданском процессуальном кодексе РА [2].

Отдельные научные разработки по злоупотреблению правами, которые включают и некоторые идеи о злоупотреблении процессуальными правами в гражданском процессе, появились уже после законодательных новелл в этой сфере [3].

Однако проблема о злоупотреблении процессуальными в гражданском процессе остается малоизученной. Поэтому в современных условиях отсутствия научных разработок в гражданской процессуальной науке возникла необходимость изучения данной проблемы, в результате чего автором настоящей статьи были представлены некоторые аспекты данной проблемы в двух научных изданиях [4, 5].

Основная часть

Исходя из существующих научных представлений и исследований в отечественной и международной гражданской процессуальной

науке, а также судебной практики, злоупотребление процессуальными правами в гражданском процессе, можно определить как процессуальное правонарушение, которое проявляется в двух формах: недобросовестном, а в ряде случаев – в злонамеренном действии участников гражданского процесса, сопровождающегося осуществлением процессуальных прав, ограничивающих или нарушающих возможность реализации процессуальных прав другими лицами, участвующими в деле, а также воспрепятствованием деятельности суда по рассмотрению гражданского дела.

В случае вышеназванных правонарушений законодательством предусматривается гражданская процессуальная ответственность и судебные санкции при них.

Учитывая важность пресечения гражданских процессуальных правонарушений участниками гражданского процесса в современной правосудии Армении, третья кодификация гражданского процессуального законодательства (ГПК РА 2018г., глава 2-ая о принципах) закрепила новый процессуальный принцип – принцип недопустимости злоупотребления процессуальными правами участниками судопроизводства (ст.14 ГПК РА) – с применением соразмерных судебных санкций при нарушении данного принципа (ст.153 ГПК РА).

Принцип недопустимости злоупотребления процессуальными правами в гражданском процессе РА относится к числу отраслевых принципов, наряду с принципами диспозитивности, состязательности, устности судопроизводства.

К числу судебных санкций за злоупотребление процессуальными правами, указанными в гражданском процессуальном законодательстве, относятся: 1) замечание; 2) удаление из зала судебных заседаний; 3) судебный штраф; 4) применение судебной санкции и ходатайство о возбуждении уголовного дела.

Кассационный Суд РА в прецедентном решении «О проблеме злоупотребления участниками судопроизводства процессуальными правами» определил, что добросовестное пользование процессуальными правами предполагает также соблюдение участниками процесса установленных законом требований о своевременном совершении

соответствующих процессуальных действий на определенном этапе судопроизводства [6].

Однако злоупотребление процессуальными правами в гражданском процессе РА может повлечь и другие виды ответственности, например, уголовную ответственность т.е. применение мер не только гражданской процессуальной, но и уголовной ответственности (ст. 503, 504 УК РА от 2021г.) [7].

Уголовная ответственность за злоупотребление процессуальными правами по гражданским делам предусмотрена в отношении лиц, участвующих в гражданском процессе за конкретные деяния, которые являются преступлениями против интересов правосудия (УК РА, гл. 45). Они относятся к двум группам преступлений: 1) отказ от дачи показаний, заключения, мнения или предоставления перевода; 2) дача ложных показаний, ложного заключения или мнения, либо осуществление неправильного перевода.

Так, незаконный отказ свидетеля от дачи показаний, отказ эксперта от дачи заключения, отказ переводчика от осуществления перевода без уважительных причин, в случае наличия предупреждения об уголовной ответственности, наказывается штрафом максимально в десятикратном размере или ограничением свободы максимально на срок один год, или краткосрочным лишением свободы максимально на срок два месяца.

То же деяние, совершенное из корыстных побуждений или в связи с тяжким или особо тяжким преступлениями, наказывается штрафом максимально в двадцатикратном размере, или ограничением свободы максимально на срок два года, или краткосрочным лишением свободы на срок от одного до двух месяцев, или лишением свободы максимально на срок два года.

Лицо не подлежит уголовной ответственности за отказ от дачи показания в отношении самого себя, супруга или близкого родственника, если в разумной мере предполагается, что это впоследствии может быть использовано против него или них (ст. 503 УК РА).

Дача ложного объяснения по гражданскому делу или дача ложного показания, или дача ложного заключения или выражение ложно-

го мнения экспертом, или осуществление неправильного перевода переводчиком по гражданскому делу или производству, или дача свидетелем ложного показания по делу об удостоверении нотариусом факта, имеющего юридическое значение, если это имело существенное значение для разрешения дела или искажает ход дела или производства, наказывается штрафом максимально в двадцатикратном размере, или общественными работами, продолжительностью от восьмидесяти до ста пятидесяти часов, или ограничением свободы максимально на срок два года, или краткосрочным лишением свободы максимально на срок два месяца, или лишением свободы максимально на срок два года.

То же деяние, совершенное: 1) из корыстных побуждений или в связи с тяжким или особо тяжким преступлением, наказывается лишением свободы на срок от двух до пяти лет. Лицо, давшее ложное объяснение, показание или ложное заключение или выразившее ложное мнение, или осуществившее неправильный перевод, освобождается от установленной уголовной ответственности, если оно в ходе досудебного производства или судебного разбирательства до вынесения окончательного решения суда добровольно заявило о данном им ложном показании, объяснении, ложном заключении или выраженном ложном мнении, или неправильном переводе (ст. 504 УК РА).

Основанием гражданской процессуальной ответственности является состав гражданского процессуального правонарушения, включающий нарушение норм ГПК как лицами, участвующими в деле, так и другими участниками гражданского процесса.

Однако процессуальное законодательство не закрепляет формы или виды гражданских процессуальных правонарушений. Исходя из анализа научной литературы и судебной практики, можно определить следующие основные формы процессуальных правонарушений: 1) представление в суд необоснованных исков, 2) действия по намеренному затягиванию судебного процесса, 3) умышленное нарушение правил подсудности, 4) подача в суд безосновательных заявлений или ходатайств о фальсификации доказательств по гражданскому делу, 5) необоснованное обжалование судебных актов.

В отношении субъектного состава правонарушителей следует высказать следующую очень важную и актуальную идею о том, что вопрос о правовых последствиях нарушения принципа злоупотребления процессуальными правами и совершение процессуальных правонарушений самим судом ГПК РА не затрагивает, хотя ее содержание охватывает всех участников гражданского процесса.

Как свидетельствует международный опыт, отраслевые принципы – такие, как состязательность, равноправие, диспозитивность, в том числе и недопустимость злоупотребления процессуальными правами, являются, прежде всего, важными гарантиями защиты от судебного произвола в гражданском процессе [8].

Следовательно, статья 14 ГПК РА должна содержать отдельную норму о правовых последствиях злоупотребления процессуальными правами и самим судом, и об ответственности за злоупотребление им процессуальными правами, процессуальными полномочиями.

Это дополнение необходимо для полного функционирования данного принципа в отношении всех участников и на всех стадиях гражданского судопроизводства, т.к. по смыслу статья не указывает каких-либо ограничений ни в отношении стадий, ни в отношении субъектов, злоупотребляющих процессуальным положением, в том числе и суда.

Поэтому включение в ГПК правовой нормы, закрепляющей формы злоупотребления процессуальными правами судом, с конкретным указанием наступления правовых последствий обжалования процессуальных действий суда, обеспечит полноценное функционирование принципа недопустимости злоупотребления процессуальными правами [9].

Таким образом, важной задачей процессуальной науки и практики видится определение форм или видов злоупотребления процессуальными правами самим судом и их конкретное закрепление в процессуальном законодательстве.

В этом смысле, к числу основных процессуальных форм злоупотребления правами судом следует отнести: 1) действия по намеренному затягиванию судебного процесса, 2) умышленное нарушение

правил подсудности, 4) нарушение сроков рассмотрения и разрешения гражданских дел, 5) необоснованное истребование новых доказательств по гражданскому делу, 6) нарушении судом права лица высказаться или выслушать его в связи с применяемой судебной санкцией, 7) нарушение судом права быть выслушанным в отношении доказательств, представленных в суде.

ГПК РА не предусматривает возможность обжалования действий или бездействия суда при применении санкций в отношении лиц, участвующих в деле, за исключением наложения судебного штрафа, а также при нарушении судом права лица высказаться или выслушать его в связи с применяемой санкцией, что является проблемой и законодательным пробелом.

Поэтому, законодательством должны быть введены нормы об ответственности судьи и возможностей обжалования его процессуальных действий в каждом из применяемых санкций, как мер гражданской процессуальной, а также уголовной ответственности.

Кроме того, в процессуальное законодательство Армении была введена новелла, содержание которой состоит в том, что судебное доказывание должно быть основано только на таких результатах исследования доказательств, относительно которых стороны и другие, участвующие в деле лица, могли ранее высказать либо изложить свое мнение в суде, т.е право быть выслушанным в суде (ст. 63 ГПК). Однако ГПК РА не предусматривает правовых последствий по обжалованию процессуальных действий суда при нарушении права быть выслушанным.

Суд вправе применить указанные санкции к лицу, участвующему в деле, другому лицу, присутствующему на судебном заседании, по основаниям, предусмотренным законом. Судебные санкции и общий порядок их применения, предусматривает ст. 153 ГПК РА.

Однако перед применением судебных санкций, судья при необходимости понятным способом предупреждает о правомочии суда на применение судебной санкции, разъясняет основания и последствия применения судебной санкции. Суд при применении санкции в отно-

шении лица, присутствующего в зале судебных заседаний, при необходимости дает ему возможность высказаться.

Непредставление лицу, участвующему в деле, права на высказывание при применении штрафа или удалении из зала судебных заседаний должно быть мотивировано судом. Если лицо признает противоправность своего деяния и просит прощения у суда, то в отношении указанного лица судебная санкция может не применяться.

Если лицо, подлежащее применению санкции, злоупотребляя правом, использует право на высказывание для продолжения деяния, послужившего основанием для применения судебной санкции, или совершения нового деяния, то судья вправе применить в отношении этого лица более строгую судебную санкцию.

Особенности применения замечания и удаления из зала судебных заседаний предусматривает ст. 154 ГПК РА. Удаление из зала заседаний в отношении лиц, участвующих в судопроизводстве, может применяться не более чем до завершения данного судебного заседания, а в отношении других лиц, присутствующих на судебном заседании, на определенный период или на срок до завершения определенного процессуального действия либо до завершения судебного разбирательства.

Предусмотренные законодательством гражданские процессуальные санкции имеют ограничения в отношении некоторых субъектов гражданского процесса. Так, удаление из зала судебных заседаний не применяется в отношении участвующего в судопроизводстве прокурора, адвоката, участвующего в качестве представителя, свидетеля, эксперта, дающих в данный момент показание, дающего разъяснения специалиста, а также переводчика.

Суд по ходатайству удаленного из зала заседаний лица, участвующего в деле, его представителя вправе восстановить участие удаленного лица в судебном заседании до истечения срока санкции.

Замечание и удаление из зала судебных заседаний применяются на основании принимаемого в данном судебном заседании протокольного определения суда, которое вступает в силу с момента его оглашения.

В случае неисполнения определения суда об удалении из зала заседаний в добровольном порядке, оно исполняется посредством судебных приставов в принудительном порядке.

Особенности применения судебного штрафа предусматривает ст.155 ГПК РА. Судебный штраф применяется в размере максимум 100 000 драмов Республики Армения. Определение суда о применении судебного штрафа вступает в силу с момента его вынесения, и составленный на его основании исполнительный лист направляется на принудительное исполнение, если не исполняется добровольно в течение месяца со дня вступления в силу. Определение исполняется в порядке, установленном Законом Республики Армения «О принудительном исполнении судебных актов» [10]. Определение суда первой инстанции или Апелляционного суда о применении судебного штрафа может быть обжаловано соответственно в Апелляционный или Кассационный суд в семидневный срок с момента его получения. Обжалование приостанавливает исполнение судебного определения.

Если суд сочтет, что участник судопроизводства или другое лицо, присутствующее на судебном заседании, проявило к суду такое отношение или совершило такое деяние, которое влечет уголовную ответственность, то суд применяет в его отношении судебную санкцию и обращается к прокурору с ходатайством о возбуждении уголовного дела.

Одним из направлений совершенствования ГПК РА является включение как в виде отдельных статей, так и дополнений к принципу недопустимости злоупотребления процессуальными правами, правовых норм, закрепляющих: 1) понятие злоупотребления процессуальными правами и его формах, 2) понятие гражданской процессуальной ответственности и применение судебных санкций в каждом конкретном случае правонарушения, 3) возможность обжалования действий судьи при применении всех судебных санкций и нарушении им права быть выслушанным в отношении участников гражданского процесса при применении судебных санкций.

Поэтому выработка понятия злоупотребления процессуальными правами, определение форм ее проявления, понятия гражданской про-

цессуальной ответственности и ее закрепление в гражданском процессуальном законодательстве – одна из последующих задач теории и практики для дальнейшего совершенствования гражданского процессуального законодательства в современных реалиях обеспечения законности правосудия, отсутствие которых следует считать актуальными недостатками ГПК РА.

Заключение

Злоупотребление процессуальными правами – препятствие на пути осуществления правосудия по гражданским делам. Законодательное закрепление принципа недопустимости в гражданском процессуальном законодательстве РА и судебных санкций в случае злоупотребления процессуальными правами стали важными процессуальными гарантиями и правовыми основаниями для ограничения этих процессуальных правонарушений.

Однако формы злоупотребления процессуальными правами в гражданском процессе не имеют правового регулирования. Поэтому, для их полного пресечения, необходимо четкое определение понятия гражданской процессуальной ответственности, ее форм для определения соответствующих судебных санкций при каждом из них, а также указание полного субъектного состава правонарушителей в гражданском процессуальном законодательстве, включение норм о судейской ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Боловнев М.А.* Эффективность противодействия злоупотребления процессуальными правами, Автореф. канд. дисс. Омск, 2018.; *Юдин А.В.* Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. Автореф. канд. дисс. Санкт-Петербург, 2009; *Аболонин В.О.* Злоупотребление правом на иск в гражданском процессе Германии. Автореф. канд. дисс. Екатеринбург, 2008; *Грель Я.В.* Злоупотребление сторон процессуальными правами в гражданском и арбитражном процессе. Автореф. канд.дисс. Новосибирск, 2006.

2. Гражданский процессуальный кодекс РА. Принят 09.02.2018г. Вступил в силу 09.04.2018. URL: <https://www.arlis.am/>
3. *Թորոնտոյի Պ. Իրավունքի չարաշահում*, Եր., 2019: *Դանիելյան Պ.Բ. Իրավունքի չարաշահումը: Բամբեր Երևանի Համալսարանի, Իրավագիտություն: Եր., N 2, 2021. էջ. 3–21:*
4. *Դավթյան Ա. Քաղաքացիական դատավարություն: Արդի հիմնախնդիրներն ու զարգացման ուղիները: Եր., 2024, էջ. 49–64:*
5. *Давтян А.Г. Сравнительно – правовой, исторический анализ гражданского процессуального законодательства Армении: проблемы действующего ГПК и возможности их решения. Сборник докладов Международной конференции, посвященной 220-летию образования и 70-летию новой истории кафедры гражданского процесса юридического факультета МГУ. М., 2024. СС. 119–122.*
6. Прецедентное решение Кассационного Суда УԴ (0060/01/19) URL: www.cassationcourt.am
7. Уголовный кодекс РА от 2021 г. Принят 05.05.2021 г. Вступил в силу 01.07.2022. URL: <https://www.arlis.am/>
8. *Давтян А.Г. Гражданское процессуальное право Германии (основные институты). М., 2000. С. 47.*
9. *Давтян А.Г. Сравнительно-правовой, исторический анализ гражданского процессуального законодательства Армении: проблемы действующего ГПК и возможности их решения. Сборник докладов Международной конференции, посвященной 220-летию образования и 70-летию новой истории кафедры гражданского процесса юридического факультета МГУ. М., 2024. С.121.*
10. Закон РА «О принудительном исполнении судебных актов» от 05.05.1998г. С измен. от 11.04.2024г. URL: <https://www.arlis.am/>

REFERENCES

1. *Bolovnev M.A. Effectiveness of Counteracting Abuse of Procedural Rights, Abstract of Cand. Diss. Omsk, 2018; Yudin A.V. Abuse of Procedural Rights in Civil Proceedings. Abstract of Cand. Diss. St. Petersburg, 2009; Aboloni V.O. Abuse of the Right to Sue in Civil Proceedings in Germany. Abstract of Cand. Diss. Ekaterinburg, 2008; Grel Ya.V. Abuse of Procedural Rights by the Parties in Civil and Arbitration Proceedings. Abstract of Cand. Diss. Novosibirsk, 2006. (In Russian)*
2. Civil Procedure Code of the Republic of Armenia. Adopted on 09.02.2018. Entered into force on 09.04.2018. URL: <https://www.arlis.am/>

3. *Torosyan G.* Abuse of Law, Yerevan, 2019. *Danielyan G.* Abuse of Law. Bamber Yerevan University, Jurisprudence. Yerevan, N 2, 2021. PP. 3–21 (In Armenian).
4. *Davtyan A.* Civil Procedure. Current Issues and Development Paths. Yer., 2024. PP. 49–64 (In Armenian).
5. *Davtyan A.H.* Comparatively – legal, historical analysis of the civil procedural legislation of Armenia: problems of the current CPC and possibilities of their solutions. Collection of reports of the International Conference devoted to the 220th anniversary of education and the 70th anniversary of the new history of the civil process department of the Faculty of Law of Moscow State University. M., 2024. PP. 119–122 (In Russian).
6. Precedent decision of the Court of Cassation SD (0060/01/19) URL: www.cassationcourt.am
7. Criminal Code of the RA (2021). Accepted 05.05.2021 Entered into force on 01.07.2022. URL: <https://www.arlis.am/>
8. *Davtyan A.* Civil process law of Germany (main institutions). M., 2000. P. 47.
9. *Davtyan A.* Comparatively – legal, historical analysis of the civil procedural legislation of Armenia: problems of the current GPC and possibilities of their solutions. Collection of reports of the International Conference devoted to the 220th anniversary of education and the 70th anniversary of the new history of the civil process department of the Faculty of Law of Moscow State University. M., 2024. P. 121.
10. Law of RA “On enforcement of judicial acts” dated 05.05.1998. With change. from 11.04.2024 URL: <https://www.arlis.am/>

MISUSE OF RIGHTS IN CIVIL PROCEDURE OF THE REPUBLIC OF ARMENIA: ISSUES AND PROSPECTS FOR LEGISLATIVE DEVELOPMENT

A. Davtyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The article examines the issue of abuse of procedural rights in civil procedural theory and judicial practice of the Republic of Armenia. The author proposes legislative solutions to improve civil procedural legislation in this area: the introduction of the concept of civil procedural responsibility into the legislation, the

definition of forms of abuse of procedural rights both in relation to the parties involved in the case and the court.

The main provisions of the article comprise ideas expressed by the author in a keynote address at the International Conference dedicated to the 20th anniversary of the Department of Civil Law and Civil Procedural Law at the Institute of Law of the Russian-Armenian University, in Yerevan, in September 2024.

Keywords: abuse of procedural rights, civil procedural responsibility, judicial sanctions, civil procedural legislation.

DOI 10.24412/1829-0450-2025-1-119-133
УДК 343.1

Поступила: 02.03.2025г.
Сдана на рецензию: 05.03.2025г.
Подписана к печати: 01.04.2025г.

УЧАСТИЕ ЗАЩИТНИКА В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

И.А. Авагян

*Российско-Армянский (Славянский) университет
ingaavagyan@gmail.com
ORCID: 0009-0009-1020-3446*

АННОТАЦИЯ

Действующее уголовно-процессуальное законодательство устанавливает единый порядок расследования всех преступлений, то есть единую процессуальную форму и гарантии, обеспечивающие как эффективное расследование преступлений, так и защиту прав личности.

Право несовершеннолетнего обвиняемого на получение качественной юридической помощи провозглашено как Конституцией Республики Армения, так и Уголовно-процессуальным кодексом, который определяет институт обязательного участия защитника, что в свою очередь является гарантией эффективной защиты прав и законных интересов обвиняемого.

Предоставление обязательного участия защитника в уголовно-процессуальных делах с участием несовершеннолетних обусловлено их возрастом, психическим состоянием, отсутствием жизненного опыта и правовых знаний. Изложенное свидетельствует о том, что в состязательном процессе предоставление обязательного участия защитника для несовершеннолетнего является необходимостью.

Участие защитника обеспечивает реализацию задач ювенальной юстиции, то есть не наказывать лицо, предположительно совершившее преступление, а воспитывать его, делать полноправным членом общества.

Обобщая полномочия, предоставленные защитнику в уголовном процессе, приходим к выводу, что как на предварительном следствии, так и в ходе судебного разбирательства уголовного дела защитниками по делам несовершеннолетних могут быть адвокаты, хорошо разбирающиеся в детской психологии и прошли определенную подготовку по общению с детьми.

В результате анализа настоящей статьи предлагается внести определенные поправки в законодательство и привлекать в ювенальном судопроизводстве в качестве «защитников» несовершеннолетнего обвиняемого также тех лиц, к которым несовершеннолетний испытывает большее доверие (кровный родственник, классный руководитель, любимый учитель).

Ключевые слова: несовершеннолетний обвиняемый, отдельное производство, права защитника, законный представитель, ювенальное производство.

Введение

Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству для расследования всех преступлений определен единый порядок расследования, то есть общая процессуальная форма и гарантии, обеспечивающие как эффективное расследование преступлений, так и защиту прав человека. Исходя из проблем уголовного судопроизводства, законом предусмотрены и исключения, которые определяются особенностями лица, совершившего предполагаемое преступление.

Целью предоставления отдельной процедуры является не ограничение гарантий, предусмотренных законом, а наоборот: с сохранением этих гарантий предусмотреть в законе дополнительные средства защиты. В случаях, предусмотренных законом, помимо этих гарантий предусмотрены и иные меры, гарантирующие эффективную защиту прав и законных интересов личности.

Учитывая возрастные особенности несовершеннолетних, одним из таких способов защиты является участие защитника и законного представителя. То есть в уголовном судопроизводстве несовершенно-

летнему обеспечивается двойное представительство: с одной стороны, защитником, а с другой – законным представителем.

Ссылаясь на слова Э.В. Горбачевой о том, что «в целом современный вариант расследования преступлений в отношении несовершеннолетних отражает универсальную черту «классического» расследования – обязательное обеспечение защиты и двойного представительства несовершеннолетнего обвиняемого (защитник и законный представитель)» [1], следует отметить, что такое участие обеспечивает защиту прав и законных интересов несовершеннолетних от незаконных действий должностных лиц. С одной стороны, несовершеннолетний обвиняемый получает психологическую поддержку, а с другой стороны, юридическую поддержку, которая сопровождается на протяжении всего процесса всестороннего расследования дела.

В статье автор, в свете нового Уголовно-процессуального кодекса (принят 30.06.2021г., вступил в силу с 01.07.2022г.), на основе научных трудов и практики Кассационного суда РА, предпринял попытку провести сравнительный анализ между имеющимися в теории юридических обоснований и распространенных в практике подходов, подчеркивающими роль и особенности адвоката в производстве по делам несовершеннолетних.

Исследовательская часть

Право несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого на получение квалифицированной юридической помощи провозглашено Конституцией Республики Армения, а также «Участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, когда обвиняемый на момент совершения преступления является несовершеннолетним» (пункт 3 части 2 ст. 46).

Обязательное участие защитника в уголовном судопроизводстве является гарантией эффективной защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего обвиняемого. Указанное требование также гарантирует, что следователь и другие должностные лица не будут принуждать несовершеннолетнего отказаться от услуг высококвалифици-

рованного защитника. Ведь совершенно очевидно, что психически незрелый несовершеннолетний слаб также в плане воли, что создает возможность оказывать на него влияние, что иногда может быть использовано недобросовестными представителями правоохранительных органов для ущерба его прав и законных интересов [2].

Участие защитника по делам несовершеннолетних следует считать обязательным, а отсутствие обеспечения участия защитника в ходе досудебного производства или судебного заседания следует считать существенным нарушением уголовно-процессуального закона.

Предусмотрение обязательного участия защитника в делах с участием несовершеннолетних в уголовно-процессуальном праве обусловлено их возрастом, психическим состоянием, отсутствием жизненного опыта и правовых знаний. Изложенное выше свидетельствует о том, что в состязательном процессе положение об обязательном участии защитника несовершеннолетнего является необходимостью.

Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству обвиняемый имеет право не только иметь защитника, но и отказаться от защитника и осуществлять защиту самостоятельно. Из действующего уголовно-процессуального законодательства следует, что не только совершеннолетний, но и также несовершеннолетний может отказаться от защитника. Общая процессуальная процедура отказа от защитника следующая: «Орган, ведущий уголовный процесс, принимает отказ от защитника лишь в случае, если обвиняемый заявил об этом по собственной инициативе, добровольно и в присутствии защитника, который мог быть ему назначен или назначен. Отказ от защитника не принимается, если он обусловлен отсутствием средств для уплаты юридических услуг.

Следует отметить, что положение, содержащееся в ст. 47 УПК РА статье, прямо противоречит смыслу статьи 46, которая определяет случаи обязательного участия защитника в процессе. Мы считаем, что под словом «обязательно» следует понимать, что во всех случаях орган, ведущий судопроизводство должен обеспечить участие защитника, независимо от его/ее желания. Если в вышеуказанных случаях

участие защитника оставлено на усмотрение органа, ведущего производство, то оно перестает быть обязательным. Вышеизложенное напрямую касается и участия защитника в делах с участием несовершеннолетних. Иными словами, если несовершеннолетний отказывается от защитника, то вопрос о его участии остается на усмотрение органа, ведущего процесс. Исходя из защиты прав несовершеннолетних обвиняемых, было бы, несомненно, желательно, чтобы такое усмотрение было исключено законом вообще, а участие защитника считалось обязательным во всех случаях. При рассмотрении и оценке мотивов отказа от защитника и реальной возможности обвиняемого реализовать свои права, необходимо принять за основу тот факт, что несовершеннолетний нуждается в особой защите [3].

Право на защиту несовершеннолетнего обвиняемого будет существенно нарушено, если несовершеннолетний участвует в процессе без защитника. Заявление несовершеннолетнего об отказе от защитника не может быть принято органом, ведущим процесс, ни по каким основаниям.

Участие защитника несовершеннолетнему обвиняемому обеспечивается в каждом случае, независимо от того, желает ли он иметь защитника или нет. Разумеется, реализация этого права обвиняемым, согласно действующему законодательству обеспечивается с момента ареста, применения меры пресечения или привлечения в качестве обвиняемого. Однако действующее уголовно-процессуальное законодательство четко не указывает, что мы понимаем под моментом ареста, поскольку арест собирательное понятие, поэтому лицо считается арестованным с момента вручения ему протокола, то и право иметь защитника ему сообщается с этого момента.

Это означает, что до составления протокола защитник не может представлять интересы лица, совершившего предполагаемое преступление и лишенного свободы.

Конечно, несовершеннолетний и его законный представитель должен иметь право сменить защитника в случае, если:

а) приглашенный ими или назначенный Палатой адвокат адвокат не оказывает надлежащую юридическую помощь своему клиенту,

б) если по каким-либо причинам между несовершеннолетним и его опекуном не возникают отношения взаимного доверия.

Участие защитника в судебном разбирательстве обеспечивается в общем порядке, то есть по приглашению или назначению. В делах о преступлениях, вменяемых несовершеннолетнему, участие защитника в судебном разбирательстве обеспечивается в основном через законного представителя или близких родственников несовершеннолетнего. Однако, если несовершеннолетний не желает, чтобы его интересы представлял адвокат, приглашенный законным представителем, то предпочтение следует отдать несовершеннолетнему обвиняемому [4].

Согласно части 1 статьи 24 «Международного пакта о гражданских и политических правах»: «Каждый ребенок, без какого бы то ни было различия в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, национального или социального происхождения, имущественного положения или рождения, имеет право на «средства защиты со стороны семьи, общества и государства, в которых он нуждается как ребенок».

Согласно статье 8, пункту 1 Закона РА «О правах ребенка»: «Каждый ребенок имеет право на условия жизни, необходимые для полноценного физического, умственного и духовного развития».

Согласно пункту 5 минимальных стандартных правил «Об осуществлении правосудия в отношении несовершеннолетних» Организации Объединенных Наций, («Пекинские правила»): «Система правосудия в отношении несовершеннолетних должна быть прежде всего направлена на обеспечение благополучия несовершеннолетних, чтобы любые меры воздействия на несовершеннолетних правонарушителей всегда были соразмерны как индивидуальным особенностям правонарушителя, так и обстоятельствам правонарушения».

Согласно пункту 17.1 «Пекинских правил», «При выборе мер воздействия компетентный орган должен руководствоваться следующими принципами:

а) Меры воздействия всегда должны быть соразмерны не только обстоятельствам и тяжести правонарушения, но и положению и потребностям несовершеннолетнего, а также потребностям общества;

б) Решение об ограничении личной свободы несовершеннолетнего должно приниматься только после тщательного рассмотрения вопроса, а ограничение должно быть по возможности сведено к минимуму (...).

Согласно пункту 19.1 Пекинских правил, «Помещение несовершеннолетнего в исправительное учреждение всегда должно быть крайней мерой, применяемой в течение минимально необходимого срока».

Согласно статье 37 Конвенции ООН о правах ребенка, «Государства-участники должны обеспечить, чтобы:

(...)

(б) Ни один ребенок не должен быть лишен свободы незаконно или произвольно. Арест, задержание или тюремное заключение ребенка должны осуществляться в соответствии с законом и должны использоваться только в качестве крайней меры и в течение как можно более короткого соответствующего периода времени.

(...).

Пункт 2 Правил ООН, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы («Гаванские правила»), гласит: «Лишение свободы несовершеннолетнего должно применяться как крайняя мера, на минимально необходимый срок. Оно должно ограничиваться исключительными случаями. Срок наказания должен определяться судебным органом, не исключая возможности досрочного освобождения».

Для эффективной защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего обвиняемого большое значение имеет также участие защитника в процессе доказывания, что в совокупности с системным анализом вышеуказанных правовых норм способствует суду, ведущему разбирательство, для правильного принятия того или иного решения. Демократичность и состязательность уголовного судопроизводства определяется степенью участия сторон процесса в процессе сбора, исследования и оценки доказательств.

В целом, защита прав обвиняемого во многом зависит от степени участия защитника в процессе доказывания.

Конечно, действующий Уголовно-процессуальный кодекс не предусматривает реальной возможности и гарантий участия защитника в процессе доказывания, однако по сравнению с положениями, установленными предыдущим Уголовно-процессуальным кодексом, он претерпел существенные изменения, которые способствуют реализации права обвиняемого на защиту.

Участие защитника обеспечивает реализацию задач ювенальной юстиции, то есть не наказывать лицо, совершившее предполагаемое преступление, а воспитывать его, делать его полноправным членом общества. Защитник должен обратить внимание судебного органа, осуществляющего производство по делу, в частности суд, на тот факт, что в случае несовершеннолетних, система правосудия направлена на обеспечение благополучия несовершеннолетнего, с тем, чтобы любая мера, затрагивающая предположительно совершившего преступление несовершеннолетнего, была соразмерна как его или ее личным характеристикам, так и степени тяжести преступления. Этот вопрос должен быть в центре внимания адвоката защиты на протяжении всего уголовного процесса.

Конституционный Суд Республики Армения Постановлением от 8 октября 2013 года №СДО-1119 выразил правовую позицию, согласно которой защитник во всех случаях должен иметь право участвовать в следственных и иных процессуальных действиях, производимых в отношении обвиняемого, без подачи какого-либо ходатайства, независимо от того, имеется ли такое ходатайство от подозреваемого или обвиняемого, или нет [5].

Вопросы определения и классификации субъектов доказывания всегда находились в центре внимания ученых-юристов, и единого подхода по этому поводу не существует. Не ссылаясь на мнения, существующие в юридической литературе по этому вопросу, необходимо подчеркнуть, что наиболее распространенным подходом является то, что субъектами доказывания являются те, которые связаны с уголовно-процессуальными отношениями, все участвующие субъекты, хотя каждый из них существенно отличается по месту и роли, которую он играет в этом процессе [6].

Защитник относится к тем субъектам доказывания, которые на протяжении всего судебного процесса защищает не свои права, а права и законные интересы другого лица. Иными словами, в процессе доказывания защитник имеет активное и постоянное участие.

В процессуальной литературе защитник как субъект судебного разбирательства выделяется следующими признаками:

1) защитник участвует в доказывании, занимая заранее определенную, конкретную позицию. То есть в процессе доказывания он выполняет лишь защитную функцию, суть которой заключается в выявлении и расследовании обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность,

2) защитник не несет основной и непосредственной ответственности за всестороннее исследование обстоятельств дела и реализацию доказательственных задач на конкретной стадии судопроизводства, хотя его процессуальная деятельность этому способствует,

3) защитник не может применять процессуальные санкции или иные меры принуждения в отношении других субъектов доказывания, поскольку он не наделен государственными полномочиями и не имеет права осуществлять правоохранительную деятельность,

4) защитник не считается субъектом, ответственным за сбор, проверку и оценку доказательств [7].

Участие защитника в представлении доказательств по уголовным делам гарантирует защиту прав и законных интересов обвиняемого. Участвуя в представлении доказательств на стадии предварительного расследования, защитник способствует собиранию доказательств, его всесторонней проверке и правильной оценке [8].

Участие защитника несовершеннолетнего обвиняемого в процессе доказывания крайне важно, так как в силу своего возраста он вряд ли сможет участвовать в процессе доказывания. Между тем, защитник, запрашивая документы или информацию у государственных органов, организаций или путем опроса отдельных лиц может получить доказательства, которые могут иметь существенное значение при назначении несовершеннолетнему наказания или применении к нему мер воспитательного воздействия.

Защитник, участвующий в процессе доказывания, обязан, исходя из интересов несовершеннолетнего, заявлять соответствующие ходатайства, направленные на совершение таких процессуальных действий, которые могут способствовать защите прав и законных интересов несовершеннолетнего. Ситуация может сложиться в случае, если орган, ведущий производство, не производит следственные действия, необходимые для установления обстоятельств, составляющих предмет доказывания в отношении несовершеннолетнего.

Во всех случаях возбуждение ходатайств имеет важное значение, поскольку в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством защитник имеет право участвовать в следственных действиях, проводимых по его ходатайству или ходатайству его подзащитного. Участие защитника в производстве следственных действий сами по себе подразумевают расширение сферы действия принципа состязательности в досудебном производстве. Конечно, орган, ведущий производство, обязан своевременно информировать защитника или его подзащитного о следственных действиях, проводимых при их посредничестве.

В отношении участия адвоката заслуживает внимания и вопрос его специализации по делам несовершеннолетних. Одним из важных требований Пекинских правил является наличие специализированного органа по делам несовершеннолетних.

Мы считаем, что это требование в равной степени относится и к адвокатам. По нашему мнению, адвокаты, помимо оказания качественной юридической помощи, должны обладать знаниями в области педагогики и психологии, чтобы уметь находить взаимопонимание со своими клиентами и выбирать правильную тактику защиты. Да, этот вопрос важен и для адвокатов государственного защитника, поскольку участие защитника в делах несовершеннолетних является обязательным, и такое участие в основном обеспечивается Палатой адвокатов¹

¹ Помимо оказания качественной юридической помощи несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым, также важно, чтобы адвокат-обвиняемый специализировался на делах несовершеннолетних. В этой связи оценка, содержащаяся в отчете, подготовленном по просьбе Регионального офиса ЮНИСЕФ в Центральной Азии,

[9]. На самом деле, возникают некоторые трудности при выборе общей стратегии защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего обвиняемого. Защитнику достаточно сложно защищать права и законные интересы несовершеннолетнего, с которым не установлено взаимное доверие. Конфликт создает значительные проблемы для эффективной защиты.

Кассационный Суд РА, касаясь производства по делам несовершеннолетних, констатировал, что несовершеннолетние в силу своего возраста и социально-психологических особенностей нуждаются в особой заботе и внимании, поэтому при осуществлении правосудия необходимо учитывать возможное влияние принимаемых мер на их благополучие. При этом необходимо учитывать, что в данном случае необходимо учитывать степень тяжести совершенного правонарушения.

В частности, выбор применяемых мер воздействия должен определяться не только тяжестью совершенного правонарушения, но и индивидуальными особенностями лица. Санкции, связанные с изоляцией от общества, должны применяться к несовершеннолетним в качестве крайней меры, на максимально короткий срок и в ограниченных и исключительных случаях, поскольку, в отличие от взрослых, негативные последствия лишения свободы для них более серьезны. Они оказывают большое влияние [10].

Следует отметить, что в случае выбора совместной стратегии защиты могут возникнуть разногласия между несовершеннолетним и его законным представителем. В таких случаях для защитника возникает сложная ситуация: соглашаться ли с несовершеннолетним обвиняемым или его законным представителем, или выбрать и отстаивать свою точку зрения?, которая, по его мнению, более предпочтительна для клиента.

Восточной Европы и Содружества Независимых Государств, следует отметить: что нет государственных защитников, специализирующихся на делах с участием детей-ответчиков (или с участием несовершеннолетних). Сотрудники Офиса государственного защитника не обучены детскому развитию, детской психологии, интервьюированию детей и права ребенка. Представление интересов детей-жертв или свидетелей не входит в компетенцию Народного защитника.

Не следует забывать, что в установленном уголовно-процессуальным законодательством порядке «защитник не имеет права совершать никаких действий, противоречащих интересам подсудимого», однако может случиться, что выбранная и предложенная подсудимому позиция действует во вред подзащитному. Конечно, правовые основания позиции защитника закреплены в уголовно-процессуальном законодательстве. Справедливо мнение Г. Гукасяна о том, что защитник связан с обвиняемым своей процессуальной деятельностью и обязан согласовывать с ним свою позицию, но только в связи с выполнением обязанностей, возложенных на него законом [11].

Может ли в вышеописанной ситуации защитник выбрать иную стратегию защиты, отличную от предложенной несовершеннолетним подсудимым или его законным представителем? В этом вопросе мы согласны с позицией С. Дилбандяна о том, что «...да, защитник может иметь иную позицию, чем клиент и его законный представитель, если он считает, что их позиция неправильна и ведет к ухудшению состояния его клиента. Однако он должен «принять все меры убедить в этом своего несовершеннолетнего клиента и его законного представителя».

Заключение

При выборе стратегии защиты, адвокат должен всегда согласовывать свою позицию с позицией подсудимого, несовершеннолетнего обвиняемого и его законного представителя, чтобы защита была эффективной. Адвокат должен информировать своего несовершеннолетнего ответчика и его законного представителя обо всех возможных негативных последствиях занятой ими позиции и принять меры к тому, чтобы они пересмотрели эту позицию, заменив ее более выгодным для них вариантом. Если это невозможно, то он имеет право, исходя из ситуации, либо согласиться с позицией своего подзащитного, подчиняясь его воле и считая ее не противоречащей его интересам, либо выдвинуть свою собственную позицию, которая будет соответствовать интересам несовершеннолетнего обвиняемого.

Обобщая полномочия, предоставленные защитнику в уголовном процессе по делам несовершеннолетних, приходим к выводу, что как на предварительном следствии, так и в ходе судебного разбирательства уголовного дела, защитниками по делам несовершеннолетних могут быть те адвокаты, которые хорошо разбираются в детской психологии и прошли определенный курс обучения для общения с детьми.

Предлагается, целесообразным внести определенные поправки (изменения) в законодательство и привлекать в ювенальном судопроизводстве в качестве «защитников» несовершеннолетнего обвиняемого также тех лиц, к которым несовершеннолетний испытывает большее доверие (кровные родственники, классный руководитель или любимый учитель).

Кроме того, важное значение имеет поведение законных представителей во время разбирательств в отношении несовершеннолетних, поскольку любой родитель будет прилагать все усилия, чтобы защитить своего ребенка, и вполне возможно, что что родитель не сможет обеспечить психологическое и эмоциональное спокойствие и может быть мотивирован этим на действия, которые окажут негативное влияние на несовершеннолетнего, и чтобы избежать этого, мы считаем, что в разбирательствах, касающихся несовершеннолетних должно привлекаться другое лицо, которое может осуществлять уголовно-процессуальные полномочия

Важно подчеркнуть, что *дети – это индивидуальности*, и необходимо соблюдать четыре краеугольных принципа Конвенции о правах ребенка, а именно: недискриминация, наилучшее обеспечение интересов ребенка, обеспечение права ребенка на жизнь и развитие, а также право ребенка на участие. В судебных разбирательствах с участием несовершеннолетних важно должным образом оценить морально-психологическое состояние ребенка, учесть его мнение в соответствии с его возрастом и зрелостью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбачёва Е.В. Проблемы регулирования судопроизводства по делам несовершеннолетних в УПК РФ // Материалы международной научно-практической

- конференции «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания». М., 2004. С. 307.
2. *Դիլբանդյան Ս.Ա.* Անձի իրավունքների և օրինական շահերի պաշտպանության ապահովումը Հայաստանի Հանրապետության քրեական դատավարության մինչդատական վարույթում: Եր., ԵՊՀ հրատ., 2011: Էջ 365:
 3. *Смирнов А.В., Калиновский К.Б.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. СПб., 2003. С. 175.
 4. *Աղաբաբյան Ն.* Պաշտպանի մասնակցությունն անչափահասին վերագրվող հանցանքի վերաբերյալ վարույթին: Էջ. 45: URL: http://www.old.ysu.am/files/05N_Aghababyan.pdf.
 5. Постановление Конституционного Суда Республики Армения от 8 октября 2013 года № 1119.
 6. *Мотовиловкер Я.О.* Основной вопрос уголовного дела и его компоненты. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. С. 7.
 7. Теория доказательств в советском уголовном процессе // Ответственный редактор *Жогин Н.В.* М.: Юридическая литература, 1973. С. 376.
 8. *Ղուկասյան Հ.* Պաշտպանի դատավարական վիճակը նախնական քննության փուլում: Եր., ԵՊՀ հրատ., 2001: Էջ. 26, 105:
 9. Постановление Кассационного суда РА № ЕАНД/0094/01/13 от 28 августа 2015 года.

REFERENCES

1. *Gorbacheva E.V.* Problems of regulation of juvenile proceedings in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Proceedings of the international scientific and practical conference “The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: a year of law enforcement and teaching”. Moscow, 2004, P. 307 (in Russian).
2. *Dilbandyan A.* Ensuring the protection of the rights and legitimate interests of individuals in pre-trial criminal proceedings in the Republic of Armenia. Yerevan, YSU publ., 2011. P. 365 (in Armenian).
3. *Smirnov A.V., Kalinovsky K.B.* Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. St. Petersburg, 2003. P. 175 (in Russian).
4. *Aghababyan N.* Participation of the defender in the proceedings on the case of a crime attributed to a minor. P. 45. URL: http://www.old.ysu.am/files/05N_Aghababyan.pdf (in Armenian)
5. Resolution of the Constitutional Court of the Republic of Armenia dated October 8, 2013 No. 1119.

6. *Motovilovker Ya.O.* The main issue of the criminal case and its components. Voronezh : Voronezh Publishing House. University, 1984. P. 7 (in Russian).
7. The theory of evidence in the Soviet criminal process // Executive editor *Zhogin N.V.* M.: Yuridicheskaya literatura. M., 1973. P. 376 (in Russian).
8. *Ghukasyan G.* The procedural status of the defender at the stage of the preliminary investigation. Yerevan, YSU publ., 2001. PP. 26, 105 (in Armenian).
9. Resolution of the RA Court of Cassation no. EAND/0094/01/13 dated August 28, 2015.

DEFENSE COUNSEL'S PARTICIPATION IN JUVENILE PROCEEDINGS

I. Avagyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The current criminal procedure legislation establishes a single procedure for the investigation of all crimes, that is, a single procedural form and guarantees that ensure both effective investigation of crimes and protection of individual rights. The right of a minor accused to receive high-quality legal assistance is proclaimed both by the Constitution of the Republic of Armenia and the Code of Criminal Procedure, which defines the institution of mandatory participation of a defender, which in turn is a guarantee of effective protection of the rights and legitimate interests of the accused. The provision of mandatory participation of a defender in criminal procedural cases involving minors is conditioned by their age, mental state, lack of life experience and legal knowledge. The above indicates that it is necessary to provide mandatory participation of a defender for a minor in an adversarial process. The participation of the defender ensures the implementation of the tasks of juvenile justice, that is, not to punish the person who allegedly committed the crime, but to educate him, to make him a full member of society. Summarizing the powers granted to the defense attorney in criminal proceedings, we conclude that both during the preliminary investigation and during the trial of a criminal case, juvenile defenders can be lawyers who are well versed in child psychology and have received some training in dealing with children. As a result of the analysis of this article, it is proposed to introduce certain amendments to the legislation and to involve in juvenile proceedings as “defenders” of the minor accused also those persons in whom the minor has more confidence (a blood relative, a class teacher, a favorite teacher).

Keywords: minor accused, separate proceedings, rights of the defender, legal representative, juvenile proceedings.

DOI 10.24412/1829-0450-2025-1-134-148
УДК 343.2

Поступила: 12.01.2025г.
Сдана на рецензию: 17.01.2025г.
Подписана к печати: 21.02.2025г.

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОСНОВАНИЙ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО НОВОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

Д.П. Аветисян

*Российско-Армянский (Славянский) университет
diana.avetisyan.01@inbox.ru
ORCID: 0009-0008-8991-4832*

АННОТАЦИЯ

Установление уголовно-правовых запретов и, одновременно, систематизация и структуризация правовых норм, исключающих уголовную ответственность (наказуемость деяния), – одно из важнейших направлений современной уголовно-правовой политики государства.

Одним из достоинств нового Уголовного кодекса Республики Армения (далее – УК РА, принят 05.05.2021 года, вступил в силу с 01.07.2022 года) является, с одной стороны, – систематизация оснований, исключающих преступность деяния, а с другой – расширение системы таких оснований. При этом, вместо Главы 8 УК РА 2003г. (Обстоятельства, исключающие преступность деяния) в новом УК Глава 6 именуется «Основания, исключающие уголовную ответственность», в которой предпринята попытка унификации таких оснований, которые ранее были разбросаны по всей Общей части УК.

Дальнейшее исследование новых оснований имеет важное научно-практическое значение, некоторые из которых получили свое законодательное закрепление впервые.

В предлагаемой читателю статье рассматриваются общие вопросы разграничения преступного поведения от не преступного, как проблемы уголовно-правового регулирования. Предлагаются некоторые законодательные изменения и дополнения.

Ключевые слова: преступление, ответственность, правомерное поведение, детерминистические уровни уголовной ответственности.

Введение

Определение правомерности и противоправности причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны, выявление граней преступного и не преступного поведения – одна из центральных проблем современной уголовно-правовой науки и законодательного регулирования. Поэтому выявление системы обстоятельств (оснований), исключающих уголовную ответственность, требует всестороннего осмысления – с учетом сложившееся практики применения соответствующих уголовно-правовых норм.

Установление уголовно-правовых запретов и, одновременно, систематизация и структуризация уголовно-правовых норм, исключающих уголовную ответственность (наказуемость), – одно из важнейших направлений уголовно-правовой политики государства. Постановка обозначенной в отмеченном контексте проблемы созвучна концепции безопасности человека, общества и государства, а также провозглашенному конституционно-правовому принципу верховенства права и закона, который предполагает принципиальное изменение в расстановке ценностно-нормативных приоритетов в сфере борьбы с преступностью [1].

Изучение материалов судебной практики показывает, что применение норм уголовного закона, регламентирующих основания, исключающих уголовную ответственность нередко допускаются ошибки, в частности, связанные с оценкой условий правомерности необходимой обороны, разграничением от смежных составов преступлений и др. Возникают трудности при отграничении преступного поведения от не преступного.

На этом фоне резко возрастает не только охранительная, но и регулятивная и воспитательная функции уголовного законодательства.

Постановка проблемы и ее обоснование

По справедливому замечанию ряда авторов [2, 3], отграничение преступного поведения от непроступного является современной фундаментальной проблемой уголовно-правового регулирования, решение которой предопределяет формирование содержания нормативного материала всей системы уголовного законодательства.

Одним из достоинств нового УК Армении, как отмечалось, является расширение системы традиционных обстоятельств, исключающих преступность деяния и их систематизация на уровне отдельной (6-ой главы), с названием «Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность». Однако недостатком как теории уголовного права, так и уголовного законодательства РФ является отсутствие структурного обособления всей системы обстоятельств (оснований), исключающих не только преступность деяния, но и уголовную ответственность (наказуемость). В действующем Уголовном кодексе РФ содержатся нормы, отграничивающие преступное поведение от непроступного, в том числе нормы, регулирующие правомерные поступки, внешне подпадающие под признаки какого-либо преступления.

Однако нормы, исключающие уголовную ответственность, как бы разбросаны по всему Уголовному кодексу РФ: отсутствие в деянии того или иного признака преступления или конкретного состава преступления, малозначительность деяния, невиновное причинение вреда, добровольный отказ от преступления и др. Уголовно-правовая природа отмеченных и других норм имеет и сходства, и различия. Их объединяет одно важное обстоятельство – в конечном итоге, они исключают уголовную ответственность. Аналогичным недостатком страдал и УК РА 2003г.

Рассматриваемые нормы и поступки находятся в тесной взаимосвязи как между собой, так и с соответствующими уголовно-правовы-

ми предписаниями, образуя тем самым определенную систему, целостность. Все нормы-исключения (исключающие виновность, противоправность, общественную опасность деяния, преступность деяния) в новом УК РА объединены в определенную группу – в межотраслевой институт уголовно-правовых норм, предусмотренных различными отраслями законодательства.

Система таких обстоятельств включает:

- невменяемость;
- невиновное причинение вреда;
- причинения вреда в состоянии необходимой обороны;
- причинение вреда при задержании лица, совершившего противоправное посягательство;
- крайняя необходимость;
- непреодолимая сила, физическое или психическое принуждение;
- обоснованный риск;
- исполнение профессиональных функций;
- спортивный риск;
- исполнение требований закона или иного нормативного акта;
- исполнение приказа или распоряжения;
- сотрудничество с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность.

В юридической литературе справедливо отмечается, что правовая природа и криминологическая суть обстоятельств, исключающих преступность деяния (ст. 37–42 УК РФ), неоднородна, несмотря на то, что они объединены в одной главе. Неоднородна и уголовно-правовая природа других обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, как отмечалось, разбросанных по всему Уголовному кодексу.

Социально-правовое значение обстоятельств, исключающих преступность деяния (гл. 8 УК РФ), а также деяний, преступность (уголовная ответственность) которых исключается в силу различных обстоятельств (гл.6 УК РА), состоит в отграничении преступного поведения от не преступного.

Для определения непроступности того или иного деяния законодатель избрал различную законодательную технику: в одних случаях вопрос о непроступности регламентируется посредством указания на отсутствие того или иного признака преступления, в других – состава преступления, в-третьих – путем указания на отсутствие самого преступления и др.

Однако единых научных критериев деления этих оснований (норм-исключений) на определенные группы, не существует.

Представляется, что исследование рассматриваемых обстоятельств (оснований) должно осуществляться не только в рамках учений о преступлении, составе преступления, как это делалось традиционно, но и в качестве самостоятельного, унифицированного института уголовного права. Именно такая политика сделана в новом УК РА.

Такой качественно новый методологический и уголовно-правовой подход позволил при разработке УК РА не только систематизировать соответствующие нормы уголовного закона, но и выделить основные направления совершенствования законодательной регламентации новых обстоятельств, исключających уголовную ответственность.

Преступление – это вменение, предъявление обвинения лицу, а обстоятельства, исключające ответственность, в том числе проступность деяния – это возможность оправдания. Их разграничение имеет как материальный, так и процессуальный аспекты, и поэтому эти вопросы нуждаются в отдельном детальном исследовании и законодательном закреплении.

Правомерность (дозволительность) многих действий человека определяется нормами различных отраслей права: конституционного, гражданского, административного, трудового и др. Следовательно, то, что разрешено в праве, не должно признаваться преступным в уголовном праве. Поэтому отграничение преступления от других видов правонарушений, в том числе связанных с осуществлением собственных прав (например, выполнением полезных профессиональных функций), имеет важное теоретическое и, безусловно, практическое значе-

ние. Неслучайно, что исполнение требования закона или иного нормативного акта является новым обстоятельством, исключающим уголовную ответственность (ст. 39 УК РА).

С другой стороны, нарушение своих прав и обязанностей – нормативного (должного поведения), является основанием для применения не только отраслевой, но и уголовно-правовой ответственности.

Важно отметить, что речь идет не об основаниях **освобождения** от уголовной ответственности, которые предусмотрены в главе 12 УК РА, а о необходимости систематизации, дифференциации оснований **исключения** ответственности. Принципиальная разница данных категорий и уголовно-правовых институтов состоит в том, что при освобождении лица от уголовной ответственности по основаниям, указанным в отмеченных главах УК, в его деянии всегда имеются все признаки конкретного состава преступления, т.е. основание для привлечения к уголовной ответственности существует [4].

Термин *«исключение ответственности»* означает наличие таких обстоятельств, которые свидетельствуют об отсутствии основания для привлечения к уголовной ответственности, т.е. в деянии лица отсутствуют признаки инкриминируемого состава преступления. Нетрудно заметить, что в последнем случае правоприменительный орган обязан при наличии таких оснований прекратить производство по делу. Освобождение же лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности – право, а не обязанность правоприменителя. Исключение составляет норма о примирении с потерпевшим – при наличии определенных условий ее применение является обязанностью правоприменительных органов (ст. 82 УК РА).

Правовая природа понятий «исключение» и «освобождение», а также уголовно-правовые и уголовно-процессуальные последствия их применения существенно различаются друг от друга.

Представляется, что основания, исключающие уголовную ответственность, имеют приоритет над другими смежными уголовно-правовыми институтами – освобождением от уголовной ответственности и освобождением от наказания.

Формами процессуального исключения уголовной ответственности являются: отказ в возбуждении уголовного дела, прекращение дела в стадиях досудебного производства, вынесение оправдательного приговора, определения вышестоящих судов о прекращении дела.

При наличии основания для исключения ответственности недопустимо освобождение лица от уголовной ответственности с признанием его виновности или освобождение от наказания как вынужденная мера, что иногда делается в нашей правоприменительной деятельности.

Не случайно, что в уголовно-процессуальном законодательстве предусмотрены основания, исключающие производство по делу (ст. 12, 13 нового УПК РА, принят 30.06.21г., вступил в силу с 01.07.2022г.).

Действующая формулировка формального понятия преступления (ч. 1 ст. 16 УК РА) в отмеченном контексте не в полной мере способствует разграничению преступного деяния от случаев правомерного причинения вреда, впрочем, как и материально-формальное определение преступления, которое давалось в УК РА 2003г. (ч. 1 ст.14 УК РФ).

Преступление, несомненно, является центральным, фундаментальным институтом уголовного права. Однако недооценивать категорию обстоятельств, оснований, исключающих уголовную ответственность, нет никаких моральных, социальных, правовых и других оснований.

В этом аспекте в новом УК РА важное значение имеет проблема всестороннего уяснения сущности уголовной противоправности и ее юридико-технических аспектов.

Уголовная противоправность деяния означает совершение действий, запрещенных нормами Уголовного кодекса под угрозой наказания.

Функция уголовной противоправности имеет две стороны. Первая сводится к роли формального подхода в определении преступности деяния. Вторая выражается в связующем звене между преступлением и составом преступления [5].

В ст. 28 УК РА впервые установлены правила оценки, содеянного в случаях фактической ошибки. Таким образом, для окончательной

оценки наличия или отсутствия противоправности деяния важное значение имеет оценка наличия или отсутствия обстоятельств, исключающих уголовную ответственность.

В теории отечественного уголовного права уголовная противоправность преступного деяния связывается с процессом (законодательной процедурой) криминализации и декриминализации.

Наряду с уголовной противоправностью следует акцентировать внимание также на «уголовной дозволенности» (правомерности деяния).

Поэтому в определении понятия «преступление» следует указать на *«отсутствие обстоятельств, исключающих уголовную ответственность»*. Это будет дополнительной гарантией для справедливого разрешения дела, средством обеспечения безопасности человека, стимулом для полноценной реализации гражданами своего права на защиту.

Основания, исключающие уголовную ответственность, следует рассматривать как самостоятельное направление уголовно-правовой науки, детерминированное определенными причинными процессами.

Исключение уголовной ответственности имеет два аспекта.

Во-первых, выступает в качестве следствия различных детерминирующих ее факторов. Во-вторых, производит, детерминирует определенные изменения в поведении человека.

В первом случае исключение уголовной ответственности обусловлено наличием определенных социальных факторов, которые вызывают объективную потребность в установлении и законодательном закреплении различных обстоятельств (оснований), исключающих общественную опасность деяния, виновность, противоправность, и в целом, уголовную ответственность (право на необходимую оборону, добровольный отказ от преступления и т.д.).

В результате законодательного закрепления подобные обстоятельства с этого момента начинают действовать в качестве детерминирующего фактора (это – законодательный уровень детерминации).

На конкретном (персонифицированном) уровне основания исключения уголовной ответственности детерминируются самим лицом,

оказавшимся в криминогенной ситуации. Исключение уголовной ответственности выступает в качестве последствия совершения деяния, не содержащего признаков преступления либо состава преступления. Речь идет не о формировании оснований, исключающих уголовную ответственность (она установлена на законодательном уровне), а о реализации уголовно-правовых и процессуальных норм в отношении конкретного лица. Этот механизм реализуется, приводится в действие, детерминируется совершением деяния, исключающим уголовную ответственность [6].

Во втором случае детерминация оснований, исключающих уголовную ответственность, также может рассматриваться на разных уровнях. Это: законодательный, правоприменительный и персонифицированный (личностный) уровни.

Суть законодательного уровня состоит в том, что основания, исключающие уголовную ответственность, будучи закрепленными в уголовном законе, воздействуют на поведение граждан, вызывая у них определенную форму поведения. Правоприменительный уровень заключается в том, что следователь, прокурор, суд, решая вопрос о применении к лицу того или иного основания, исключающего уголовную ответственность, руководствуются требованиями закона. Правоприменительные органы действуют в рамках позитивных (дозволительных) правоотношений, чем и детерминируется их деятельность.

Личностный уровень детерминации можно объяснить тем, что применение к лицу основания, исключающего уголовную ответственность, закрепляет у него уверенность в обеспечении государством должных мер, гарантий безопасности, в том числе физической, вызывает у граждан активность реализации права на защиту, стимулирует поведение тех граждан, которые склонны к совершению преступлений.

Отмеченные и другие детерминирующие факторы носят социальный характер, поэтому как сама уголовная ответственность, так и основания, ее исключающие, выступают в качестве такового.

Наряду с социальной детерминацией обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, следует выделить и уголовно-правовую детерминацию. Суть ее состоит в следующем [7]:

- 1) установленная уголовная ответственность в уголовном законе дифференцируется, распределяется по тем или иным основаниям; эти основания служат факторами, детерминирующими уголовную ответственность; наряду с этим, в уголовном законе устанавливаются и дифференцируются также основания, исключаяющие уголовную ответственность;
- 2) основание, исключаящее уголовную ответственность на этапе применения ее к данному лицу, конкретизируется, индивидуализируется; обстоятельства, учитываемые правоприменителем, – это те детерминанты, которые определяют конкретное основание, исключаящее ответственность.

Единого понятия оснований, исключаящих уголовную ответственность, как и в целом юридической ответственности, не существует.

Определения, возникающие по поводу обстоятельств, исключаящих уголовную ответственность, так же, как и охранительные уголовно-правовые отношения, содержат два аспекта: **активный** и **ретроспективный**. Первый применим для всех, второй – для лица, оказавшего в таком отношении.

Процесс установления дифференциации и унификации обстоятельств, исключаящих уголовную ответственность. Этот процесс имеет позитивную направленность, способствует формированию чувства ответственности.

Основания, исключаящие уголовную ответственность на стадии их законодательного установления, выполняют определенные функции: информационную, воспитательную, предупредительную, контрольно-управляющую и др.

Установление оснований, исключаящих уголовную ответственность, следует рассматривать как средство дифференциации и индивидуализации правомерных действий (необходимая оборона и др.) и других обстоятельств, исключаящих уголовную ответственность (малозначительность деяния, невменяемость и т.п.).

Индивидуализация оснований (обстоятельств), исключаящих уголовную ответственность, – явление правоприменительного уровня. Правоприменительный орган должен в конкретном случае применить

именно то основание (обстоятельство), которое подтверждается материалами дела. При конкуренции подобных оснований (обстоятельств), видимо, следует применить то из них, которое более благоприятно для лица, подлежащего освобождению от ответственности.

В уголовно-процессуальном аспекте, как отмечалось, выделяются реабилитирующие и не реабилитирующие основания оправдания.

Конечно, четкое и полное выделение в уголовном законе оснований, исключающих уголовную ответственность, – задача достаточно сложная, так же, как и сложна проблема дифференциации уголовной ответственности, которая должна быть соотнесена с качественными и количественными показателями преступности.

Деление оснований, исключающих уголовную ответственность на виды, может осуществляться по разным признакам, отличающимся как по содержанию, так и по форме. Форма – это тип правомерного деяния, объединяющий разные по своему содержанию обстоятельства, исключающие преступность деяния.

По содержанию выделяются деяния, в которых отсутствуют те или иные признаки преступления или состава преступления (общественная опасность деяния, виновность, установленный законом возраст и т.п.).

Исключение ответственности – означает, что государство отказывается от реализации ответственности применительно к данному деянию. Поэтому термин «дифференциация оснований, исключающих уголовную ответственность», ряд авторов используют условно, – в том смысле, что объективно есть обстоятельства, позволяющие констатировать факт правомерного деяния, или такого поведения, которое исключает уголовную ответственность по другим основаниям.

Таким образом, отсутствие основания для привлечения лица к уголовной ответственности, неналожение уголовной ответственности не идентичны освобождению от ответственности. В тех случаях, когда в содеянном отсутствует состав преступления или имеются обстоятельства, исключающие преступность деяния, лицо не подлежит уголовной ответственности. Это ситуации неприменения, исключения уголовной ответственности, а не освобождения от нее.

Т.А. Лесниевски-Костарева справедливо отмечает, что для описания всех видов освобождения в новом законодательстве используется унифицированная формулировка: «лицо, совершившее... освобождается от ответственности» [8].

Однако по поводу оснований, исключающих уголовную ответственность, единой терминологии в уголовном законе нет. Поэтому использование идентичных юридических конструкций и единой правовой терминологии будут свидетельствовать о совершенствовании законодательного оформления данного правового института.

Человек свободен в выборе своего поведения, способен принимать решения со знанием дела и предвидеть социальные последствия своих действий. Уголовный закон определяет, какие опасные деяния являются преступными. Следовательно, совершение даже опасных деяний, но не образующих преступления, предполагает выделение в законе условий, при наличии которых деяние не может влечь уголовной ответственности.

Признание позитивного (перспективного) аспекта уголовной ответственности ставит вопрос о целесообразном формировании у граждан уголовно-правовой активности, то есть ответственной, социально полезной деятельности субъектов общественных отношений, не противоречащей уголовно-правовым запретам.

Социальная ценность регулятивных уголовно-правовых отношений, возникающих по поводу деяния, и не влекущих уголовной ответственности, состоит в том, что на лицо не возлагается обязанность претерпевать неблагоприятные последствия, а у государства отсутствует право налагать их. Государство и лицо, причинившее вред при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, – не противоположные стороны уголовно-правового отношения, не противники, потому что лицо проявило уголовно-правовую активность, защищая правоохраняемые интересы.

Заключение

1. Формирование оснований, исключающих уголовную ответственность, в особенности идея о закреплении в уголовном законе правомерных действий, – это комплексное правовое явление, всестороннее исследование которой предполагает учет положений различных отраслей права, а также христианских и духовно-нравственных аспектов права.

Отмеченные особенности, в целом, нашли отражение в новом УК РА, однако УК РФ в этом аспекте нуждается в совершенствовании.

2. Вопрос о правовой природе подобных обстоятельств является спорным и имеет различную интерпретацию. Однако очевидно то, что при их наличии уголовная ответственность исключается.

Необходимая оборона, крайняя необходимость и причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, являются общественно полезными, а другие обстоятельства – нет. Значит, есть объективная потребность в выделении в уголовном законе отдельно – правомерных действий, и отдельно – других обстоятельств, исключающих преступность (уголовную ответственность) деяния.

3. Было бы правильным малозначительность деяния, а также добровольный отказ от преступления включить в гл. 6 УК РА «Об обстоятельствах, исключающих уголовную ответственность».

Попытка расширить обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, в начале 90-х годов была сделана и в Теоретической модели уголовного закона. К примеру, «малозначительность деяния» предлагалось отнести к таким обстоятельствам. Мы придерживаемся той позиции, согласно которой целесообразно ввести институт уголовных проступков, тогда малозначительность деяния следует исключить из УК РА РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аветисян С.С.* Проблемы разграничения преступного от неправомерного поведения (теория и практика уголовно-правового обеспечения безопасности человека). Ер.: Изд-во РАУ, 2011. С. 11.

2. *Пархоменко С.В.* Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. С. 7.
3. *Аветисян С.С.* Приоритеты и перспективы нового Уголовного кодекса Республики Армения (социально-правовая концепция). Ер.: Изд-во РАУ, 2002. С. 231.
4. *Орешикина Т.Ю.* Обстоятельства, исключающие преступность деяния: учебное пособие для магистрантов. М.: «Проспект», 2016. С. 20.
5. *Флетчер Дж., Наумов А.В.* Основные концепции современного уголовного права. М.: «Юрист», 1998. С.С. 216, 220.
6. *Тер-Акопов А.А.* Преступление и проблемы нефизической причинности в новом уголовном праве. М.: «ЮРКНИГА», 2003. С. 191.
7. Там же. С. 192.
8. *Лесниевски-Костарева Т.А.* Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика: 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «НОРМА», 2000. С. 173.

REFERENCES

1. *Avetisyan S.* Problems of distinguishing criminal from criminal behavior (theory and practice of criminal law ensuring human security) / S. Avetisyan. Yerevan: RAU Publishing House, 2011. P. 11.
2. *Parkhomenko S.* Acts whose criminality is excluded due to social usefulness. St. Petersburg: "Law Center Press" Publishing House, 2004. P. 7.
3. *Avetisyan S.* Priorities and prospects of the new Criminal Code of the Republic of Armenia (socio-legal concept). Yerevan: RAU Publishing House, 2002. P. 231.
4. *Oreshkina T.* Circumstances excluding criminality of an act: a textbook for undergraduates M.: "Prospekt", 2016. P. 20.
5. *Fletcher Dj., Naumov A.* Basic concepts of modern criminal law / Dj., Fletcher, A.V. Naumov M.: "Yurist", 1998. P.P. 216, 220.
6. *Ter-Akopov A.* Crime and problems of non-physical causality in the new criminal law. M.: "YURKNIGA", 2003. P. 191.
7. The same. P. 192.
8. *Lesnievsky-Kostareva T.* Differentiation of criminal responsibility. Theory and legislative practice: 2nd ed., revised and add. M.: Publishing house "NORMA", 2000. P. 173.

**REGULATION OF GROUNDS EXCLUDING
CRIMINAL LIABILITY UNDER THE NEW LEGISLATION
OF THE REPUBLIC OF ARMENIA**

D. Avetisyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The establishment of criminal law prohibitions and, at the same time, the systematization and structuring of legal norms that exclude criminal liability (punishability of an act) is one of the most important directions of the modern criminal law policy of the state.

One of the advantages of the new Criminal Code of the Republic of Armenia (hereinafter referred to as the RA Criminal Code, adopted on 05.05.2021, entered into force on 07.01.2022) is, on the one hand, the systematization of grounds excluding criminality of an act, and on the other, the expansion of the system of such grounds. At the same time, instead of Chapter 8 of the RA Criminal Code of 2003 (Circumstances excluding criminality of an act), in the new Criminal Code, Chapter 6 is called

“Grounds excluding criminal liability”, which attempts to unify such grounds, which were previously scattered throughout the General Part of the Criminal Code.

Further research of new foundations has important scientific and practical significance, some of which have received their legislative consolidation for the first time.

The article proposed to the reader examines the general issues of distinguishing criminal behavior from non-criminal behavior, as problems of criminal law regulation. Some legislative changes and additions are proposed.

Keywords: crime, responsibility, lawful behavior, deterministic levels of criminal responsibility.

DOI 10.24412/1829-0450-2025-1-149-170
УДК 347.43

Поступила: 20.02.2025г.
Сдана на рецензию: 26.02.2025г.
Подписана к печати: 13.03.2025г.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ, СВЯЗАННЫХ С ИЗМЕНЕНИЕМ И ПРЕКРАЩЕНИЕМ ЛИЗИНГОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

А.В. Каграманян

*Российско-Армянский (Славянский) университет
ghahramanyanaram@gmail.com
ORCID:0009-0006-6611-7721*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена некоторым проблемам, связанным с изменением и прекращением лизинговых обязательств. В результате исследования установлено, что законоположения по рассматриваемым вопросам не всегда способны полноценно защитить интересы участников лизинговых правоотношений и способствовать активизации развития лизинга в нашей стране. В статье представлены предложения, которые могут способствовать решению правоприменительных проблем, возникающих в связи с изменением и расторжением лизинговых обязательств. Указанные предложения в условиях несовершенства законодательства и отсутствия отечественной прецедентной практики по лизинговым делам, на наш взгляд, представляют интерес. Предложенные рекомендации, вытекающие из анализа проблем, также могут быть использованы для совершенствования действующего законодательства.

Ключевые слова: лизинг, купля-продажа, договор лизинга, существенное нарушение договора, расторжение и изменение договора.

Введение

Активное развитие рыночной экономики в нашей стране требует большого количества финансирования в разных сферах производства,

в чем велика роль лизинга. Использование лизинга особенно актуально для малого и среднего бизнеса, которому зачастую сложно привлечь крупные инвестиции. Развитие лизинга, безусловно, требует наличия эффективной правовой базы, обеспечивающей четкость и полноту его регулирования, в связи с чем рассмотрение проблем изменения и прекращения лизинговых обязательств является весьма актуальным. Как и другие договорные обязательства, лизинговые обязательства также по общему правилу подлежат исполнению на условиях, изначально согласованных сторонами, односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий не допускаются. Однако в процессе исполнения обязательств иногда возникает необходимость изменения и прекращения лизинговых правоотношений. Изменение и расторжение договора лизинга связано также с нарушениями исполнения обязательств со стороны лизингодателя и лизингополучателя. В результате принятия закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Республики Армения» от 18 июня 2020г. НО-316-N, 6-ой параграф главы 35-ой Гражданского кодекса Республики Армения, посвященной лизингу, изложен в новой (ныне действующей) редакции. Внесены существенные изменения в правовой институт лизинга, в частности, одностороннее расторжение договора лизинга урегулировано по-новому, предусмотрены специальные основания для расторжения договора. В исследовании были учтены указанные изменения. Имея в виду, что для реализации договора лизинга необходимо надлежащее исполнение договора купли-продажи предмета лизинга, изменение и расторжение которого непосредственно влияют на дальнейшее исполнение обязательств, вытекающих из договора лизинга, вопросы изменения и расторжения договора купли-продажи предмета лизинга также стали предметом исследования.

Нормы, регулирующие упомянутые вопросы, проанализированы с точки зрения их соответствия практике применения договора лизинга, соблюдения требований, предъявляемых нормативным правовым актам.

Цель исследования: выявить актуальные проблемы, связанные с правовым регулированием, а также правоприменительной практикой

изменения и прекращения лизинговых обязательств, предложить пути устранения выявленных недостатков.

Для достижения указанной цели ставятся следующие задачи: проанализировать законоположения, касающиеся оснований и специфики одностороннего изменения и расторжения договора лизинга в современных условиях, показать взаимообусловленность прав, обязанностей и ответственности лизингодателя, лизингополучателя в лизинговых правоотношениях.

Из общенаучных методов применялись анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия и др. Среди специальных юридических методов использовались сравнительно-правовой, толкование правовых норм и юридических конструкций, системно-структурный, историко-правовой и другие методы.

Основная часть

Частью 1-ой ст. 466 Гражданского кодекса Республики Армения (далее – также Кодекс) предусматривается, что изменение и расторжение договора возможно по соглашению сторон, если иное не предусмотрено законом или договором. Частью 2-ой той же статьи устанавливается, что по требованию одной из сторон договор может быть изменен или расторгнут по решению суда только при существенном нарушении договора другой стороной или в иных случаях, предусмотренных законом или договором. Согласно ч. 3 той же статьи, в случае одностороннего отказа от исполнения договора полностью или частично, когда такой отказ допускается законом или соглашением сторон, договор считается, соответственно, расторгнутым или измененным.

В результате внесенных в 2020 году изменений в Кодекс вопросы, связанные с расторжением договора лизинга, урегулированы в отдельной статье (ст. 684.5). В связи с этим проблемы изменения и расторжения договора лизинга рассматриваются в свете данных оснований с учетом особенностей лизинговых отношений.

По сути, внесение изменений в договор лизинга и его расторжение по взаимному соглашению сторон – лизингодателя и лизингополучателя, не имеют каких-либо существенных особенностей. Что касается изменения и расторжения по взаимному соглашению договора купли-продажи, заключенного между лизингодателем и продавцом на основании договора лизинга, то здесь уже проявляются особенности лизинговых отношений.

Так, особенно в ситуации, когда предмет лизинга ввозится из-за границы, передача соответствующего имущества лизингополучателю может занять даже несколько месяцев (о чем лизингополучатель и лизингодатель могут также договориться в самом договоре лизинга). В этот продолжительный период могут возникнуть такие обстоятельства, в результате которых окажется необходимым внести изменения в договор купли-продажи, уже заключенный между лизингодателем и продавцом, или даже расторгнуть его (например, изменение места приемки имущества лизингополучателем, существенное нарушение обязанности лизингодателя по оплате, существенное изменение цены товара и т.д.). В подобных случаях, учитывая важность исполнения договора купли-продажи для договора лизинга, возникает логичный вопрос: обладают ли лизингодатель и продавец «абсолютной» свободой в вопросах изменения и расторжения договора купли-продажи предмета договора лизинга после его заключения?

В связи с этим целесообразно обратиться к высказанным в литературе позициям о том, что договор купли-продажи предмета лизинга представляет собой договор в пользу третьего лица – лизингополучателя.

Например, В.В. Витрянский отмечает, что специфика лизинговых отношений (тесная взаимосвязь договоров купли-продажи и аренды) как раз и состоит в том, что договор купли-продажи лизингового имущества, благодаря специальным правилам о договоре финансовой аренды (лизинга), изначально конструируется по модели договора в пользу третьего лица. Данное обстоятельство ни в коей мере не приводит к какой-либо трансформации самостоятельного обязательства, вытекающего из договора купли-продажи, сращиванию его с обязательством из договора аренды и образованию тем самым единого обязательства на основе единой же трехсторонней сделки [1].

А.А. Иванов считает, что по договору лизинга лизингодатель возлагает на продавца часть своих обязанностей. При этом речь идет о специфическом случае возложения исполнения на третье лицо, когда перед кредитором (лизингополучателем) по прямому указанию закона ответственным становится только исполнитель (продавец). Договор купли-продажи, в свою очередь, выступает как договор в пользу третьего лица – лизингополучателя [2].

По мнению Ю.В. Абрамова, в лизинговой конструкции лизингополучатель – это лицо, в пользу которого заключается договор купли-продажи лизингового имущества, а продавец – лицо, на которого возлагается обязанность по передаче лизингополучателю имущества [3].

Против указанных позиций выдвигаются веские возражения. В частности, отмечается, что договор в пользу третьего лица не порождает для последнего обязанностей, тогда как лизингополучатель несет обязанности, предусмотренные для покупателя. Кроме этого, кредитор по договору в пользу третьего лица может воспользоваться вытекающими из договора правами лишь в случае отказа от него третьего лица, тогда как лизингодатель, будучи солидарным с лизингополучателем, вправе предъявить требование к продавцу в полном объеме. Также отмечается, что имущество по договору купли-продажи становится собственностью лизингодателя, а не лизингополучателя, поэтому сам по себе договор купли-продажи в таком случае заключается в пользу лизингодателя, передача же имущества лизингополучателю происходит уже не в связи с договором купли-продажи, а на основании договора лизинга. Статус лизингополучателя не соотносится с понятием третьего лица в том числе и потому, что обязательство не может создавать обязанности для третьих лиц, между тем лизингополучатель приобретает также специфические для покупателя обязанности. Исходя из этого, делается вывод, что лизингодатель и лизингополучатель по договору купли-продажи предмета договора лизинга совместно выступают в качестве сторон по договору купли-продажи, создавая в обязательстве множественность лиц на стороне покупателя [4]. Попытки провести параллели между куплей-продажей при лизинге и договором в пользу третьего лица приводят к противоречию,

выражающемуся в том, что согласие третьего лица принять выговоренное в его пользу право оказывается выраженным ранее возникновения самого права, между тем в договорах в пользу третьего лица намерение третьего лица может быть выражено лишь только после возникновения права, предоставленного ему данным договором [5].

Соглашаясь с тем, что договор купли-продажи предмета лизинга как в теоретическом смысле, так и в смысле ст. 446-й Кодекса не может рассматриваться как классический договор, заключенный в пользу третьего лица, все же считаем, что полностью игнорировать наличествующее здесь внешнее сходство также не следует. Речь идет о том, что продавец, письменно извещенный лизингодателем о цели передачи предмета лизинга лизингополучателю, своим волеизъявлением на продажу имущества признает обстоятельство приобретения статуса покупателя по договору купли-продажи и соответствующих прав, что обеспечено также нормами, предусматривающими прямую ответственность продавца перед лизингополучателем (ст. 678 Кодекса). Кроме того, лизингодатель и продавец, заключая договор, чутко осознают, что материальный объект этого договора подлежит передаче субъекту, не являющемуся стороной данного договора, – лизингополучателю, и что именно он (лизингополучатель) будет использовать этот объект. Более того, из содержания второго предложения ч. 1 ст. 678 Кодекса вытекает, что лизингополучатель с согласия лизингодателя также имеет право расторгнуть договор купли-продажи предмета лизинга, заключенный с продавцом.

Следовательно, считаем, что договор купли-продажи предмета договора лизинга содержит некоторые элементы правового режима договора в пользу третьего лица. В договорах в пользу третьего лица права третьего лица в определенной степени доминируют над правами кредитора, поскольку, к примеру, по общему правилу с момента выражения намерения третьим лицом стороны не могут изменить или расторгнуть договор без его согласия. Таким образом, не говоря о перемене лиц в обязательстве, мы можем говорить о появлении совершенно новой фигуры – третьего лица – доминирующего кредитора, который

не заменяет кредитора в основном обязательстве, а лишь «подменяет» его, происходит квазизамена, а не перемена лиц в обязательстве [6].

Исходя из сказанного, полагаем, что при внесении изменений в договор купли-продажи предмета лизинга либо его расторжении, заключенный между лизингодателем и продавцом на основании договора лизинга, его стороны – лизингодатель и продавец – должны учитывать и права, и интересы лизингополучателя, поскольку именно по инициативе последнего возникает лизинговое правоотношение, и в конечном итоге именно ему должно быть предоставлено имущество, являющееся предметом данного договора купли-продажи. Лизингополучатель, по закону обладая характерными признаками статуса покупателя, не должен оставаться в пассивной роли и в вопросах контроля над дальнейшей динамикой договора купли-продажи касательно его изменения или расторжения.

Следовательно, лизингополучателю необходимо предоставить также право своим волеизъявлением влиять на соглашение о внесении изменения или расторжении договора купли-продажи, заключенного между лизингодателем и продавцом.

Чтобы лизингополучатель мог выразить свою позицию касательно соглашения об изменении или расторжении договора купли-продажи, он, разумеется, должен быть уведомлен о заключении такого соглашения. Следовательно, лизингодатель, который связан договорными отношениями с лизингополучателем, обязан предварительно уведомить лизингополучателя о предстоящем взаимосогласованном с продавцом изменении или расторжении договора купли-продажи. После уведомления лизингополучатель может отреагировать по-разному, вследствие чего, на наш взгляд, возможны следующие варианты.

1. Если лизингополучатель согласен на внесение изменений в договор купли-продажи предмета договора лизинга по взаимному соглашению лизингодателя и продавца, то договор лизинга продолжает действовать в соответствии с измененным договором купли-продажи.

2. Если лизингополучатель согласен на расторжение договора купли-продажи предмета лизинга, то в таком случае дальнейшее исполнение договора лизинга, полагаем, будет зависеть от того, у кого находится предмет лизинга на момент расторжения.

Соответственно:

- если на момент расторжения предмет договора лизинга еще не передан лизингодателю и находится у продавца, то обязательства по договору лизинга должны прекратиться на основании ст. 432 Кодекса (невозможность исполнения);
- если же предмет лизинга уже был передан лизингодателю или лизингополучателю, то договор лизинга, по сути, может продолжать действовать, однако в этом случае лизингополучатель уже не вправе предъявлять требования к продавцу по договору купли-продажи.

3. Если лизингополучатель после уведомления возражает против изменения или расторжения договора купли-продажи предмета договора лизинга по взаимному согласию лизингодателя и продавца, то, на наш взгляд, лизингодатель и продавец должны продолжать исполнение договора купли-продажи на первоначальных условиях, однако с той оговоркой, что обязанность по возмещению убытков, вызванных исполнением договора купли-продажи на данных условиях, будет нести лизингополучатель.

В контексте вышеизложенного считаем, что позиция лизингополучателя также должна быть учтена. В итоге, если договор купли-продажи будет изменен, то договор лизинга продолжит действовать в соответствии с условиями измененного договора купли-продажи. Если будет расторгнут договор купли-продажи, то опять учитывая положение ч. 4 ст. 469 Кодекса и то, у кого находится предмет лизинга на момент расторжения, договор лизинга может продолжать действовать или лизинговые обязательства будут прекращены.

Далее обратимся к особенностям и проблемам одностороннего расторжения и изменения договора лизинга по инициативе одной из сторон.

Статья 684.5 Кодекса предусматривает право сторон на одностороннее расторжение договора лизинга при нарушении обязательств другой стороной. По требованию лизингодателя договор лизинга может быть расторгнут в одностороннем порядке, если:

- 1) использование лизингополучателем предмета лизинга не соответствует условиям договора лизинга или назначению предмета лизинга;

2) лизингополучатель препятствует лизингодателю в осуществлении контроля за предметом лизинга;

3) лизингополучатель в установленный договором лизинга срок периодически или более двух раз подряд не выплачивал установленную договором очередную сумму лизингового платежа, если договором не предусмотрено иное (ч. 1 ст. 684.5).

По требованию лизингополучателя договор лизинга может быть расторгнут в одностороннем порядке, если:

1) лизингодатель не предоставил предмет лизинга во владение и пользование лизингополучателя с просрочкой в 30 дней после установленного договором срока, если просрочка возникла по вине лизингодателя, а также если договором не предусмотрено иное;

2) лизингодатель не осуществил основной ремонт предмета лизинга, если согласно закону или договору это является его обязанностью (ч. 2 ст. 684.5).

Из формулировки ст. 684.5 Кодекса, однако, неясно, является ли статья специальной. Неопределенность вызывает также использование словосочетания «одностороннее расторжение договора», что не согласуется со статьей 466 Кодекса, предусматривающей внесудебную процедуру реализации расторжения или изменения договора в случае одностороннего отказа от исполнения договора полностью или в части. Вероятно, это результат смешения различных, отличающихся друг от друга процедур расторжения или изменения договора, допущенного разработчиками проекта закона и законодателем.

Следует отметить, что ранее положения ст. 466 ГК РА были идентичны с положениями ст. 450 ГК РФ. Ныне действующая ст. 450.1 ГК РФ (введена Федеральным законом от 08.03.2015 N 42-ФЗ), посвященная одностороннему отказу¹ [7] (исполнению договора), предусматривает внесудебный порядок расторжения договора, который может быть осуществлен уполномоченной стороной путем уведомления

¹ В данном случае слово «односторонний» лишь подчеркивает, что расторжение происходит без согласия другой стороны, ибо судебное расторжение также имеет односторонний характер. См.: Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации, изд. второе, дополненное, Коллектив авторов, под. ред. А.Г. Карапетова (автор комментария к ст. 453 ГК РФ- А.Г. Карапетов), М.: М-Логос, 2020. С. 1176.

другой стороны об отказе от договора, а договор прекращается с момента получения данного уведомления, при этом п. 3 ст. 450 ГК РФ был исключен. Все же, принимая во внимание данные неясности, а также подход законодателя, который относит лизинг к разновидности аренды, можно предположить, что в основе статьи 684.5 Кодекса лежат положения статей 622 и 623 Кодекса, предусматривающих основания для досрочного расторжения договора аренды по требованию арендатора или арендодателя в судебном порядке. Судебный порядок расторжения прописан в ч. 2 ст. 466 Кодекса.

Кстати, в отечественной договорной практике договоры лизинга предусматривают внесудебный порядок одностороннего расторжения договора, в основе которого, по сути, заложено положение, предусмотренное частью 3 ст. 466 Кодекса. Согласно этому положению, в случае одностороннего отказа от исполнения договора полностью или частично, когда такой отказ допускается законом или соглашением сторон, договор считается соответственно расторгнутым или измененным.

На наш взгляд, подобный подход в договорной практике лизинга выглядит более правильным, но формально не вытекает из действующего законодательства, которое считает лизинг разновидностью аренды. А как известно, договор аренды в соответствии с Кодексом может быть расторгнут по требованию арендодателя или арендатора только в судебном порядке.

С учетом вышеизложенного предлагаем:

1. Переименовать заголовок ст. 684.5 Кодекса «Расторжение договора лизинга» на заголовок «Отказ от договора лизинга».

2. Первое предложение в ч. 1 ст. 684.5 Кодекса предлагаем изложить в следующей редакции: «Лизингодатель и лизингополучатель вправе отказаться от договора лизинга, если». Первое предложение в части 2 данной статьи исключить.

3. Предусмотреть процедуру одностороннего отказа от договора лизинга, установив, что право на отказ от договора может быть осуществлено уполномоченной стороной путем уведомления другой стороны об отказе от договора лизинга. Договор лизинга прекращается с момента получения данного уведомления, если иное не предусмотрено договором.

В результате вышеуказанных изменений договор будет считаться расторгнутым во внесудебном порядке, что не препятствует не согласной с расторжением договора стороне в судебном порядке оспорить его правомерность.

Указанные предложения логически вытекают из тезиса о том, что лизинг не следует считать отдельным видом аренды, а его нужно рассматривать в качестве самостоятельного вида договора, используемого в сфере финансовых услуг [8].

Отметим, что в настоящее время в развитых странах, в актах унификации частного права именно механизм отказа от нарушенного договора в внесудебном порядке стал в основном общим правилом для расторжения нарушенного договора. Это в значительной степени упрощает защиту прав, тогда как судебный порядок требует много времени и средств, что особенно невыгодно для делового круга гражданского оборота.

Внесудебный односторонний отказ от договора практикуется также в Российской Федерации.

Как уже отмечалось, договор по требованию одной из сторон может быть изменен или расторгнут в судебном порядке в случае существенного нарушения договора другой стороной. Кодекс предусматривает, что существенным признается такое нарушение договора одной из сторон, которое влечет для другой стороны ущерб, в значительной степени лишаящий ее того, на что она вправе была рассчитывать при заключении договора (ч. 2 ст. 466 Кодекса).

В некоторых случаях закон прямо определяет, какие нарушения признаются существенными. Частью 2-ой и частью 3 538-ой статьи Кодекса, например, предусмотрены конкретные случаи существенного нарушения договора поставки со стороны поставщика и покупателя. Критерии существенности нарушения могут быть оговорены и в самом договоре. Если в законе или договоре такие критерии отсутствуют, то вопрос о существенности или несущественности нарушения решает суд, исходя из всех обстоятельств конкретного дела.

Следует отметить, что в теории вопрос о критериях существенности нарушения договора дискутируется достаточно широко [9].

В.В. Витрянский, подчеркивая абстрактность понятия «существенное нарушение договора» (в контексте анализа договора аренды), указывает, что конкретные основания для досрочного расторжения договора по требованию арендодателя и арендатора, как правило, носят характер расшифровки понятия «существенное нарушение договора» [10]. А. Г. Карапетов отмечает: «Когда закон или договор предоставляют одной из сторон право на отказ от договора в связи с нарушением и при этом не оговаривают прямо, что для законности такого отказа нарушение должно быть существенным, требование существенности нарушения тем не менее все равно должно подразумеваться. Этот критерий является универсальным ограничителем права на расторжение нарушенного договора, и его применение не должно зависеть от того, расторгается ли договор в судебном порядке или в порядке одностороннего отказа от договора. Данный критерий изобретен в зарубежном праве именно для ограничения права на отказ от договора» [11].

Кассационный суд Республики Армения разъяснил, что используемое в данной норме Кодекса слово «значительно» является оценочной категорией и в каждом конкретном случае должно оцениваться, исходя из характера и объема тех ожиданий, которых лишена сторона, предъявляющая требование о расторжении договора [12].

Статья 7.3.1 (Право на прекращение договора) Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА (UNIDROIT Principles) 2016 года гласит: «(1) Сторона может прекратить договор, если неисполнение договорного обязательства другой стороной является существенным. (2) При определении, является ли неисполнение обязательства существенным, во внимание должно быть принято, в частности: (а) существенно ли неисполнение лишает потерпевшую сторону того, что она имела право ожидать в соответствии с договором, кроме случаев, когда другая сторона не предвидела и не могла разумно предвидеть такой результат; (b) имеет ли принципиальный характер с точки зрения договора строгое соблюдение неисполненного обязательства; (с) является ли неисполнение умышленным или совершено по небрежности; (d) дает ли неисполнение потерпевшей стороне основание верить, что она не может полагаться на будущее исполнение

другой стороны; (е) понесет ли неисполнившая сторона несоразмерные потери в результате подготовки или осуществления исполнения, если договор будет прекращен (3). В случае просрочки потерпевшая сторона может также прекратить договор, если другая сторона не исполнит договор до истечения срока, предоставленного в соответствии со статьей 7.1.5».

Следует отметить, что в отдельных статьях Кодекса указываются специальные основания, по которым стороны вправе требовать расторжения договора, однако при этом напрямую не говорится о существенности нарушения. Между тем анализ показывает, что в подобных случаях также идет речь о существенном нарушении договора одной из сторон. К примеру можно упомянуть статьи 538, 622, 623, 696 Кодекса. К той же категории относится и ст. 684.5 Кодекса, закрепляющая специальные основания или случаи одностороннего расторжения договора лизинга по требованию лизингодателя или лизингополучателя.

Таким образом, не всякое нарушение может послужить основанием для расторжения или изменения договора лизинга, нарушение должно быть существенным. Отечественный законодатель перечислив в частях 1 и 2 ст. 684.5 Кодекса основания одностороннего расторжения договора лизинга по требованию лизингодателя или лизингополучателя, тем самым закрепил критерии существенности нарушений.

Полагаем, что по сути, пункты 1 и 2 ст. 684.5 – «нормы-презумпции» [13], указывающие на те нарушения, которые предполагаются существенными, пока нарушителем не будет доказано обратное (то есть, что нарушение не является существенным). Суд лишь проверяет факт наличия или отсутствия соответствующего нарушения; если нарушение доказано – иск о расторжении договора должен быть удовлетворен.

Данный способ толкования имеет не только теоритическую, но и практическую значимость, поскольку упрощает процесс доказывания и, следовательно, защиту гражданских прав.

Договор лизинга может предусматривать и иные основания для досрочного расторжения по требованию лизингодателя или лизингополучателя (ч. 3 ст. 684.5). При этом статья 684.5 Кодекса никоим об-

разом не лишает сторону возможности предъявить требование о расторжении договора на основании иных, не указанных в законе и договоре нарушений, однако в этом случае согласно ч. 2 ст. 466 Кодекса придется доказывать, что нарушение, допущенное другой стороной, было существенным. И если в последнем случае действует презумпция несущественности (обычности) нарушения, то в предусмотренных ст. 684.5 случаях действует презумпция существенности нарушения.

Понятие «нарушение договора лизинга» применяется в международных правовых актах и в законодательстве различных стран.

Конвенция УНИДРУА о международном финансовом лизинге 1988г. в статье 13(2) лишь бегло затрагивает вопрос существенного нарушения, ограничиваясь перечислением последствий такого нарушения, не раскрывая его сущность или конкретные проявления [14].

В то же время достаточно подробное регулирование данного вопроса **предлагает** Модельный закон УНИДРУА о лизинге [15]. В частности, статья 23 этого закона рассматривает существенное нарушение договора лизинга как основание для его расторжения, однако примечательным является упомянутое в пункте «b» части 1 статьи общее правило о том, что после доставки арендатору имущества и приемки им данного имущества арендатор по договору финансовой аренды не вправе расторгнуть договор аренды при существенном нарушении условий договора со стороны арендодателя или поставщика, но вправе воспользоваться другими средствами правовой защиты, предусмотренными соглашением сторон либо законодательством.

Далее, подпунктом «с» ч. 1 той же статьи, по сути, предусмотрено право лизингополучателя расторгать договор лизинга во всех случаях (даже после поставки предмета лизинга и получения его лизингополучателем), если арендодателем нарушаются гарантии спокойного владения имуществом, закрепленные в ст. 16 Модельного закона. Речь идет об обязанности лизингодателя обеспечить, чтобы владение лизингополучателем не было нарушено действиями третьих лиц, имеющих преобладающее право требования к лизингодателю или действующих на основании судебного акта.

По законодательству Италии, лизингодатель при существенном нарушении лизингополучателем договора имеет право расторгнуть договор финансового лизинга. При этом в качестве существенного нарушения рассматриваются, среди прочего, случаи, когда лизингополучатель не вносит арендную плату в течение шести месяцев по движимому имуществу, двух кварталов по недвижимому имуществу или четырех месяцев для иных видов имущества. На практике стороны часто устанавливают в самом договоре более короткие сроки невнесения платежей как случаи существенных нарушений. При этом в итальянском законодательстве не уточнено, могут ли другие нарушения (например, невыполнение лизингополучателем необходимых работ по сохранению имущества, что тоже часто встречается) дать лизингодателю право расторгнуть договор лизинга [16].

Примечательна в рассматриваемом контексте позиция Гражданского кодекса Грузии. В частности, в соответствии со ст. 580.5 Гражданского кодекса Грузии лизингодатель может расторгнуть договор лизинга, если лизингополучатель существенно нарушает свои обязательства. Лизингополучатель не вправе расторгнуть договор лизинга после принятия предмета лизинга, за исключением случая, когда он не в состоянии осуществлять владение предметом лизинга или право владения ограничено лицом, имеющим преобладающее право на имущество, если это право или претензии вытекают из виновных деяний лизингодателя. Во всех других случаях, когда лизингодатель существенным образом нарушает свои обязательства, лизингополучатель вправе потребовать только возмещения убытков, а не расторжения договора лизинга. [17].

Что касается Российской Федерации, то и в Гражданском кодексе РФ, и в Законе РФ «О финансовой аренде(лизинге)» отсутствуют специальные нормы об изменении и расторжении договора лизинга.

С учетом изложенного обратимся к основаниям расторжения договора лизинга в одностороннем порядке, предусмотренным ст. 684.5 Кодекса.

Норму, закрепленную в п. 3 ч. 1 ст. 684.5 Кодекса (лизингополучатель в установленный договором лизинга срок периодически или

более двух раз подряд не выплачивал установленную договором очередную сумму лизингового платежа, если договором не предусмотрено иное) в качестве основания для расторжения договора по инициативе лизингодателя (п. 3 ч. 1 ст. 684.5) считаем оправданной, поскольку главное ожидание лизингодателя от договора лизинга, и в частности, от лизингополучателя – это получение лизинговых платежей. Более того, право собственности на предмет лизинга у лизингодателя как раз и обеспечивает достижение преобладающего права на получение лизинговых платежей.

Норма, закрепленная в п. 1 ч. 1 ст. 684.5 (использование лизингополучателем предмета лизинга не соответствует условиям договора лизинга или назначению предмета лизинга), по нашему мнению, не носит очевидный и четкий характер, что может дать повод широкому толкованию, поскольку при данных формулировках практически любое, даже незначительное отклонение от условий договора может расцениваться как несоответствующее использование имущества. Это, в свою очередь, может привести к широкому усмотрению лизингодателя и злоупотреблениям данной нормой. Возможно, правильное было бы не указывать данное нарушение в качестве основания расторжения договора со стороны законодателя, оставив вопрос определения существенности нарушения на усмотрение суда.

Для сравнения отметим, что, например, в ст. 622 Кодекса в качестве оснований досрочного расторжения договора аренды по требованию арендодателя предусмотрены случаи использования имущества нанимателем с существенными или многократными нарушениями либо случай, когда наниматель существенно ухудшает состояние имущества.

Предусмотренное пунктом 2 ч. 1 ст. 684.5 Кодекса основание (лизингополучатель препятствует лизингодателю в осуществлении надзора за предметом лизинга) представляется логичным. Нарушая свою обязанность, лизингополучатель препятствует титульному собственнику имущества (лизингодателю) следить за тем, используется ли предмет лизинга по назначению. Однако и здесь, для обеспечения ясности, следовало бы конкретизировать, какие именно очевидно

серьезные действия (бездействие) лизингополучателя признаются формами препятствования (например, недопуск представителей лизингодателя на территорию лизингополучателя, непредставление документов и т.п.).

Нарушение, описанное в п. 2 ч. 2 ст. 684.5 Кодекса (лизингодатель не осуществил основной ремонт предмета лизинга, если согласно закону или договору это является его обязанностью), возможно, на наш взгляд, оперативно и без ущерба устранить, поэтому не считаем правильным и справедливым рассматривать его как правовую презумпцию существенности нарушения. Думается, что данное нарушение может быть признано судом существенным в общем порядке в свете всех вышеуказанных факторов.

При оценке нарушений со стороны лизингодателя решающее значение должно иметь обстоятельство – передано ли имущество лизингополучателю или нет. Следовательно, до передачи предмета лизинга лизингополучателю существенным нарушением может быть признан порок исполнения главного обязательства для данного этапа – неисполнение или ненадлежащее исполнение. В частности, в одном случае это может проявляться в том, что лизингодатель вообще не отправляет оферту поставщику, а в другом – в отправке оферты на имущество расходящегося от указанного лизингополучателем имущества (в данном случае факт существенности нарушения может быть установлен в момент передачи). После получения предмета лизинга от продавца лизингодатель также может допустить существенное нарушение, если без уважительных причин не предоставит этот предмет лизингополучателю. Такое основание правомерно отражено в п. 1 ч. 2 ст. 684.5 Кодекса. Если же предмет лизинга уже передан лизингополучателю, то существенным нарушением со стороны лизингодателя может рассматриваться случай, когда третьи лица, в частности кредиторы лизингодателя, представят правовые требования или притязания к предмету лизинга, а лизингополучатель не был предупрежден лизингодателем о наличии таких прав у третьих лиц (залог, сервитут и т.п.).

Полагаем, что в качестве диспозитивных оснований для одностороннего расторжения договора лизинга могут быть предусмотрены:

предмет купли-продажи, определенный лизингодателем, не соответствует выбору лизингополучателя: лизингодатель не уведомил лизингополучателя о наличии прав третьих лиц на предмет лизинга: лизингодатель распоряжается предметом лизинга без согласия лизингополучателя.

Заключение

Расторгать и изменять договор, в том числе договор лизинга, можно только при нарушении условий договора со стороны его участников. Однако не всякое нарушение может послужить основанием для одностороннего изменения и расторжения договора, нарушение должно быть существенным. Причем существенность нарушения является обязательным условием как для изменения и расторжения договора в судебном порядке, так и при одностороннем изменении и расторжении договора путем реализации права на односторонний отказ от исполнения договора. Существенность нарушения – категория оценочная. Отечественный законодатель перечислил в частях 1 и 2 ст. 684.5 Кодекса конкретные нарушения договора лизинга, являющиеся основаниями для одностороннего расторжения договора. Автором обосновано, что, по сути, пункты 1 и 2 ст. 684.5 Кодекса – «нормы-презумпции», указывающие на те нарушения договора лизинга, которые предполагаются существенными, пока нарушителем не будет доказано обратное. Был проведен подробный анализ указанных оснований.

Из формулировки ст. 684.5 Кодекса касательно процедуры расторжения договора лизинга неясно, является ли статья специальной по отношению к ч. 2 или ч. 3 ст. 466 Кодекса, какой порядок расторжения договора был установлен в данном случае – судебный или внесудебный. Между тем, в отечественной договорной практике договоры лизинга предусматривают внесудебный порядок одностороннего расторжения договора, в основе которого, по сути, заложено положение, предусмотренное частью 3 ст. 466 Кодекса.

Внесены предложения по уточнению ст. 684.5 Кодекса касательно процедуры расторжения договора лизинга.

Было показано, что изменение и расторжение договора лизинга и договора купли-продажи имеют влияние не только на конкретный договор, но и на дальнейшее действие лизинговых обязательств в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества, издание 4-е, стереотипное, М.: Изд-во «Статут», 2002. С. 339.
2. Иванов А.А. Договор финансовой аренды (лизинга). Учебно-практическое пособие, М.: «Проспект», 2001. С. 33.
3. Абрамов Ю.В. Правовое регулирование лизинговой деятельности в Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени к.ю.н. М., 2014. С. 111.
4. Торрес Ортега И.В. Договор лизинга как структурно-сложное обязательство. Диссертация на соискание ученой степени к.ю.н., М., 2011. СС. 67–68.
5. Решетник И.А. Гражданско-правовое регулирование лизинга в РФ. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, Пермь, 1998. С. 159.
6. Чурилов А.Ю. Договор в пользу третьего лица: вопросы доктрины. Актуальные проблемы экономики и права, № 4, 2016. С. 101.
7. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации, изд. второе, дополненное, Коллектив авторов, под. ред. А.Г. Карапетова (автор комментария к ст.453 ГК РФ- А.Г. Карапетов), М.: М-Логос, 2020. С. 1176.
8. Չաիրյանիյան Մ. Լիզինգի պայմանագրի տեղը քաղաքացիաիրավական պարտավորությունների համակարգում // Հանրային կառավարում գիտական հանդես, №1, Եր., 2023, էջ. 142–154.
9. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: общие положения, 4-е издание, М.: Изд-во «Статут», 2020. С. 439; Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации, изд. второе, дополненное, Коллектив авторов, под. ред. А.Г. Карапетова (автор комментария к ст. 453 ГК РФ – А.Г. Карапетов), М.: М-Логос, 2020. С. 1130; Карапетов А.Г. Основные тенденции правового регулирования расторжения нарушенного договора в зарубежном и российском гражданском праве, Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук, М., 2011. СС. 219–220.

10. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества, издание 4-е, стереотипное, М.: Изд-во «Статут», 2002. С. 269.
11. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации, изд. второе, дополненное, Коллектив авторов, под. ред. А.Г. Карапетова (автор комментария к ст.453 ГК РФ А.Г. Карапетов), М.: «Логос», 2020. С. 1131.
12. Определения Кассационного суда РА от 28.11.2014г. по делу № 67/0613/02/13 и от 07.04.2018 г. по делу № 67/0168/02/11).
13. Кузнецова О.А. Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук, Екатеринбург, 2007. СС. 235–236; Определение Кассационного суда РА от 31.10.2014г. по делу 67/0252/01/13.
14. Unidroit Convention on International Financial LEASING (Ottawa, 28 May 1988).
15. Unidroit Model Law on Leasing (2008).
16. Djalil F.. Newly Introduced Definition of Financial Lease Under Italian Law. CBA Studio Legale e Tributario, 2018. PP. 1–2.
17. Гражданский кодекс Грузии (принят 26 июня 1997 года, введен в действие с 25 ноября 1997 года).

REFERENCES

1. *Braginsky M.I., Vitryansky V.V.* Contract law. Vol.2: Contracts on the transfer of property, edition 4, M.: “Statut”, 2002. P. 339 (In Russian).
2. *Ivanov A.A.* Financial lease (leasing) agreement. Study guide, M.: “Prospect”, 2001. P. 33 (In Russian).
3. *Abramov Yu.V.* Legal regulation of leasing activities in the Russian Federation. Dissertation for the degree of candidate of law. M., 2014. P. 111 (In Russian).
4. *Torres Ortega I.V.* Leasing agreement as a structurally complex obligation. Dissertation for the degree of candidate of law. M., 2011. PP. 67–68 (In Russian).
5. *Reshetnik I.A.* Civil-legal regulation of leasing in the Russian Federation. Dissertation for the degree of candidate of legal sciences. Perm, 1998. P. 159 (In Russian).
6. *Churilov A.Y.* Contract for the benefit of a third party: doctrinal issues. Actual Problems of Economics and Law, №4, 2016. P. 101 (In Russian).
7. Contract law (general part): article-by-article commentary to articles 420–453 of the Civil Code of the Russian Federation, second edition, supplemented, Collective of authors, edited by A.G. Karapetyan (author of the commentary to

- Article 453 of the Civil Code of the Russian Federation – *A. Karapetyan*), M.: “M-Logos”, 2020. P. 1176 (In Russian).
8. *Ghahramanyan A.* The place of the leasing contract in the system of Civil-law obligations. Public administration, Yerevan, №1, 2023. PP. 142–154 (In Armenian).
9. *Braginsky M., Vitryansky V.* Contract law: general provisions, 4th edition, Moscow: Statut Publishing House, 2020. P. 439 (In Russian); Contract law (general part): article-by-article commentary to articles 420–453 of the Civil Code of the Russian Federation, second edition, supplemented, Collective of authors, edited by A.G. Karapetyan (author of the commentary to Article 453 of the Civil Code of the Russian Federation – *A.G. Karapetyan*), M.: “M-Logos”, 2020. P. 1130 (In Russian); *Karapetov A.* Main trends in legal regulation of termination of a breached contract in foreign and Russian civil law, Dissertation for the degree of Doctor of Law, M., 2011. PP. 219–220 (In Russian).
10. *Braginsky M., Vitryansky V.* Contract law. Vol.2: Contracts on the transfer of property, edition 4, M.: “Statut”, 2002. P. 269.
11. Contract law (general part): article-by-article commentary to articles 420–453 of the Civil Code of the Russian Federation, second edition, supplemented, Collective of authors, edited by *A.G. Karapetyan* (author of the commentary to Article 453 of the Civil Code of the Russian Federation – *A.G. Karapetyan*), M.: “M-Logos”, 2020. P. 1131 (In Russian).
12. Rulings of the Cassation Court of the Republic of Armenia dated 28.11.2014 on case No. ԾԴ/0613/02/13 and dated 07.04.2018 on case No. ԵԱԾԴ/0168/02/11).
13. *Kuznetsova O.A.* Specialized norms of Russian civil law: theoretical problems. Dissertation for the degree of Doctor of Law, Yekaterinburg, 2007. PP. 235–236 (In Russian); Determination of the Cassation Court of the Republic of Armenia, dated 31.10.2014 in case ԵԿԴ/0252/01/13.
14. Unidroit Convention ON International Financial Leasing (Ottawa, 28 May 1988).
15. Unidroit Model Law on Leasing (2008).
16. *Dialti F.* Newly Introduced Definition of Financial Lease Under Italian Law. CBA Studio Legale e Tributario, 2018. PP. 1–2.
17. Civil Code of Georgia (adopted on June 26, 1997, entered into force on November 25, 1997).

**ABOUT SOME PROBLEMS RELATED TO MODIFICATION
AND TERMINATION OF LEASING OBLIGATIONS**

A. Ghahramanyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The article addresses some issues related to the modification and termination of leasing obligations. The study finds that the legal provisions concerning these matters are not always capable of fully protecting the interests of the parties involved in leasing relationships and promoting the active development of leasing in our country. The article presents proposals, which can contribute to the solution of law enforcement issues, arising in connection with modification and termination of leasing obligations. In conditions of imperfection of legislative framework and absence of domestic case law on leasing matters, these proposals, in our view, are of interest. The recommendations derived from the analysis may also be used to improve the existing legislation.

Keywords: leasing, leasing agreement, fundamental breach of the contract, modification and termination of the contract.

ЛИНГВИСТИКА

DOI 10.24412/1829-0450-2025-1-171-182

УДК 81

Поступила: 04.12.2024г.

Сдана на рецензию: 06.12.2024г.

Подписана к печати: 21.02.2025г.

МНОГОЯЗЫЧНОСТЬ И ЕЕ РОЛЬ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

К.Р. Матинян

Российско-Армянский (Славянский) университет

karlenmatinyan@gmail.com

ORCID: 0009-0007-2399-4182

АННОТАЦИЯ

В статье затронута проблема мультилингвизма, столь важная в современную эпоху глобализации. Интеллектуальная и психологическая способность восприятия индивидом, в нашем случае студентом, поликультурной информации – благодаря знанию двух или более иностранных языков, а также культурных традиций носителей этих языков, – дает ему возможность преодоления коммуникативных барьеров и налаживания партнерских отношений с разными фирмами и организациями во всем мире.

Здесь анализируются механизмы интерференции, т.е. переключения с одного языка на другой, которые могут помочь студенту найти наиболее подходящий вариант выражения своей мысли на нужном языке и извлечь максимальную выгоду из собственной мультилингвальной компетентности. Основываясь на результатах исследований специалистов, а также на собственном практическом

опыте, обосновывается тезис о том, что мультилингвы обрабатывают любую информацию быстрее и эффективнее, чем монолингвы.

Ключевые слова: многоязычность, эпоха глобализации, монолингвы, мультилингвы, межкультурные барьеры, мультилингвальная компетентность, лингвоструктура.

В мире, существование в котором становится все более взаимосвязанным и взаимозависимым, многоязычие открывает практически безграничные возможности, облегчает межкультурный обмен, способствует развитию многовекторных экономических и политических связей. Умение выражать свои мысли на нескольких языках предполагает в то же время знание менталитета и особенностей языкового мышления данного общества, а это, в свою очередь, дает возможность отдельным фирмам и организациям, в которых работают специалисты-мультилингвы, в эпоху глобализации напрямую налаживать контакты с партнерами из разных стран. Независимо от нашего желания, мир превращается в одно глобальное целое, и возникает необходимость изучения различных культур, и многоязычное образование может сыграть здесь решающую роль. Знание языка и культурно-исторических традиций той или иной страны в наше время становится важнейшей предпосылкой восприятия поликультурной информации и помогает избежать недопониманий в межкультурном общении.

Проблема многоязычия и межкультурного общения особенно важна для семей мигрантов и для студентов, желающих продолжить образование за рубежом. В обоих случаях это не просто незаменимое преимущество, а первейшая необходимость. К этой проблеме обращается исследователь Клэр Крамиш, затрагивающая вопросы адаптации мигрантов к новой языковой и культурной среде [1].

В этом свете, задача преподавателей иностранных языков – не только стремиться довести уровень знания второго иностранного языка до уровня первого, основного языка, но и наглядно показать студентам общность и взаимосвязь между языками, механизмы «перебрасывания мостов» от одного языка к другому, преимущество значительно

более быстрого овладения вторым (третьим и т.д.) иностранным языком при усвоении механизмов взаимосвязи между ними.

Специфика нашего (Российско-Армянского) университета диктует также необходимость «налаживания» связи двух «родных» языков с двумя иностранными. Известно, что многие армянские студенты – в силу социально-исторических обстоятельств – билингвы: они родились в Российской Федерации или с детства жили в русскоязычной среде, а значит русский язык для них такой же родной, как и армянский. Даже больше: часто знание армянского языка у них ограничено рамками повседневной бытовой разговорной речи в кругу семьи. И потому появляется необходимость параллельного «налаживания» механизма взаимосвязи и взаимодополняемости также двух языков, носителями которых они являются – русского и *литературного*, «*университетского*», армянского.

С другой стороны, эта изначальная билингвальность имеет свои преимущества при изучении иностранных языков, что мы рассмотрим чуть ниже.

Многоязычие можно разделить на внутреннее и внешнее. Внутреннее многоязычие относится к различным диалектам и языковым вариантам внутри страны. Это означает, что люди способны понимать и говорить на разных региональных, диалектных вариантах языка.

Примером внутреннего многоязычия является немецкий язык, который включает в себя множество различных диалектов – таких, как швабский, баварский, но и литературный немецкий. Даже в такой небольшой стране, как Армения, существует множество диалектов и говоров. Люди, выросшие в такой среде, имеют возможность изучать и использовать различные региональные варианты родного языка.

Внешнее же многоязычие, как уже подсказывает сам термин, подразумевает владение разными национальными языками. Это уже затронутый нами билингвизм, связанный с миграционными процессами или случаями, когда родители принадлежат к разным национальным группам. В той же Германии в настоящее время проживают люди из примерно 190 стран. С учетом того, что в мире сейчас официально насчитывается 193 признанных государства, можно утверждать, что в

Германии живут люди почти со всех стран мира. А, в целом, согласно статистике, примерно 65% населения планеты владеет несколькими языками, т.е. способно говорить более чем на одном языке в повседневной жизни.

Казалось бы, преимущество и польза многоязычности являются бесспорными, но иногда это ставится под сомнение. Делаются попытки найти аргументы против эффективности многоязычности студентов. Однако более близкое рассмотрение этого вопроса подводит скорее к обратным выводам. Об этом свидетельствуют и статистические исследования западноевропейских и американских ученых [2]. Противниками мультилингвальности выдвигается тезис о том, что активный словарь многоязычного студента значительно меньше, и в итоге он не сможет на должном уровне говорить ни на одном из языков, которыми владеет, во всяком случае будет говорить хуже, чем монолингвы [3]. Однако практика опровергает подобное предположение, так как при подобном сравнении необходимо учесть весь словарный запас, то есть все языки, на которых говорит студент. В итоге, получается обратная картина.

Практика показывает, что многоязычное образование способствует как когнитивному, так и креативному развитию студента, повышению эффективности усвоения разных языков, улучшению памяти, адекватному межкультурному восприятию реалий другой страны, другого народа. Многоязычные студенты лучше сохраняют и запоминают информацию, потому что они тренируют свой мозг, переключаясь с одного языка на другой, запоминать слова и использовать различные грамматические правила, так как переключение с одного языка на другой – это особая способность и отдельная функция мозга. Вопрос преимущества студентов-билингвов и мультилингвов – основная тема научного исследования Вайорики Мерион и Энтони Шука [4].

Так, к примеру, если студенты немецкого отделения, для которых английский является вторым иностранным языком, встречаются в новом тексте слово *misunderstanding*, им не стоит труда понять как структуру, так и значение этого слова, потому что им «на помощь» приходит немецкий эквивалент данной лексемы – *Mißverständnis*:

коннотация приставки, а значит, и всего слова – *misunderstanding* – им сразу становится понятной. Но надо учесть тот факт, что в данном случае речь идет о двух *германских* языках, между которыми – и в грамматическом, и в чисто лексическом плане – есть много общего.

Иначе обстоит дело при переводе и толковании этой же лексемы на армянском и русском языках. Если в немецком и английском языках это слово в первую очередь обозначает процесс, указывающий на неправильную (но не намеренную) интерпретацию того или иного высказывания, то русский перевод этого слова (*недоразумение*) показывает ситуацию, возникшую в результате этого процесса. В армянском же языке существуют оба этих варианта: *թյուրմիտմանը և թյուրմիտմանը* (*неправильное, искаженное понимание какого-либо высказывания*). Хорошо владея обоими «родными» языками, а также, по крайней мере, одним из указанных иностранных языков, студент может охватить все семантическое поле этого слова, равно как и всех немецких и английских слов с приставкой *miß-* (*mis-*).

Однако бывают случаи, когда взаимосвязь между грамматическими категориями армянского или русского языка с немецким или английским более наглядна и более продуктивна в плане усвоения того или иного грамматического явления, чем взаимосвязь между названными германскими языками. Примером может служить грамматическое и смысловое совпадение некоторых глагольных временных форм указанных языков. Рассмотрим разные временные формы английских глаголов в группе *continuous* и их соответствующие эквиваленты в немецком, армянском и русском языках.

Так, *настоящее продолженное* в английском – *present continuous* – не может быть четко понято на остальных рассматриваемых языках без применения наречия времени:

– I am going to school.

На всех трех остальных языках возникает необходимость постановки вопроса: *сейчас* или *вообще*? Если отсутствует какое-либо наречие времени, то при переводе на армянский или немецкий язык переводчик вынужден со своей стороны добавить наречие или словосочетание, указывающее на то, что действие находится в процессе.

В русском языке есть возможность альтернативного выбора: для *настоящего продолженного* – я *иду* (а в случае *настоящего простого* – я *хожу*) *в школу*. В армянском и немецком такой альтернативы нет, и потому для различения *настоящего продолженного* от *настоящего простого*, в первом случае необходимо использовать наречие времени, а во втором – заменить буквальный перевод слова *go* (*идти/ходить*) на синонимичное *посещать*:

– Ես հաճախում եմ դպրոց: (арм.)

– Ich besuche die Schule. (нем.)

Теперь рассмотрим то же самое предложение на английском языке в *прошедшем продолженном* (*past continuous*):

– I was going to school.

Армянский (*գնում էի*) и русский (я *шел*) переводы полностью эквиваленты оригиналу, чего нельзя сказать о немецком переводе – *ging*, которое скорее близко к английскому *went* (арм. *գնացի* – и рус. *пошёл*). Таким образом, знание армянского и/или русского может помочь правильно воспринять смысл приведенного английского предложения, а еще важнее – суть и значение глагольной временной формы *past continuous*.

Иначе обстоит дело с будущим временем, т.е. – *будущее продолженное* (*future continuous*):

– I shall be going to school.

Немецкий перевод данного предложения опять не передает смысловую парадигму английского оригинала глагола в этой временной форме: *Ich werde in die Schule gehen* – имеет два варианта перевода: «Я пойду в школу» и «Я буду ходить в школу», но ни один из них не передает точное значение оригинала, не указывает на то, что действие будет в процессе в определенном отрезке времени в будущем. Но ведь в этом основная суть и основная цель данной временной формы английского оригинала.

Русский вариант перевода этой временной формы скорее амбивалентен, чем эквивалентен по отношению к оригиналу: «Я буду идти в школу» – не совсем четко передает семантику оригинала, которую возможно передать на русский лишь изменив и дополнив конструкцию предложения: «в это время я буду на пути в школу».

Иное дело – армянский вариант перевода, который является полноправным эквивалентом английского: *Եւ գնալիս կրկնեւ դարոց*, и который уже изначально содержит в себе коннотацию конкретного отрезка времени в будущем: *այդ ժամանակ / այդ պահին – в это время / в этот момент*.

Не менее интересно соотношение эквивалентности переводных значений временных форм английских глаголов в группе *Perfect* (*совершенная форма*). Здесь налицо абсолютная эквивалентность обоих германских языков – английского и немецкого – как в прошедшем, так и в настоящем и будущем временах. Та же самая конструкция предложений, тот же самый принцип их построения, причем с применением того же самого вспомогательного глагола *have* (англ.) / *haben* (нем.) и той же формы Причастия II (Participle II / Partizip II).

Настоящее совершенное (Present Perfect):

– I have read this book.

– Ich habe dieses Buch gelesen.

В обоих случаях налицо совершенное, завершённое действие, результат которого очевиден в настоящем.

В русском переводном варианте сохраняются и суть, и значение оригинала: совершенное действие и его очевидный результат – *Я прочел эту книгу* (т.е. я знаю его содержание).

То же самое с полным правом можно сказать об армянском переводном варианте: *Եւ կարդացել եւ այդ գիրքը (գրեւել րիւնիւնիւնը)*. Однако преимущество армянского эквивалента заключается в том, что, несмотря на большую разницу грамматических категорий армянского языка по отношению к затрагиваемым нами германским языкам, между ними, в данном случае, есть существенная схожесть: в армянском, как и в английском/немецком варианте, основной смысловой глагол используется в форме причастия – с «сопровождающим» вспомогательным глаголом (*կարդացել եւ*), которого нет в русском варианте. И именно наличие вспомогательного глагола в армянском (как и в английском и немецком) дает преимущество по отношению к русскому при построении других временных форм этой группы, в чем убедимся ниже.

Прошедшее совершенное (Past Perfect):

– I had read this book.

– Ich hatte dieses Buch gelesen.

Русский переводный вариант в этом случае не претерпевает никакого изменения, полностью сохраняя форму и значение *Настоящего совершенного*: *Я прочел эту книгу.*

И дело не только и не столько в том, что русский переводный вариант, в отличие от английского, немецкого и армянского, не отражает значение давно совершенного действия, а в первую очередь в том, что он «выпадает» из той цепи, той грамматической схемы, которую мы называем *Согласование времен (Sequence of Tenses)*, и которая занимает важное место в синтаксисе всех остальных трех из затрагиваемых в данной статье языков.

Речь идет о строгом порядке согласования глагольных временных форм, при котором (как в английском, так и в немецком) *Прошедшее совершенное (Past Perfect)* должно, при любом раскладе, быть «в паре» с *Простым прошедшим (Simple Past)*, и указывать на то, что действие в *Past Perfect* было совершено значительно раньше той исходной временной точки, которая отражена в *Simple Past*. И благодаря функциональным возможностям вспомогательного глагола в армянском, здесь также сохраняется принцип вышеупомянутой последовательности времен:

– I **had bought** that book two years ago, and **gave** it to my friend yesterday.

– Ես **գնել էի** այդ գիրքը երկու տարի առաջ և երեկ **սփռեցի** այն իմ ընկերոջը:

В конце обратимся к форме будущего времени – *Будущее совершенное (Future Perfect)*. И здесь функциональная и семантическая эквивалентность вспомогательного глагола в армянском языке по отношению к английскому и немецкому играет решающую роль в правильном конструировании и использовании этой грамматической формы в переводном варианте.

– He will have read this book by the end of month.

– Er wird dieses Buch bis zum Ende des Monats gelesen haben.

– Նա կարդացած կլինի այս գիրքը մինչև ամսվա վերջ:

В данном случае отсутствие вспомогательного глагола в русском не дает возможности даже амбивалентного перевода этой грамматической формы в действительном залоге. Следовательно, единственно возможным вариантом относительно эквивалентного перевода этой временной формы на русский остается форма страдательного залога:
– *Эта книга будет прочитана им до конца месяца.*

Таким образом, в данном случае знание армянского языка на должном уровне позволит студенту лучше понять, легче усвоить и правильнее применить эту грамматическую форму как при переводе с английского (и немецкого) на армянский, так и наоборот.

Бывают, однако, случаи, когда уже русский язык служит незаменимым соединительным «мостом» для понимания тех или иных лексем и их видоизмененных значений в английском и/или немецком языках. Ярким примером этого может служить функциональная и семантическая соотнесенность приставок/префиксов в немецком и русском языках.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что знание нескольких языков может (по принципу цепной реакции) помочь «выискать» и к месту применить то или иное нужное слово, ту или иную грамматическую конструкцию, помочь найти наиболее подходящий вариант и извлечь максимальную выгоду из собственной мультилингвальной компетентности.

При этом, однако, нельзя забывать, что одним из недостатков мультилингва может быть сложность овладения двумя и более языками в совершенстве, или хотя бы на равном уровне. Даже если вы свободно говорите на двух и более языках, вам может быть сложно писать и отвечать на этих языках на том же уровне, что и людям, для которых данный язык является родным. С учетом этого, можно сделать вывод, что перед мультилингвом стоит перманентная задача увеличения усилий по поддержанию этих языков на высоком уровне (причем, как «родных», так и иностранных), что предполагает их регулярное применение, а также увеличение временных затрат на это.

Большим плюсом является тот факт, что билингвы и мультилингвы, как уже упоминалось, обрабатывают язык более эффективно, чем монолингвы, они лучше и быстрее справляются с концентрацией внимания, легко обретают навыки «жонглирования» несколькими языками. Тут «посредником» может стать преподаватель-мультилингв, который привет студентам «игровую» стратегию обучения, а сам выступит в качестве переводчика. Если двуязычные студенты в результате этих усилий будут иметь тот же словарный запас в «двойном измерении», то у четырехязычных, соответственно, он будет в четверном измерении.

Мультилингв имеет еще одну существенную мотивацию, которую можно оценить как большое преимущество: он может лучше оценить красоту и богатство изучаемого языка, имея уникальную возможность читать лучшие произведения мировой литературы в оригинале: наряду со знанием армянской и русской классики, появляется возможность читать Шекспира, Байрона, Фолкнера, Хемингуэя – на английском, Гёте, Рильке, Кафку, Ницше – на немецком, а также и научную литературу по специальности.

Однако для лучшего понимания сложных контекстов, необходимо, наряду с увеличением усилий для равноуровневого владения несколькими иностранными языками, обучающийся, с помощью преподавателя, отточить технику интерференции, т.е. переключения говорящего с одного языка на другой, с учетом специфики лингвоструктуры каждого из языков. Но только этого недостаточно: для качественного знания и применения другого языка необходимо развивать способность адекватного восприятия той формы мышления, которая свойственна именно данному языку. Одной только когнитивной гибкости здесь недостаточно. Перед студентом встает проблема преодоления культурных барьеров, что практически невозможно без непосредственной коммуникации с носителями языка: такая коммуникация, как известно, возможна путем участия в разных образовательных программах либо путем нахождения он-лайн партнера – носителя языка.

И хотя сегодня не очень «модно» цитировать классиков марксизма, но именно словами Маркса хочется завершить данную статью: «Иностранный язык – это оружие в жизненной борьбе» [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kramsch C.* The multilingual subject. Oxford University Press, 2009.
2. *Ryan E.B. & Giles H. (Eds.).* The Routledge handbook of language and intercultural communication. Routledge, 2008.
3. *Gombos G.* Mehrsprachigkeit zwischen Bildungschance und Bildungsrisiko. Erziehung und Unterricht. Österreichische Pädagogische Zeitschrift, 158, 2008. PP. 10–19.
4. *Marian V. & Shook A.* The cognitive benefits of being bilingual. Cerebrum, 2012.
5. *Retzlaff-Kresse B.* Eine fremde Sprache ist eine Waffe im Kampf des Lebens (Karl Marx). Fremdsprachenunterricht, 3, 1983. PP. 58–61. URL: <https://www.fachportal-paedagogik.de/literatur/vollanzeige.html?FId=2067505>

REFERENCES

1. *Kramsch C.* The multilingual subject. Oxford University Press, 2009.
2. *Ryan E.B. & Giles H. (Eds.).* The Routledge handbook of language and intercultural communication. Routledge, 2008.
3. *Gombos G.* Mehrsprachigkeit zwischen Bildungschance und Bildungsrisiko. Erziehung und Unterricht. Österreichische Pädagogische Zeitschrift, 158, 2008. PP. 10–19.
4. *Marian V. & Shook A.* The cognitive benefits of being bilingual. Cerebrum, 2012.
5. *Retzlaff-Kresse B.* Eine fremde Sprache ist eine Waffe im Kampf des Lebens (Karl Marx). Fremdsprachenunterricht, 3, 1983. PP. 58–61. URL: <https://www.fachportal-paedagogik.de/literatur/vollanzeige.html?FId=2067505>

MULTILINGUALISM AND ITS ROLE IN THE ERA OF GLOBALISATION

K. Matinyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The article touches upon the problem of multilingualism, so important in the modern era of globalisation. The intellectual and psychological ability of an individual, in our case a student, to perceive multicultural information – thanks to the knowledge of two or more foreign languages, as well as the cultural traditions of the speakers of

these languages - gives him the opportunity to overcome communication barriers and establish partnerships with different companies and organisations around the world.

Here we analyse the mechanisms of interference, i.e. switching from one language to another, which can help the student to find the most appropriate variant of expressing his/her thoughts in the required language and to get the maximum benefit from his/her own multilingual competence. Based on the results of specialists' research as well as on our own practical experience, the thesis is substantiated that multilinguals process any information faster and more efficiently than monolinguals.

Keywords: multilingualism, globalisation era, monolinguals, bilingualism, intercultural barriers, multilingual competence, linguostructure.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Авагян И.А.** соискатель Кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)
- Аветисян Д.П.** аспирант Кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)
- Восканян М.А.** д.э.н., доцент, заведующая Кафедрой экономики и финансов Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)
- Геворгян А.А.** ученый-исследователь Армянского центра американских исследований
- Давтян А.Г.** д.ю.н., профессор, профессор Кафедры гражданского права и гражданско-процессуального права Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)
- Донченко А.В.** соискатель по специальности «Мировая экономика» Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ), Торговый представитель Российской Федерации в Республике Армения
- Каграманян А.В.** соискатель Кафедры гражданского права и гражданско-процессуального права Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)
- Матинян К.Р.** д.филол.н., профессор, преподаватель Кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)
- Мирумян Р.А.** д.филол.н., профессор политических наук, ведущий научный сотрудник Института философии, социологии и права НАН РА, профессор Кафедры политологии им. К. Мирумяна Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)
- Мурадян А.Т.** ученый-исследователь Армянского центра американских исследований
- Петросян Д.Г.** магистрант Кафедры экономики и финансов Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)
- Саргсян С.А.** аспирант Кафедры политологии и философии при ЮНЕСКО Государственного университета имени В.Я. Брюсова, директор-учредитель Армянского центра американских исследований
- Симонян Т.К.** аспирант Кафедры политологии им. К. Мирумяна Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

**Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета.
Серия: гуманитарные и общественные науки, №1(52), 2025г.**

**Vestnik of Russian-Armenian (Slavonic) University
(Series: Humanities and Social Sciences), №1(52), 2025**

*Главный редактор РНИ – М.Э. Авакян
Корректор – А.С. Есаян
Компьютерная верстка – А.Г. Антонян*

*Editor-in-Chief of the RNI – M.E. Avakyan
Proofreader – A.S. Yesayan
Computer layout – A.G. Antonyan*

*Адрес Редакции научных изданий
Российско-Армянского университета:
0051, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123
тел./факс: (+374 12) 77-57-75 (внутр. 392)
e-mail: maria.avakian@rau.am*

*Address of the Editorial Board
of Scientific Publications
of the Russian-Armenian University:
0051, Yerevan, st. Hovsep Emin, 123
tel./fax: (+374 12) 77-57-75 (ext. 392)
e-mail: maria.avakian@rau.am*

Заказ № 26
Подписано к печати 10.05.2025г.
Формат 70х100¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Объем усл.11.5 п.л. Тираж 110 экз.

Order No. 26
Signed for publication 10.05.2025
Format 70x100¹/₁₆. Offset paper No. 1.
Volume 11.5 conv. p.l. Circulation 110 copies